

ВЕСНІК

БРЭСЦКАГА УНІВЕРСІТЭТА

Рэдакцыйная калегія

галоўны рэдактар

Ю. П. Голубеў

намеснік галоўнага рэдактара

З. П. Мельнікава

адказны рэдактар

Г. У. Клімовіч

С. М. Алейнікава (Беларусь)
Н. А. Антановіч (Беларусь)
А. В. Бяляева (Беларусь)
М. М. Громаў (Расія)
А. М. Грыгаровіч (Беларусь)
А. М. Данілаў (Беларусь)
В. М. Камнеў (Расія)
Ч. С. Кірвель (Беларусь)
П. П. Крुць (Беларусь)
М. Я. Ліхачоў (Беларусь)
Ю. І. Малевіч (Беларусь)
А. В. Самылаў (Расія)
Я. У. Скакун (Беларусь)

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1337 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224016, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: +375-(162)-21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
са снежня 1997 г.

Серыя 1

ФІЛАСОФІЯ

ПАЛІТАЛОГІЯ

САЦЫЯЛОГІЯ

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы на год

Заснавальнік – установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна»

№ 1 / 2025

У адпаведнасці з Дадаткам да загада
Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь
ад 06.02.2024 № 30 (са змяненнямі, унесенымі загадамі
ад 27.02.2025 № 48, ад 06.05.2025 № 107)
часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта.

Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія»
ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў у 2025 г.
па гістарычных, эканамічных і юрыдычных навуках

◇ ◇ ◇

У адпаведнасці з дагаворам паміж установай адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна»
і ТАА «Навуковая электронная бібліятэка» (ліцэнзійны дагавор
№ 457-11/2020 ад 03.11.2020) часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта.
Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія»
размяшчаецца на платформе eLIBRARY.RU
і ўключаны ў Расійскі індэкс навуковага цытавання (РІНЦ)

ЗМЕСТ

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

Чуткий наставник, талантливый руководитель, глубокий ученый
(к юбилею Василия Алексеевича Степановича) 5

ФІЛАСОФІЯ

Варич В. Н. Эклектизм религиозного сознания: истоки и современность 9

Врублевская-Токер Т. И. Теоретические основания этики искусственного интеллекта
в работах Н. Винера 15

Климович А. В., Крусъ П. П. Субстратно-информационная модель как методологическое
основание исследований человека в контексте социального и этнического развития 22

Климович А. И. Понятие «локальная философская традиция»
как инструмент историко-философского анализа 27

Котляров И. В. Культурные коды в смыслах, ценностях и лицах: когнитивное измерение 33

Лагуновская Е. А. Социально-философский анализ ценности любви
в контексте христианского вероучения и социальной практики
в условиях современного белорусского общества 39

Кошевой В. О. Типология военно-политического сознания общества:
историко-философский анализ проблемы 46

Дай Лин. Художественная и традиционная культура как фактор формирования ценностно-
мировоззренческих ориентаций современной молодежи Китая 52

ПАЛІТАЛОГІЯ

Мионов А. В., Казак О. Г. Ключевые особенности гуманитарных миссий
международного комитета Красного Креста 62

Василевская В. Э. Белорусско-китайское партнерство в реализации инициативы
«Один пояс – один путь»: понятие, цели, принципы и формы 68

Веремеев Н. Ю., Шумская Б. И. Народовластие как эффективная стратегия
предотвращения терроризма 78

Юй Ян. Анализ регионального измерения во внешней политике Республики Беларусь,
Китайской Народной Республики и Российской Федерации 85

САЦЫЯЛОГІЯ

Титаренко Л. Г. Образовательные риски гуманитарной безопасности: практические
рекомендации по их предупреждению в сфере образования 94

Лихачёв Н. Е. Жизненные ценности сельчан: социологический ракурс
(на материалах исследования в моголевской области) 101

Смыкова Е. Ю. Современный опыт использования цифровых технологий
в культурном пространстве Беларуси (на примере музеев) 108

Сухотский Н. Н. Динамика предпочтений населения Беларуси в сфере внутреннего туризма:
социологический анализ 113

Кармызова Д. Д. Социальный пакет как фактор мотивации труда жителей территорий,
пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС
(на примере Гомельской, Брестской и Моголевской областей) 122

Максимук Е. Г. Концептуальные подходы к исследованию коллективной памяти 130

VESNIK

OF BREST UNIVERSITY

Editorial Board

Editor-in-chief

Yu. P. Golubeu

Deputy Editor-in-chief

Z. P. Melnikava

Managing editor

H. U. Klimovich

S. M. Alejnikava (Belarus)
N. A. Antanovich (Belarus)
L. V. Byalyaeva (Belarus)
M. M. Gromau (Russia)
A. N. Grygarovich (Belarus)
A. M. Danilau (Belarus)
V. M. Kamneu (Russia)
C. S. Kirvel (Belarus)
P. P. Krus (Belarus)
M. Ya. Likhachov
Yu. I. Malevich
A. V. Samylau (Russia)
E. Y. Skakun (Belarus)

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
nr 1337 from April 28, 2010

Editorial Office:
224016, Brest,
21, Kosmonavtov Boulevard
tel.: +375-(162)-21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.by

Published since December 1997

Series 1

PHILOSOPHY

POLITOLOGY

SOCIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued twice a year

Founder – Educational Establishment
«Brest State A. S. Pushkin University»

№ 1 / 2025

According to the Supplement to the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from February 06, 2024 nr 30 (with the amendments made by the orders of Supreme Certification Commission from February 27, 2025 nr 48, from May 06, 2025 nr 107) the journal «Vesnik of Brest University.

Series 1. Philosophy. Politology. Sociology» has been included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in 2025 in historical, economic and law sciences

◇ ◇ ◇

According to the agreement
between Educational Establishment
«Brest State A. S. Pushkin University» and Pvt Ltd «Scientific Electronic
Library» (licence contract № 457-11/2020 from 03.11.2020)
the journal «Vesnik of Brest University.
Series 1. Philosophy. Politology. Sociology»
is placed on the platform eLIBRARY.RU
and included in the Russian Science Citation Index (RSCI)

CONTENTS

OUR ANNIVERSARIES

A Sensitive Mentor, a Talented Leader, a Profound Scientist (to the 80th Anniversary of Vasily Stepanovich)	5
--	---

PHILOSOPHY

Veronika Varich. Eclecticism of Religious Consciousness: Origins and Modernity	9
Tatiana Vroublevskaya-Toker. Theoretical Foundations of the Ethics of Artificial Intelligence in the Works of N. Wiener.....	15
Anna Klimovich, Pavel Krus. Substrate-Informational Model as a Methodological Basis for Human Research in the Context of Social and Ethnic Development	22
Hanna Klimovich. The Concept of «Local Philosophical Tradition» as an Instrument of Historical and Philosophical Analysis	27
Igor Kotlarov. Cultural Codes in Sences, Values and Personalities: Cognitive Dimention	33
Alena Lahunouskaya. Social and Philosophical Analysis of the Value of Love in the Context of Christian Doctrine and Social Practice in the Context of Modern Belarusian Society	39
Vadim Koshevoy. Typology of Military-Political Consciousness of Society: Historical and Philosophical Analysis of the Problem	46
Dai Ling. Artistic and Traditional Culture as a Factor in Shaping the Value and Worldview Orientations of Modern Chinese Youth	52

POLITOLOGY

Anton Mironov, Oleg Kazak. About Some Features of Humanitarian Missions of the International Committee of the Red Cross	62
Valeria Vasilevskaya. The Belarusian-Chinese Partnership in the Implementation of the «One Belt – One Road» Initiative: Concept, Goals, Principles and Forms	68
Nikolay Veremeev, Beata Shumskaya. Democracy as an Effective Strategy for Preventing Terrorism	78
Yu Yang. Analysis of the Regional Dimension in the Foreign Policy of the Republic of Belarus, the People’s Republic of China and the Russian Federation.....	85

SOCIOLOGY

Larisa Titarenko. Educational Risks of Humanitarian Security: Practical Recommendations for their Prevention in the Sphere of Education.....	94
Nikolay Likhachov. Life Values of Rural Residents: a Sociological Perspective (Based on Research in the Mogilev Region).....	101
Yauheniya Smykova. Contemporary Experience of Using Digital Technologies in the Cultural Space of Belarus (on the Example of Museums)	108
Nikolai Sukhotsky. Dynamics of Preferences of the Population of Belarus in the Sphere of Domestic Tourism: Sociological Analysis.....	113
Diana Karmyzoza. Social Benefits Package as a Labor Motivation Factor for Residents in Territories Affected by the Chernobyl Nuclear Disaster (Case Study of Gomel, Brest, and Mogilev Regions, Belarus)	122
Ekaterina Maksimuk. Conceptual Approaches of Collective Memory	130

НАШЫ ЮБИЛЯРЫ

ЧУТКИЙ НАСТАВНИК, ТАЛАНТЛИВЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ, ГЛУБОКИЙ УЧЕНЫЙ

(к юбилею Василия Алексеевича Степановича)

16 июня 2025 г. исполняется 80 лет со дня рождения ректора Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина (1989–1999), кандидата философских наук, профессора Василия Алексеевича Степановича. Ректорат, редакционная коллегия журнала «Вестник Брестского университета», кафедра философии и экономики, преподаватели и сотрудники университета поздравляют Василия Алексеевича с юбилеем и желают ему здоровья, бодрости духа и всего самого наилучшего!

Василий Алексеевич Степанович – ровесник нашего учебного заведения. Более того, практически вся сознательная жизнь этого замечательного человека связана с университетом, который получил статус университета во многом благодаря ему: при активном участии Василия Алексеевича

Брестский государственный педагогический институт имени А. С. Пушкина в 1995 г. стал академическим университетом.

Остановимся на важнейших этапах славного жизненного пути нашего юбиляра.

Василий Алексеевич родился 16 июня 1945 г. в рабочей семье в д. Первомайская Березовского района Брестской области. С раннего детства ему пришлось испытать на себе все трудности и лишения послевоенных лет. Его мама, оставшись вдовой, с трудом обеспечивала семью. Тем не менее ей удалось не только прочно поставить на ноги всех троих детей, но и наделить их высокими духовными качествами, воспитать прекрасных людей – достойных граждан своего Отечества.

Василий Алексеевич рано познал, что такое тяжелый крестьянский труд, так что

детство и юность помнятся Василию Алексеичу прежде всего тем, что приходилось много физически работать. Он рано, еще до школы, научился читать, и с тех пор тяга к чтению стала для него неотъемлемым занятием. Он усердно учился, особенно хорошо в школе ему давались математика и физика. Это и обусловило после блестящего окончания средней школы его поступление в 1962 г. на физико-математический факультет Брестского государственного педагогического института имени А. С. Пушкина. Так пересеклась судьба молодого человека с судьбой нашего учреждения образования.

Трудолюбие и талант студента Василия Степановича быстро нашли признание сокурсников и преподавателей, и ему была присуждена именная стипендия. Именно в студенческие годы он «пристрастился» к научной работе: регулярно участвовал в конкурсах студенческих научных работ, в работе студенческих научных кружков, выступал с докладами на студенческих научных конференциях. Круг научных интересов Степановича-студента не был ограничен только проблемами математики – все больше и больше привлекало одаренного студента решение широкого спектра гуманитарных, и особенно философских, вопросов. Эта удивительная заинтересованность в проблемах гуманитарного образования ярко проявилась еще в школе...

В 1969 г. выпускник физмата В. Степанович получил два предложения по работе в своем институте: на кафедре высшей математики и на кафедре философии и политической экономии. Выбрал философию, о чем никогда не жалел. Всегда считал, что философия и математика на самом деле очень близки, и прежде всего по степени общности проблем, которыми они занимаются.

Преподавательская работа потребовала от Василия Алексеича углубленного и системного изучения философских дисциплин, особенно истории философии и методологии научного познания. Он поступил в аспирантуру при кафедре философии Белорусского государственного университета, причем на дневное отделение. Итогом учебы в аспирантуре стала успешная защита в 1981 г. кандидатской диссертации «Методологические проблемы мате-

матических теорий мышления». И в настоящее время это направление исследования не утратило своей актуальности и практической ориентированности.

Возвратившись из аспирантуры, В. А. Степанович продолжил работу на кафедре философии и политэкономии Брестского государственного педагогического института имени А. С. Пушкина сначала в качестве старшего преподавателя, доцента, а затем профессора (с 1991 г.). В 1983 г. Василий Алексеич, как высококвалифицированный ученый и преподаватель, снискавший авторитет среди коллег и студентов, был назначен проректором по учебной работе, а в 1989 г. ученый совет подавляющим большинством голосов избрал его ректором института. В этой должности В. А. Степанович проработал до 1999 г.

Итак, без малого 10 лет Василий Алексеич руководил университетом. На этом посту в полной мере раскрылся его талант руководителя. Он стал подлинным авторитетом и душой всего коллектива. И профессорско-преподавательский состав, и другие работники в равной степени могли рассчитывать на внимание и заботу со стороны своего руководителя, которого все искренне любили и уважали. Не жалея сил и времени, Василий Алексеич целенаправленно трудился в направлении расширения научного и материального потенциала нашего университета. Под руководством Василия Алексеича университет постоянно и последовательно расширялся: открывались новые факультеты и специальности, значительно выросло и количество студентов.

В середине 1990-х гг. перед Брестским педагогическим институтом имени А. С. Пушкина стояли две важнейшие стратегические задачи: оптимизация кадровой политики с целью увеличения удельного веса в структуре профессорско-преподавательского состава кандидатов и докторов наук и реформирование и совершенствование структуры учебного заведения (открытие новых специальностей, факультетов и кафедр) с целью обретения институтом статуса классического университета. Обе задачи удалось успешно решить. Василию Алексеичу приходилось выезжать в дальние командировки в поисках

необходимых кадров, которых в то время по ряду специальностей остро не хватало. Ведь для того чтобы подготовить квалифицированных специалистов, нужно иметь высококвалифицированных преподавателей. И они приезжали, порой издалека. Так, например, при непосредственном участии Василия Алексеевича в Брест переехали заслуженный тренер СССР, мастер спорта СССР по акробатике В. П. Коркин, доктор биологических наук, профессор Виктор Михайлович Еремин, доктор филологических наук, профессор Николай Иванович Мищенчук.

Время было, как мы сейчас понимаем, очень непростое: ломались привычные стереотипы, изменялись формы работы, появлялись новые структурные подразделения. Перестройка, охватившая политику, экономику, язык и культуру, сказалась и на истории нашего вуза, на судьбах членов коллектива. Василий Алексеевич считал важнейшей задачей сохранить в этих изменившихся условиях людей, кадры, вырастить новых специалистов из молодежи. Он оценивал возможности молодых преподавателей, ориентировал их на поступление в аспирантуру, дальнейшую защиту диссертации. Многие из тогда начинающих преподавателей до сих пор работают в нашем университете.

Несмотря на исключительную занятость организационной работой, Василий Алексеевич никогда не прекращал интенсивных научных исследований. Высокие административные посты не только не мешали, но, напротив, стимулировали его научную работу, ибо должности проректора по учебной работе, а затем и ректора высшего учебного заведения требовали всестороннего осмысления проблем и задач, стоящих перед высшей школой. В профессиональной деятельности В. А. Степановича, его научных работах ярко выражен философский подход к решению вопросов, стоящих перед сферой образования и воспитания.

Именно поэтому, не оставляя в стороне чисто философской тематики, он обратился к таким проблемам, как становление творческого стиля деятельности будущего учителя, взаимосвязь педагогического вуза и школы, методология организации и содержания учебного процесса в педагоги-

ческом учебном заведении, гуманизация образования и др. Вскоре под руководством Василия Алексеевича в вузе сложился широкий авторский коллектив по написанию учебных программ, учебных пособий и учебников.

О многовекторности и разноплановости научных интересов В. А. Степановича свидетельствует, например, то, что в конце 1990-х гг. его заинтересовала тема активных форм обучения в виде деловой деятельности. Итогом исследований стала написанная в соавторстве с доктором психологических наук Галиной Сергеевной Абрамовой книга «Деловые игры: теория и организация», посвященная организационно-содержательным и психолого-педагогическим аспектам проведения деловых игр, а также возможным деловым позициям во время диалогов, дискуссий, ситуаций принятия решений. Впервые книга увидела свет в 1999 г. в Екатеринбурге в издательстве «Деловая книга». На актуальность и востребованность изысканий авторов указывает то, что «Деловые игры...» регулярно переиздаются в России до настоящего времени.

Кроме того, В. А. Степанович в качестве эксперта от Беларуси участвовал в работе Европейского регионального семинара ЮНЕСКО, который был посвящен проблемам педагогической подготовки преподавателей вузов, ответственных за подготовку будущих учителей, а затем в течение пяти лет был корреспондентом ЮНЕСКО, что позволило ему ознакомиться с системой подготовки учителей в зарубежных странах. С вузами некоторых стран (Польша, г. Седльце; ФРГ, г. Вайнгартен) было налажено сотрудничество по обмену опытом в вопросах образования и воспитания студентов.

Оставив в 1999 г. пост ректора, В. А. Степанович продолжил активную и плодотворную работу в качестве профессора кафедры философии родного вуза. Его творческая активность в этот период по-прежнему поражает, как и широта круга научных интересов, о чем убедительно свидетельствует обширный список изданных работ: его библиография включает более 200 наименований изданий различного характера.

Своего рода итогом творческой работы Василия Алексеевича, результатом его

многолетнего осмысления истории философской мысли стал учебник, изданный первоначально в нашем университете, – это двухтомник «История философии»: часть 1 «Исторические типы классической философии» (2010) и часть 2 «Неклассическая философия XIX–XX веков» (2012). В. А. Степанович обработал огромный историко-философский материал, подробно, ясным языком, доступным для понимания широкой аудитории, раскрыл философские концепции крупнейших мыслителей разных исторических периодов. В книге профессор Степанович не только знакомит читателя с более чем двухтысячелетней историей развития историко-философских идей, но и вскрывает внутреннюю логику их развития, преемственность философских школ и направлений.

Автор стремится приобщить читателя именно к проблемной сущности философии, развить в нем стремление к самостоятельному прочтению. Для этой цели на кафедре под руководством профессоров В. А. Степановича и С. Д. Шаша была издана «История философии в избранных фрагментах с комментариями» (к работе над этим изданием был привлечен весь коллектив кафедры философии), направленная на осмысление изучаемого материала, а также на стимулирование самостоятельного мышления студентов. Профессор В. А. Степанович предложил не только замечательное учебное пособие для студентов и магистрантов, но и увлекательную книгу для широкого круга вдумчивых читателей.

В 2015 г. А. В. Климович и В. А. Степановичем был создан краткий курс лекций «Философия» (главным образом с целью облегчения усвоения курса философии для иностранных студентов). Он стал популярен и среди студентов-заочников, когда был издан в бумажном и в электронном вариантах.

В 2017 г. учебник «История философии» получил вторую жизнь: он стал известен более широкому кругу читателей уже не только в нашей стране, но и в соседних России и Украине, будучи изданным московским издательством «Прометей».

В течение нескольких лет учебник «Философия. Краткий курс лекций» переиздавался ежегодно в Москве издательством «ИНФРА-М». Издание имело гриф «Рекомендовано в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по гуманитарным направлениям подготовки (квалификация (степень) “бакалавр”))» и получило довольно высокую оценку читателей.

Василий Алексеевич был и остается для нас образцом подлинного гражданина и патриота. Он прекрасный семьянин – счастливый муж, отец и дедушка. Это преданный и искренний друг, познавший счастье проверенной многими десятилетиями дружбы.

Желаем Вам, Василий Алексеевич, как можно дольше идти по своему благородному жизненному пути!

Вероника Николаевна Варич

*канд. филос. наук, доц. каф. гуманитарных наук
Брестского государственного технического университета*

Veronika Varich

*Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities
of Brest State Technical University*

e-mail: vari61@list.ru

ЭКЛЕКТИЗМ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Проводится анализ духовных и социальных предпосылок современного религиозного эклектизма с обращением к более ранним формам эклектического сознания и к противопоставлению религии и «здравого смысла» в культуре Просвещения. Подвергается критике природа современного религиозного эклектизма в контексте характерных проявлений постмодернистской культуры и процессов информатизации во всех сферах социальной жизни.

Ключевые слова: *религия, религиозное сознание, эклектизм, Просвещение, постмодерн.*

Eclecticism of Religious Consciousness: Origins and Modernity

The article provides an analysis of the spiritual and social prerequisites of modern religious eclecticism with an appeal to earlier forms of eclectic consciousness and to the opposition of religion and «common sense» in the culture of the Enlightenment. The article also provides deep reflections on the nature of modern religious eclecticism in the twenties, the characters of postmodern cultures and the processes of informatization in all manifestations of public life.

Key words: *religion, religious consciousness, eclecticism, Enlightenment, postmodern.*

Введение

Вопрос о том, почему религиозные представления современного человека во множестве случаев имеют эклектический характер, представляет не только академический, но и практический интерес в плане изучения в вузе гуманитарных наук. Развернутый и содержательно исчерпывающий ответ на этот вопрос невозможен в рамках одной статьи, однако в ней ставится цель по мере возможности проанализировать идейные и социальные предпосылки религиозного эклектизма и современное его состояние.

Для достижения этой цели необходимо решение нескольких взаимосвязанных задач:

- 1) кратко охарактеризовать исторические формы религиозного эклектизма;
- 2) показать их связь с современными его проявлениями;
- 3) выделить характерные особенности, присущие эклектическому религиозному сознанию в наши дни.

Основная часть

Учебная деятельность в вузах нашей страны осуществляется в тесной связи

с воспитательным процессом и ориентирована не только на формирование профессиональных знаний, умений и навыков, но и на развитие высоких духовных качеств. Так, Миссия Брестского государственного технического университета формулируется следующим образом: «Преумножение и распространение научно-интеллектуальных, духовно-нравственных, культурных ценностей и национальных традиций для формирования профессиональных компетенций специалистов и гармоничного развития личности» [1]. Единство учебной, воспитательной и научной деятельности в образовательном процессе особенно отчетливо проявляется в ходе преподавания гуманитарных дисциплин, которые по самой своей сути предполагают обращение к различным философским, религиозным и этическим учениям, вошедшим в сокровищницу мировой духовной культуры. Многолетний опыт преподавания этих дисциплин студентам различных специальностей показывает, что современные молодые люди имеют очень слабое представление (если вообще имеют) о различных формах религий и свободомыслия, об этапах развития науки и отли-

чиях научного знания от ненаучного, о наиболее разработанных системах морали и о различных вариантах идеологий. Более того, печальным, но несомненным фактом является отсутствие в сознании многих студентов системной научной картины мира и, как следствие, фрагментарность и разрозненность знаний об основных законах развития природы и общества. Без сомнения, миропонимание не обязано быть научно-рациональным, но можно говорить и об отсутствии целостной религиозной картины мира, да и вообще какого бы то ни было цельного представления о нем.

Вопросы о субъективных и объективных факторах такого положения дел выйдут за пределы проблематики данной статьи, однако один из факторов все же целесообразно указать – это глобальная информатизация общественной и частной жизни, охватывающая все ее сферы без исключения. В информационном обществе коммуникативная сфера выходит на первый план, обеспечивая принципиально новые и эффективные методы и способы обмена данными. Самый большой объем знаний, ценностей и смыслов человек получает не в ходе межличностного общения и не в процессе обучения в школе, техникуме или вузе, а с помощью технических средств, причем обмен информацией не имеет практически никаких ограничений. Одной из характерных особенностей такого обмена становится размытость критериев, по которым участники обмена могли бы отличать истину от лжи, добро от зла, а мудрецов – от шарлатанов.

В формировании и развитии религиозного сознания современные способы коммуникации также играют определенную роль. Как справедливо отмечает С. В. Махонин [2, с. 168], отсутствие ограничений в обмене информацией приводит к детерриторизации религий – в Интернете нет никаких границ, и любая религиозная организация может функционировать в любой точке мира. Меняются также средства доставки религиозных текстов и возможности религиозного общения – киберпространство «изобилует церквями и молитвенными домами, а также синагогами, залами для медитации, поминальными мемориалами (аналогами кладбищ) и прочими культовыми объектами, воссоздающими в киберпрост-

ранстве религиозную среду, пребывая в которой человек испытывает эффект присутствия и соучастия» [3, с. 29]. Не отвлекаясь от монитора компьютера (не выпуская мобильный телефон из рук), можно «помолиться, заказать службу за здоровье или за упокой, зажечь виртуальную свечку и иным способом проявить активность, реализуя свои религиозные или иные потребности». [3, с. 29]. Пройдя сквозь призму массовой коммуникации, сами религиозные ценности и идеи превращаются в товар, приобретение которого позволяет считать себя если не верующим человеком, то по крайней мере относящимся к какой-либо религиозной общности.

Еще одним эффектом повсеместной информатизации является рождение множества эклектических религиозных течений и верований, которые могут быть сконструированы самой личностью из тех религиозных идей, символов и представлений, которые циркулируют в информационном потоке, – появляются так называемые «поскутные религии», или «бриколаж». Под воздействием информационных технологий религиозность, таким образом, приобретает новые формы: «Массово распространяется эклектизм религиозных верований, сочетающий не связанные между собой ни логически, ни исторически верования, взятые из различных традиционных, национальных, первобытных религий и культов и современных новых религиозных движений» [2, с. 169].

Традиционное религиозное сознание переживает кризис не только в связи с появлением новых религиозных движений, но и вследствие утраты христианством доминирующего положения в западной культуре, а христианской цивилизации – во всем мире. Коренное население Западной Европы сокращается и постепенно замещается миграционными группами, идентичность которых определяется совершенно другими цивилизационными ценностями. И если единство внутри традиционных и фундаменталистских культур обеспечивается в числе прочего религиозным сознанием, то единство западной цивилизации поддерживается лишь на уровне политических институтов, поскольку в последние десятилетия эта цивилизация отвергает традиционные христианские ценности в пользу уль-

тралиберальных представлений о человеке и обществе. В отсутствие выраженной ценностной иерархии в западных обществах происходит обмирщение массового сознания, в нем стираются границы между сакральным и профанным, а верования (при наличии таковых) приобретают самые причудливые формы.

Сочетание совершенно разнородных идей и представлений, которые механически соединяются в некое учение, претендующее на оригинальность и целостность, характеризуют эклектизм как таковой. Возникшее таким способом миропонимание во многом обуславливает восприятие человеком мира и самого себя, влияет на его ценностные ориентации и поведение. Для собственно религиозного эклектизма характерны «заимствования из вероучительных систем двух и более религий без их логического согласования; произвольное использование терминологии, связанной с ними, в значениях, не совпадающих с принятыми в соответствующих религиях и очень редко дефинированных; ориентация культовых практик на подавление способности адепта к критическому суждению о содержании предлагаемого вероучения» [4, с. 364].

Эклектизм религиозного сознания не является чем-то принципиально новым в духовной культуре. Так, в результате кризиса античной философии сформировался религиозно-философский эклектизм, наиболее ярко выраженный во взглядах гностиков, сочетавших дохристианские философские идеи с иудейскими и христианскими воззрениями, а в восточном христианстве – в попытках соединить христианство и неоплатонизм. В Новое время религиозный эклектизм приобретает новые черты в стремлении соединить отдельные нравственные положения христианства с пантеистическими и антитринитаристскими представлениями. В это же время философский эклектизм развивается как просветительская научно-методологическая стратегия, сторонники которой, с одной стороны, «выступали против резкого и необдуманного разрыва с традиционными представлениями и ценностями, а с другой – приветствовали дух критицизма философии Нового времени» [5, с. 109].

Как бы ни оценивался эклектизм в культуре Просвещения, можно усмотреть

его глубинные истоки в диалектическом противодействии религиозных представлений и рационального осмысления мира, которое Гегель в своей «Феноменологии духа» называл «чистым здравомыслием». В нем он видел стремление снять любую предметность, любую отличающуюся от сознания самостоятельность и возвести ее в понятие. В этом стремлении «чистое здравомыслие» в лице проводящих его в жизнь просветителей прежде всего выступает против веры, представляя ее как противоположность разуму и истине, как сплетение суеверий, заблуждений и предрассудков. По мысли Гегеля, вера и здравомыслие взаимодействуют в одном и том же отчужденном от индивида общественном сознании, и поэтому распространение «чистого здравомыслия» не встречает никаких препятствий. Как «всюду проникающая зараза», оно постепенно расшатывает устои веры и обнаруживается лишь тогда, когда уже распространилось: «Только память сохраняет тогда еще мертвый образ прежней формы духа как некоторую неизвестно как протекавшую историю; и новая, вознесенная для поклонения змея мудрости таким образом только безболезненно сбросила с себя дряблую кожу» [6, с. 279].

Просвещение как реализация «чистого здравомыслия» выдвигает целый ряд критических тезисов о религии:

1) абсолютная сущность как предмет веры рассматривается им как порождение самого верующего сознания;

2) абсолютная сущность, напротив, понимается как нечто чуждое сознанию, результат деятельности «великих лжецов»;

3) вместо постижения абсолютной сущности верующее сознание поклоняется какой-либо чувственной вещи (идолу);

4) знание верующих об абсолютной сущности базируется на случайных свидетельствах;

5) провозглашаемый верующими отказ от потребления и собственности – всего лишь лицемерная уловка, скрывающая корыстные цели.

Указывая, что критика религии со стороны представителей Просвещения не лишена недостатков, Гегель задается вопросом, что оно может предложить взамен: «Когда все предрассудки и суеверия искоренены, возникает вопрос: *что же дальше?*

Какова та истина, которую просвещение распространило вместо них?» [6, с. 285].

«Положительную истину» Просвещения относительно религии Гегель видит в его требованиях исключить из представления об абсолютной сущности (Боге) все случайное и единичное, а также рассматривать верующее сознание и абсолютную сущность как равно необходимые (полезные) друг для друга. Распространяя отношение взаимообусловленности противоположностей на весь мир, Просвещение делает вывод: все полезно. «Для человека как для вещи, *сознающей* это отношение, в этом обнаруживается его сущность и его положение. Такой, как он непосредственно есть, как естественное сознание *в себе*, он *добр*, как единичное – *абсолютен*, и «иное» есть *для него*; и притом, так как для него как сознающего себя животного моменты имеют значение всеобщности, то *все* существует для его удовольствия и улаживания» [6, с. 287]. Гегель не без иронии отмечает, что саму критикуемую религию Просвещение характеризует как высшее выражение полезного: «*Отношение* единичного сознательного бытия к абсолютной сущности, *религия*, исчерпывающим образом исчерпывается понятием полезности» [6, с. 288]. Этот вывод так же «отвратителен», по словам Гегеля, для веры, как и беспощадная критика: в результате распространения «чистого здравого смысла» религия становится «безжизненной вибрацией духа», неким нежизнеспособным духовным образованием. В конечном итоге принцип полезности одерживает верх над верой в абсолютную сущность: «Оба мира примирены, и небо пересажено на землю» [6, с. 298].

Один из идейных источников современного эклектизма, таким образом, обнаруживается в культуре Просвещения со свойственной ей рационализацией и автономизацией человека от Бога, от природы и от других людей. По словам Демина, его характеристики были заложены «в суверенном, секуляризованном сознании человека Модерна, отпавшего от Бытия, от Абсолюта, от всего сверхиндивидуального и, самое главное, провозгласившего это отпадение своим “прогрессивным”, “взрослым” устроением» [7, с. 51]. Культуру, получившую свои базисные основания в идеях Возрождения и Просвещения, принято называть

модерном, и на протяжении долгого времени именно она рассматривалась в качестве современной. Рационализация всех сфер общественного бытия и индивидуализация человека как социального атома, свойственные этой культуре, привели к тому, что желанная консолидация человечества происходит в виде глобализации и не на основе сознательного перехода к гармоничному союзу людей, объединенных общими ценностями, а благодаря материальной выгоде от экономической взаимозависимости. Поэтому неудивительно, что в ситуации после модерна появляется нигилистическая философия повседневности, исходящая из признания обычного и частного в качестве главного предмета осмысления. В различных формах свободной и спонтанной активности, характерных для современного информационного общества, постепенно выходит на первый план низовой уровень социальной жизни, обнаруживающий отсутствие каких-либо общих духовных «скреп»: «Разрушив модернистскую “железную клетку” рациональности, Постмодерн пока продемонстрировал по большей части нарастание хаоса и общей усталости от “бардака”, каким предстал мир после краха проекта Просвещения» [7, с. 53]. Такое миропонимание находит выражение в моральном релятивизме и эклектизме, определяющих сознание и поведение людей.

Первыми носителями массового религиозного эклектизма принято считать представителей протестных молодежных движений 1960-х гг. К концу XX в. эклектизм из системы взглядов, занимавших маргинальное положение в культуре, постепенно превратился в специфическую черту религиозного сознания современного человека, своего рода мейнстрим религиозной культуры Запада [4, с. 366]. Современная религиозная эклектика может не демонстрировать генетическую зависимость от религиозно-философского эклектизма предшествующих эпох, однако она связана с ним через массовое религиозное сознание, которое волей-неволей на протяжении многих лет испытывало влияние различных эклектических учений: от толстовства и учения Сан Мён Муна до сайентологии. Заявляя претензии на подлинно христианский характер, такие учения были несовместимы с историческим христианством, а их созда-

тели, как правило, не имели достаточно компетенций, чтобы подчинить разнородные представления и практики какой-то единой системе взглядов.

Современный религиозный эклектизм отказывается от идеалов, но не отказывается от идолов, причем объектом поклонения становится вовсе не гегелевская абсолютная сущность, а человек сам для себя или какая-либо персона, по тем или иным причинам ставшая знаменитой хотя бы на время. Крушение высших начал в сознании массового человека (да и элиты тоже) создает духовную пустоту в масштабе всего общества, которая усугубляется культом «сиюминутной жизни» и иллюзией безграничных перспектив, усердно поддерживаемой медиакультурой. В состоянии «после оргии» (Ж. Бодрийяр) сколько-нибудь цельные формы общественного сознания терпят окончательный крах: время героев, мучеников и больших общественных проектов закончилось, а человек «уже и не “вещь” в товарном обмене, как при капитализме, и не “винтик” в тоталитарной машине... его просто нет, сама его идентичность поставлена под вопрос, она “расшатана” тем пространством симулякров, в котором он ежедневно пребывает» [7, с. 54].

Как и другие формы духовной жизни, религиозное сознание в таких условиях неизбежно становится эклектичным – утрачивает внутреннюю согласованность и глубину содержания. Поэтому упомянутое

«преумножение и распространение научно-интеллектуальных, духовно-нравственных, культурных ценностей» как миссия высшего учебного заведения невозможно без вдумчивого и внимательного ознакомления с историей и содержанием наиболее значимых религиозных и философских учений в процессе изучения наук гуманитарного цикла.

Заключение

Современный религиозный эклектизм генетически взаимосвязан с эклектическими учениями прошлых эпох. Его идейные истоки можно обнаружить как в античной эклектике, так и в эклектических философских программах Нового времени. Особое значение в эволюции религиозного эклектизма имеет критика религии с позиций «здорового смысла», предпринятая в философии Просвещения. Однако наиболее существенное влияние на формирование современного религиозного эклектизма оказали общекультурные процессы, связанные с кризисом просветительской культуры и ее рационалистических и универсалистских установок.

Современный религиозный эклектизм характеризуется внутренней логической несогласованностью, сочетанием генетически и содержательно разнородных верований, поверхностностью религиозных представлений и отказом от поисков Абсолюта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Миссия, Видение, Политика в области качества БрГТУ // БрГТУ [Сайт]. – URL: <https://www.bstu.by/sotrudnikam/smk/missiya-videnie-politika-v-oblasti-kachestva> (дата обращения: 10.04.2025).
2. Махонин, С. В. Особенности религиозности в глобальном информационном обществе / С. В. Махонин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2019. – Т. 44, № 1. – С. 166–171.
3. Киберрелигия: наука как фактор религиозных трансформаций / А. П. Забияко [и др.] ; под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск : Амур. гос. ун-т : Б-ка журн. «Религиоведение», 2012. – 208 с.
4. Громов, Е. В. Эклектизм современного религиозного сознания в историческом контексте / Е. В. Громов // Обществознание и социальная психология. – 2023. – № 9-1 (39). – С. 362–369.
5. Секундант, С. Г. Иоганн Христоф Штурм. Эклектизм как философская идеология и методологическая программа / С. Г. Секундант // Эпистемология и философия науки. – 2016. – Т. 48, № 2. – С. 104–120.
6. Гегель, Г. Феноменология духа / Г. Гегель. – М. : Наука, 2000. – 495 с.
7. Демин, И. В. Современность как новое Средневековье: постмодерный эклектизм или возрождение метафизического сознания? / И. В. Демин // Диагностика современности: глобальные

вызовы – индивидуальные ответы : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием, Самара, 29–30 июля 2017 г. – Самара : Самар. гуманитар. акад., 2018. – С. 49–57.

REFERENCES

1. Missija, Vidienije, Politika v oblasti kachiestva BrGTU // [Sajt]. – URL: <https://www.bstu.by/sotrudnikam/smk/missiya-videnie-politika-v-oblasti-kachestva> (data obrashchienia: 10.04.2025).
2. Makhonin, S. V. Osobiennosti rieligioznosti v global'nom informacionnom obshchestvie / S. V. Makhonin // Nauchnyje vedomosti Bielgorodskogo gosudarstviennogo univiersitieta. Sieriya: Filosofija. Sociologija. Pravo. – 2019. – T. 44, № 1. – S. 166–171.
3. Kibirrieliigija: nauka kak faktor rieligioznykh transformacij / A. P. Zabijako [i dr.] ; pod ried. A. P. Zabijako. – Blagovieshchensk : Amur. gos. un-t : B-ka zhurn. «Rieligioviedienije», 2012. – 208 s.
4. Gromov, Je. V. Ekliktizm sovriemennogo rieligioznogo soznaniya v istorichieskom kontiektie / Je. V. Gromov // Obshchestvoznaniye i social'naja psikhologija. – 2023. – № 9-1 (39). – S. 362–369.
5. Siekundant, S. G. Iogann Khristof Shturm: Ekliktizm kak filosofskaja ideologija i mietodologichieskaja programma / S. G. Siekundant // Epistiemologija i filosofija nauki. – 2016. – T. 48, № 2. – S. 104–120.
6. Giegel', G. Fienomienologija dukha / G. Giegel'. – M. : Nauka, 2000. – 495 s.
7. Diemin, I. V. Sovriemennost' kak novoje Sriednieviekov'je: postmodernyj ekliktizm ili vozrozhdienije mietafizichieskogo soznaniya? / I. V. Diemin // Diagnostika sovriemennosti: global'nyje vyzovy – individual'nyje otviety : sb. materialov Vsieros. науч. конф. s miezhduнар. uchastijem, Samara, 29–30 ijulia 2017 g. – Samara : Samar. гуманитар. акад., 2018. – S. 49–57.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 11.05.2025

Татьяна Ивановна Врублевская-Токер

канд. филос. наук, доц. каф. управления и социальной работы

Филиала Российского государственного социального университета в г. Минске

Tatiana Vroublevskaya-Toker

Candidate of Philosophical Sciences,

Associate Professor of the Department of Management and Social Work

of Minsk Filial Branch of Russian State Social University

e-mail: VrublevskaiaTI@rgsu.net

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭТИКИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РАБОТАХ Н. ВИНЕРА

Рассматривается кибернетический подход американского ученого и философа, основателя кибернетики Норберта Винера как источник теоретических оснований этики искусственного интеллекта. Изучается проблема определения теоретических оснований этики искусственного интеллекта, которая складывается как прикладная наука и ориентирована на отбор лучших практик использования современных технологий. Цель статьи – представить кибернетический подход Н. Винера как объяснительную этическую модель, одно из теоретических оснований этики искусственного интеллекта. Показано, что система понятий кибернетического подхода (информация, обратная связь, неопределенность, энтропия) определяет содержание этических понятий в рамках этики искусственного интеллекта, задает поле нравственных отношений между человеком и технологией как коммуникацию, направленную против беспорядка и дезорганизации, участники которой стремятся наладить ее наилучшим образом.

Ключевые слова: этика, искусственный интеллект, прикладная этика, кибернетический подход, Н. Винер.

Theoretical Foundations of the Ethics of Artificial Intelligence in the Works of N. Wiener

The article examines the cybernetic approach of the American scientist and philosopher, the founder of cybernetics, Norbert Wiener, as a source of theoretical foundations for the ethics of artificial intelligence. The problem of defining the theoretical foundations of the ethics of artificial intelligence, which is developing as an applied science and is focused on selecting the best practices for using modern technologies, is studied. The purpose of the article is to present the cybernetic approach of N. Wiener as an explanatory ethical model, one of the theoretical foundations of the ethics of artificial intelligence. It is shown that the system of concepts of the cybernetic approach (information, feedback, uncertainty, entropy) determines the content of ethical concepts within the framework of the ethics of artificial intelligence, sets the field of moral relations between man and technology as communication directed against disorder and disorganization, the participants of which strive to establish it in the best possible way.

Key words: ethics, artificial intelligence, applied ethics, cybernetic approach, N. Wiener.

Введение

Предмет настоящей статьи представляет теоретический и прикладной интерес для этики и других наук, решающих проблему связи между технологией искусственного интеллекта и процессами в жизни общества. Стремительное освоение технологией все новых сфер общественного производства и деятельности выглядит по-разному с точки зрения их практики и теоретического осмысления в философии, этике, психологии, социологии и других науках, изучающих «человеческое в человеке». В первом случае проблема сущего и должного рассматривается в категориях совершенствования качества, сокращения

времени совершения операций, расширения технических и творческих возможностей человека. Предполагается, что новшества ведут к улучшению результатов общественного производства и деятельности, а также жизни человека в целом. Во втором случае гуманитарное знание не может вынести оценку результатам прогресса технологий, пока не будет установлено, какая именно реальность при этом возникает, в каких новых понятиях осмысливается то, что создано при помощи технологий. Речь идет не только о продукте, но и о новых видах связей, возникающих по ходу и в результате этого процесса.

Исследования проблемы связи между технологией искусственного интеллекта и общественными процессами сегодня масштабны, многосторонни и наполнены идеями. Гуманитарные науки сегодня видят искусственный интеллект предметом трансдисциплинарным, входящим в понятийное поле философии познания, прикладной этики, философии науки и техники, кибернетики [1, с. 72]. Дискуссия вокруг искусственного интеллекта является продолжением исследований компьютерной и инженерной этики, начатых в середине XX в. работах основателя кибернетики Норберта Винера (1894–1964). Он предполагал развитие технологии машинного обучения, теоретически возможного уже в то время, и гуманитарные проблемы, связанные с ним.

Цель статьи – представить кибернетический подход Н. Винера как объяснительную этическую модель, одно из теоретических оснований этики искусственного интеллекта.

Задачи статьи – охарактеризовать систему понятий, составляющих кибернетический подход Н. Винера, определить его этические доминанты, выявить значение кибернетического подхода в ряду теоретических оснований этики искусственного интеллекта.

Материалы и методы исследования

Перед нами три самые крупные работы Н. Винера, в которых излагается предмет его научного и практического интереса. Это книги «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине» [2], «Кибернетика и общество» [3], а также изданная намного позже книга «Творец и робот» [4] с подзаголовком «Обсуждение некоторых проблем, в которых кибернетика сталкивается с религией».

В первой представлены теоретические основы созданного Н. Винером направления мысли – кибернетики, задуманной как наука, чей предмет – коммуникация и управление в системах с обратной связью, т. е. в машинах и живых организмах [4, с. 16], и соответствующая методология. Две другие работы содержат авторское развитие многих проблем, затронутых в первой работе, их обсуждение в контексте нового опыта, полученного в ходе практического развития кибернетики.

Методами исследования являются контент-анализ, компаративный метод, метод мысленного моделирования.

Ход исследования

Свой подход к науке Н. Винер называл не догматичным и чуждым универсальных объяснительных моделей. Более того, появление всякой научной теории он связывал с развитием человеческого опыта и мысли. «Проблема роли науки в обществе представляется мне тесно связанной с проблемой роли чувственного опыта и мысли в жизни индивида... В основе своей она подобна той роли, какую выполняет гомеостазис в поддержании определенного рода динамического равновесия между индивидом и окружающим миром» [5, с. 117]. В статье «Наука и общество» он отмечал, что все, в т. ч. и научные обобщения, производится для того, чтобы возникло «определенного рода динамическое равновесие, которое благоприятствует продолжению нашего существования как отдельных людей и как человеческой расы в условиях постоянно изменяющейся среды» [5, с. 118]. С одной стороны, этот подход методологически продолжает традицию сенсуализма. Винер пишет о том, что главным средством познания окружающей среды являются органы чувств, так что продолжение человеческого существования определяется массой впечатлений, которые формируют отношение индивида к окружающей среде и комбинируются в соответствующих действиях [5, с. 118]. С другой стороны, этот подход ориентирован надысторически. Винер пишет: «Цель науки в обществе состоит в том, чтобы позволить нам гомеостатично реагировать на превратности будущего... которое движется вперед во времени вместе с прогрессом нашего опыта» [5, с. 120]. Он также полагает, что «внутренняя жизнь науки не должна находиться в слишком прямой зависимости от политики момента или от официального образа мысли... В качестве условий эффективной деятельности у ученого должно оставаться нечто – не слишком много – от позиции “башни из слоновой кости”, которую сейчас так модно разоблачать» [5, с. 120].

Две эти позиции – сенсуалистичность и надысторичность – отражают сущность кибернетического подхода Винера, который

он применяет весьма широко и к области естественно-научного, и гуманитарного знания. Сенсуалистская методология придает подходу динамичность, она позволяет рассмотреть явления и процессы любой реальности как такие, в которых возникающие связи определяют буквально все.

Надисторическая ориентация позволяет кибернетическому подходу быть принципиально незамкнутым и объяснять любые типы реальности, которые можно помыслить в его базовых категориях: «автоматы и физиологические системы можно охватить одной теорией» [2, с. 96].

Соответственно, как Винер сформулировал комплекс идеалов, принципов и норм компьютерной этики, так с помощью кибернетического подхода можно сформулировать и теоретические основания этики искусственного интеллекта. В настоящее время этика искусственного интеллекта существует как вид прикладной этики, создавая моральные практики для комфортного взаимодействия человека и высоких технологий. Ее теоретическими основаниями являются понятия человека и машины (технологии), представление о связи между ними, о должном и правильном в этой связи и ее результатах.

Система категорий кибернетического подхода включает понятия неопределенности, энтропии, информации, обратной связи. Их содержание составляют предельно обобщенные идеи, что позволяет понимать в данных терминах и физические, и духовные явления, и процессы.

Понятие неопределенности поддерживает идею незамкнутости, надисторичности кибернетического подхода, а также является основой объединения отдельных направлений и исторических периодов знания: Винер (с рядом оговорок) представляет разные версии индетерминизма как стороны общего признания преобладания случайности в процессах и явлениях. «Это признание наличия в мире элемента неполного детерминизма, почти иррациональность, в известной степени аналогично фрейдовскому допущению глубоко иррационального компонента в поведении и мышлении человека. В современном мире политической, а также интеллектуальной неразберихи естественно объединить в одну группу Гиббса, Зигмунда Фрейда и сторон-

ников современной теории вероятностей как представителей единой тенденции... Пропасть между образом мышления Гиббса – Лебега и интуитивным, однако в некотором отношении дискурсивным методом Фрейда слишком велика. Все же в своем признании случая как основного элемента в строении самой Вселенной эти ученые очень близки друг к другу, а также традиции св. Августина. Ибо этот элемент случайности, это органическое несовершенство можно рассматривать, не прибегая к сильным выражениям, как зло – негативное зло, которое св. Августин охарактеризовал как несовершенство, а не как позитивное предумышленное зло манихейцев» [3, с. 23].

Понятие энтропии в кибернетическом подходе тесно связано с понятием неопределенности. Винер берет его в том значении, которым оно обладает в физике: «Нововведение Гиббса состояло в том, что он стал рассматривать не один мир, а все те миры, где можно найти ответы на ограниченный круг вопросов о нашей среде. В центре его внимания стоял вопрос о степени, до которой ответы относительно одного ряда миров будут вероятны по отношению к другому, более широкому ряду миров. Кроме того, Гиббс выдвигал теорию, что эта вероятность, по мере того как стареет Вселенная, естественно стремится к увеличению. Мера этой вероятности называется энтропией, характерная тенденция энтропии заключается в ее возрастании» [3, с. 24]. Энтропия как свойство, присущее всем системам, связана с уменьшением определенности и организации, разнообразия и множества форм в них и, соответственно, увеличением хаоса и наступлением состояния стертости границ, единообразия. «Однако в то время, как Вселенной в целом, если действительно существует Вселенная как целое, присуща тенденция к гибели, то в локальных мирах направление развития, по видимому, противоположно направлению развития Вселенной в целом, и в них наличествует ограниченная и временная тенденция к росту организованности. Жизнь находит себе приют в некоторых из этих миров. Именно исходя из этих позиций начала свое развитие наука кибернетика» [3, с. 24].

Данное противопоставление (энтропии в целом и обратной ей тенденции к организации в локальных мирах) Винер пере-

носит на вопросы организации нравственной жизни, и с определенных позиций может сложиться впечатление, что для него нет ничего важнее и проблемнее, чем «энтропия морали». В книге «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине» читаем: «Средний человек достаточно разумен по отношению к вещам, представляющим его непосредственному вниманию, и достаточно альтруистичен там, где дело касается общественного блага или индивидуальных страданий, которые он видит собственными глазами. В небольшой сельской общине, существующей достаточно долго, чтобы в ней сложились более или менее одинаковые уровни понимания и поведения, существуют вполне достойные уважения нормы попечения об обездоленных, управления дорогами и другими общественными средствами, терпимости к тем, кто лишь один-два раза нарушил общественные законы. Как бы то ни было, нарушители находятся здесь, и остальная община должна жить с ними и впредь» [2, с. 233]. Соответственно, и моральный порядок, и этика локальны, привязаны к непосредственным переживаниям людей; основой самоорганизации сообщества является его опыт добра и зла, а моральные практики более развиты, чем идеи.

Можно сказать, что с позиции кибернетического подхода мораль представляет собой один из видов связи, объединяющий людей, если эта связь хорошо организована, и разделяющий, если она является предметом манипулирования и искажения в интересах какой-либо общественной группы. Этот комплекс идей является теоретическим основанием того, что в этике искусственного интеллекта значительное внимание уделяется нормам, предотвращающим недостойное использование информации, а также поиску способов выявления подложной информации, или фейков, и защиты от нее.

Понятие информации и связанное с ним понятие обратной связи являются ключевыми для кибернетического подхода. Винер определяет информацию как «обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств. Процесс получения и использования информации является процессом нашего приспособления к случайно-

стям внешней среды и нашей жизнедеятельности в этой среде» [3, с. 27]. Подобное представление о мире задает этике коммуникативную направленность. Сущность нравственной жизни понимается как правильная организация системы межличностных и межгрупповых связей, для которой важно, как и какой информацией распоряжаются моральные субъекты. «Действенно жить – это значит жить, располагая правильной информацией. Таким образом, общение и управление точно так же связаны с самой сущностью человеческого существования, как и с жизнью человека в обществе» [3, с. 27]. Статус информации как нравственной ценности обосновывается тем, что она способствует организации и разнообразию и тем самым противостоит энтропии, разладу, стиранию различий, догматизации [3, с. 30]. Нравственная жизнь не может быть связана только с одним образом добра, приверженцы которого стремятся сделать его единственно возможным. Свободный доступ к информации, ее прозрачность и возможность ее критического освоения становятся ценностями в компьютерной этике и перенимаются этикой искусственного интеллекта постольку, поскольку она также строится вокруг коммуникативных связей.

Понятие обратной связи в кибернетическом подходе также является универсальным как в логическом смысле, так и содержательно. Винер показывает, что обратной связью обладает любая ситуация коммуникации, независимо от того, человек в ней участвует или машина. «Когда я отдаю приказ машине, то возникающая в данном случае ситуация не отличается от ситуации, возникающей в том случае, когда я отдаю приказ какому-либо лицу. Иначе говоря, что касается моего сознания, то я осознаю отданный приказ и возвратившийся сигнал повиновения. Лично для меня тот факт, что сигнал в своих промежуточных стадиях прошел через машину, а не через какое-либо лицо, не имеет никакого значения и ни в коей мере существенно не изменяет моего отношения к сигналу. Таким образом, теория управления в человеческой, животной или механической технике является частью теории информации» [3, с. 26].

Обратная связь – это необходимый элемент динамической коммуникативной

системы. Винер рассматривает многие виды обратной связи, выделяя их в соответствии с системой, в которой она возникает: гомеостатическая, обратная связь произвольного движения и позы, зрительно-мышечная, упреждающая, информирующая и др. Обратная связь служит индикатором того, как происходит обмен информацией.

В паре человека и машины контролирующим субъектом является человек: «Управление машиной на основе действительного выполнения ею приказов, а не ожидаемого их выполнения, называется обратной связью и включает в себя чувствительные элементы, которые приводят к движению моторными элементами и выполняют функцию предупреждающих сигнальных... устройств, показывающих выполнение приказов. Функция этих механизмов состоит в управлении механической тенденцией к дезорганизации, иначе говоря, в том, чтобы вызывать временную и местную перемену обычного направления энтропии» [3, с. 32]. Технология искусственного интеллекта обучается контролю обратной связи, поскольку именно с технологической возможностью адекватных до тонкостей ответов в коммуникации связывается успех ее развития теперь. В этическом смысле это усиливает иллюзию очеловечивания машины, с которой столкнулся еще Дж. Вейцбаум в результате эксперимента «Eliza».

Результаты и их обсуждение

Дискурс неопределенности и случайности в кибернетическом подходе уводит его в сторону от проблемы свободы воли, в известном смысле заменяет ее, предлагая другой взгляд на возможность выбора зла и моральное оправдание поступка. Так, неопределенность характеризует моральные коллизии, колебания, душевные терзания, нравственные противоречия и многие другие, неоднозначные с точки зрения этики ситуации. Их возникновение часто случайно и не зависит от воли личности. В самом деле, развитие технологии искусственного интеллекта не является результатом злонамеренной деятельности, а, скорее, вызвано стремлением к прогрессу, к освоению недоступных ранее областей деятельности – к новым пределам совершенства человека.

Реальные и возможные безнравственные последствия использования кибернети-

ческих технологий Винер относит на счет «технологической наивности» людей, полагающих, что в безоблачном будущем «включают роботы – счастлив человек» и машине можно полностью доверить ответственность за результаты деятельности. Теоретически это можно сделать, поскольку программные алгоритмы уже на заре кибернетики были способны достигать цели запрограммированным путем. Но нет гарантии, что нас устроит результат «самостоятельности» машин, пишет Винер, вспоминая притчу об обезьяньей лапе [4, с. 68–69]. Винер подытоживает свою концепцию деятельного участия личности и ключевой роли экспертов в управлении цифровыми технологиями знаменитой фразой: «Отдайте же человеку – человеческое, а вычислительной машине – машинное. В этом и должна, по-видимому, заключаться разумная линия совместных действий людей и машин» [4, с. 82–83].

С увеличением объема компьютерных данных решения машин все больше будут выглядеть нравственно свободными, но разделять их на допустимые и недопустимые, т. е. давать или не давать им моральное оправдание, можно только с позиции сложившихся в сообществе нравственных практик. Иными словами, предполагается, что нормативная часть этики искусственного интеллекта регулирует отношения людей по поводу цифровых технологий, препятствуя несправедливости, дискриминации и другим видам неравенства, которые закрепляют превосходство одних людей перед другими [6, с. 231].

Идея сохранения морального равновесия в небольших локальных сообществах, где определены нормы, признаваемые всеми как очевидные, необходимые для самосохранения, и где выработаны повседневные нравственные практики, поддерживающие, по словам Винера, «гомеостаз системы», и противоположная ей – возрастание морального хаоса, неопределенности, дезорганизации в мире в целом – являются одной из характерных моральных доминант кибернетического подхода. Мораль не может быть всеобщей, это превращает ее в выхолощенный протокол разрешенных и запрещенных действий, но разнообразие морали локальных сообществ удивительно солидарно в своем содержании относительно

но того, что их существование невозможно без моральных ценностей: справедливости, смысла жизни, счастья, свободы, при этом их содержанию присуще известное разнообразие.

Обобщая всю философию Н. Винера, можно назвать учением о правильной жизни в условиях энтропии и неопределенности, где сущностными характеристиками любой системы является информационный обмен и обратная связь [7]. Кибернетический подход объясняет, как в едином нравственном поле могут оказаться человек и машина, обходя при этом проблему морального субъекта. Моральное преимущество в нравственных отношениях с технологией принадлежит человеку, но идея информации как меры организации обратной связи, как способа изменять направление дезорганизации системы, наряду с техническими особенностями развития искусственного интеллекта, обосновывает способность данной технологии к принятию моральных решений, самоорганизации, ставит вопрос о статусе морального субъекта для технологии искусственного интеллекта в этой системе отношений.

Заключение

Кибернетический подход Н. Винера характеризуется как сенсуалистический и надьсторический. Он складывается на ос-

нове четырех понятий: «неопределенность», «энтропия», «информация» и «обратная связь». Содержание каждого из них задается предельно широко, чтобы с их помощью можно было объяснить наибольшее количество процессов и явлений. Ни одно из них не является этическим в строгом смысле, но вместе они моделируют реальность морального порядка. Данный подход предполагает, что этика искусственного интеллекта объединяет человека и машину в одной системе связей, где все является коммуникацией, направленной против зла, т. е. беспорядка и дезорганизации (неопределенности и энтропии), участники которой стремятся наладить ее наилучшим образом (информационный обмен и обратная связь). В этике искусственного интеллекта данный подход, с одной стороны, уравнивает человека и машину как участников информационного обмена, с другой – обосновывает моральное преимущество эксперта, закрепляя за ним ответственность в виде обязанности принимать решения и контролировать их последствия. Достоинно внимания замечание Винера об организованности локальных сообществ. Можно сделать вывод, что этике искусственного интеллекта не присуща универсальность, она существует как локальная, по-разному воплощающая общие моральные ценности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеева, И. Ю. Этика искусственного интеллекта как прикладная этика / И. Ю. Алексеева // *Философия и общество*. – 2024. – № 3. – С. 69–85.
2. Винер, Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине // Н. Винер. – М. : Совет. радио, 1968. – 325 с. – URL: <https://www.twirpx.com/file/3140740/> (дата обращения: 24.03.2025).
3. Винер, Н. Кибернетика и общество / Н. Винер. – М. : Тайдекс Ко, 2002. – 184 с.
4. Винер, Н. Творец и робот / Н. Винер. – М. : Прогресс, 1966. – 109 с. – URL: <https://www.twirpx.com/file/3697218/> (дата обращения: 24.03.2025).
5. Винер, Н. Наука и общество / Н. Винер // *Вопросы философии*. – 1961. – № 7. – С. 117–122. – URL: <https://www.twirpx.com/file/1603715/> (дата обращения: 24.03.2025).
6. Минаев, С. В. Норберт Винер: у истоков компьютерной этики / С. В. Минаев // *Вестник ТвГУ. Серия «Философия»*. – 2018. – № 1. – С. 227–232.
7. Vynum, Terrell Ward. Norbert Wiener's Foundation of Computer Ethics / Terrell Ward Vynum // *The Research Center on Values in Emerging Science and Technology*. – URL: <https://rcvest.southernct.edu/norbert-wieners-foundation-of-computer-ethics> (date of access: 20.03.2025).

REFERENCES

1. Aliksiejeva, I. Ju. Etika iskusstviennogo intielliekta kak prikladnaja etika / I. Ju. Aliksiejeva // *Filosofija i obshchestvo*. – 2024. – № 3. – S. 69–85.
2. Viner, N. Kibiernetika, ili Upravlienije i sviaz' v zhivotnom i mashinie // N. Viner. – M. : Soviet. radio, 1968. – 325 s. – URL: <https://www.twirpx.com/file/3140740/> (data obrashchienija: 24.03.2025).
3. Viner, N. Kibiernetika i obshchestvo / N. Viner. – M. : Tajdeks Ko, 2002. – 184 s.
4. Viner, N. Tvoriec i robot / N. Viner. – M. : Progress, 1966. – 109 s. – URL: <https://www.twirpx.com/file/3697218/> (data obrashchenija: 24.03.2025).
5. Viner, N. Nauka i obshchestvo / N. Viner // *Voprosy filosofii*. – 1961. – № 7. – S. 117–122. – URL: <https://www.twirpx.com/file/1603715/> (data obrashchienija: 24.03.2025).
6. Minajev, S. V. Norbert Viner: u istokov komp'juternoj etiki / S. V. Minajev // *Viestnik TvGU. Sierija «Filosofija»*. – 2018. – № 1. – S. 227–232.
7. Bynum, Terrell Ward. Norbert Wiener's Foundation of Computer Ethics / Terrell Ward Bynum // *The Research Center on Values in Emerging Science and Technology*. – URL: <https://rcvest.southernct.edu/norbert-wieners-foundation-of-computer-ethics> (date of access: 20.03.2025).

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 08.05.2025

Анна Владимировна Климович¹, Павел Павлович Крусь²

^{1,2}канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии и экономики

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Anna Klimovich¹, Pavel Krus²

^{1,2}Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Philosophy and Economics

of Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: ¹ksisa@yandex.by; ²krusspp7@gmail.com

СУБСТРАТНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО И ЭТНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Выявлены особенности субстратно-информационной модели этносного сообщества, разработанной белорусским философом С. Д. Шашем. Проведен анализ этой модели и определены ее возможности как методологического основания исследований человека в контексте его социального и этнического развития. Выявлено соответствие идей философа базовым принципам философии космизма. Обоснована актуальность философского рассмотрения этногенеза в контексте проблемы смысла жизни человека.

Ключевые слова: человек, этнос, этническое сообщество, субстратно-информационная модель, идентификация, ценности, идеологемы, смысл жизни, синергетика, всеединство, космизм.

Substrate-Informational Model as a Methodological Basis for Human Research in the Context of Social and Ethnic Development

The features of the substrate-information model of the ethnic community developed by the Belarusian philosopher S. D. Shash are revealed. The analysis of this model is carried out and its possibilities as a methodological basis for studying a person in the context of his social and ethnic development are determined. The correspondence of the philosopher's ideas to the basic principles of the philosophy of cosmism is revealed. The relevance of the philosophical consideration of ethnogenesis in the context of the problem of the meaning of human life is substantiated.

Key words: man, ethnos, ethnic community, substrate-information model, identification, values, ideologemes, meaning of life, synergetic, all-unity, cosmism.

Введение

Феномен этноса в его философско-антропологическом ракурсе издавна, со времен Ж.-Ж. Руссо и И. Канта, являлся одним из объектов пристального внимания со стороны мыслителей самых различных направлений. Этнологи и антропологи изучали конкретный эмпирический материал, из которого делали свои выводы. В рамках классической, а затем и неклассической философии совершенно независимо и успешно шел процесс осмысления сущности феномена «этнос».

В области философской антропологии, как известно, долгое время размышления об этносе шли в контексте вопроса о так называемой «человеческой природе». В наши дни уже совершенно очевидно, что проблема этноса не может быть понята как в рамках отдельной частной дисциплины,

даже с опорой на обширный эмпирический материал, так и усилиями исключительно социально-философской теории, но тем не менее именно философское осмысление этноса имеет особенную эвристическую ценность в условиях современной цивилизации.

В условиях исключительной сложности и многоуровневости философско-антропологических исследований чрезвычайную теоретическую и методологическую значимость приобретают попытки построения системных подходов и поиска новых методологических оснований исследований человека. В настоящей статье проводится анализ субстратно-информационной модели этносного сообщества, разработанной белорусским философом, профессором С. Д. Шашем. Считаем, что данная модель обладает исключительно богатым мето-

логическим и эвристическим потенциалом и может быть эффективно использована при рассмотрении различных аспектов философской антропологии и этнологии.

Целью статьи является обоснование эвристической и методологической значимости субстратно-информационной модели в комплексе наук, изучающих человека в контексте его социального и этнического развития.

Основная часть

В последние десятилетия проблема этноса обнаружила неожиданные смыслы и ракурсы. Так, многие исследователи проблемы этноса указывают на то, что на пути к глобализации возникли неожиданные сложности: многие этносы обнаружили явное нежелание растворяться в общем потоке прогресса, а люди, эти этносы, собственно, и образующие, – стать «гражданами мира», отказавшись от своей идентичности. В некоторой мере это отражено и в сформировавшемся феномене глокализации. Впрочем, идентичность как феномен стала не столько отражением привязанности к традиции, сколько потребностью к сооружению разного рода конструктов, желанием отстоять право на переменчивость своего жизненного контекста. Также существует немало вариантов позиционирования себя в поликультурном пространстве. Альтернативность выбора указывает на наличие вариантов идентификации человека на каком-то культурном, национальном или даже гендерном основании. Невозможность (неспособность) человека отождествить себя с определенной национальностью, культурой, религией становится причиной маргинальности (невозможности отождествления себя с конкретной социальной группой и ролью), что порождает неудовлетворенность социальным статусом, создает внутриличностный конфликт и, как следствие, приводит к поиску виртуальной идентичности в сети Интернет.

Как полагает А. Шажинбатын, под видом непререкаемых традиций в социокультурном пространстве многих этносов обнаружилось множество различных идентичностей; в ряде случаев и вовсе идет речь об иллюзорной самотождественности, причем этот особенный жизненный контекст зачастую вообще не связан с «голосом кро-

ви», а выражает некие мифологемы, которые реализуют потребность этносов выделиться среди других, обозначиться, предложить свой, зачастую кажущийся со стороны парадоксальным образ [1, с. 47].

Известно, что на каждом историческом этапе развития общества в конкретных социумах существует определенный набор ценностных приоритетов, которые дают возможность регулировать социальные отношения, упорядочивают совместную деятельность и, главное, создают чувство прочного сообщества. Избираемые приоритеты не могут разделяться всеми членами общества, однако поскольку их придерживается большинство, то они вполне могут рассматриваться как ценностное ядро социума. Отсюда вытекает важная социокультурная задача конструирования национальной, культурной, религиозной идентичности. И если ценности определяют поведение индивида, то идентичность является важной с точки зрения его представлений о себе и других, дает основания для самоидентификации, нахождения своего места в этносном сообществе.

Этнос, считает С. Д. Шаш, – это качественная определенность человека, такая же, как и его биологическая природа. Но они не рядоположены, а как бы «сращены» в едином системном качестве, причем так, что если природное предшествует генетически, то этническое доминирует функционально. Этносное сообщество – это, по сути, человеческая популяция, имеющая специфический стереотип поведения и населяющая определенное местообитание. Особенностью взаимосвязи людей в любом этносе является их взаимная подсознательная симпатия, базирующаяся на общих этнических установках и, возможно, на общем генетическом происхождении [2, с. 82–83].

Выдвинутая С. Д. Шашем оригинальная субстратно-информационная модель человека и этносного сообщества, представленная в работе «Человек и этнос», позволила глубоко и системно рассмотреть качественно определенную временную последовательность и, соответственно, содержательную наполненность человека как родового существа, т. е. данная модель содержит возможность органичного перехода от природного популяционного уровня существо-

вания к уровню социального и духовного бытия человека.

Как известно, на стадии первых человеческих популяций, называемых родом и племенем, биологическое в человеке доминировало. В период же, когда начали формироваться народности, а затем нации, на первый план выходят этнические ценности. «История человечества стала представлять собой сложную мозаику зарождения, развития и гибели этносообществ, как правило, в драматических столкновениях и борьбе друг с другом» [2, с. 145].

Биологическое начало постепенно уходит на задний план и уже приобретает статус фактора деятельности, начиная реализовываться через следующие идеологемы: «зов крови», «избранность», «мессианская роль» и др. Значительно усиливается влияние духовных элементов. Так, социальность, выраженная в общественном сознании, все больше проникает в структуру личности, влияет на характер внутриэтнических взаимоотношений. Мы можем говорить уже о существенной роли духовности, которая достаточно отчетливо проявляется в человеческих поступках, быте, образе жизни и преобразовывает природные инстинкты в социально регламентируемые формы поведения. А поскольку хорошо известно, что за последние несколько десятков тысяч лет человечество в биологическом и физиологическом плане практически не изменилось, то тезис о замедлении биологической эволюции людей и переход на социальные пути развития становится очевидным. Тем не менее утверждать о завершении биологического развития человечества в корне неверно. Речь может идти прежде всего о серьезных изменениях во взаимодействии различных факторов развития, что может быть раскрыто с помощью субстратно-информационной модели.

Логично допустить, пишет С. Д. Шаш, следующее: «Человечество находится лишь на пороге своей социальной истории. Для того, чтобы оно вошло в свою действительную социальную историю, ему необходимо реализоваться в качестве органически целостной системы, т. е. функционировать уже на собственной основе – на основе общечеловеческих целей и ценностей, а значит, ему необходимо пройти еще уровни, которые, используя терминологию Гегеля,

можно назвать уровнями “для себя” и “в себе и для себя”» [2, с. 145–146].

По нашему мнению, чрезвычайную актуальность философское рассмотрение этногенеза получает именно в контексте проблемы смысла жизни человека. Согласно субстратно-информационной модели, вступление человечества в этап социальной истории является неким императивом, вытекающим из самой природы человека как родового существа. Этот императив является в действительности основным смыслом жизни человека, который в прошлом осознавался лишь немногими, сейчас же воплощается в постановке и реализации отдельных, но органически взаимосвязанных гуманистических целей. И такому смыслу жизни, безусловно, открыт современный человек, будучи существом не только земным, но и космическим, «сыном Универсума». Таким образом преодолевается ограниченность биологических, этнических и прочих факторов – они становятся необходимыми элементами человека как органической части Универсума.

Идеи С. Д. Шаша, на наш взгляд, соответствуют базовым принципам философии космизма. Можно даже провести некоторые параллели этих идей с положениями по сути своей космической философии всеединства В. С. Соловьева. Понятие всеединства мыслится Соловьевым в связи с проблемами практического разума, моральной философии: проблемами человеческой свободы, добра, социальной справедливости, гармонизации общественных отношений. Он полагал, что у истории (а следовательно, и у всего мирового процесса) есть цель, которую мы, несомненно, знаем, – цель всеобъемлющая и вместе с тем достаточно определенная. Это идеал «всеобщей солидарности» (она же может рассматриваться и как социальный аспект соборности), осуществление «истинного всеединства». Он называл истинным, или положительным, всеединством такое, в котором единое существует не за счет всех или в ущерб им, а в пользу всех. Ложное отрицательное единство подавляет или поглощает входящие в него элементы и, таким образом, само оказывается пустотой; истинное единство сохраняет и усиливает свои элементы, осуществляясь в них как полнота бытия [3, с. 84].

Положительное всеединство у Соловьева не данность, а заданность; не наличный, а идеальный проект мира, и, следовательно, идея всеединства основана на определенной концепции мирового процесса, развития космоса и человека. Концепция развития, идея исторического прогресса разрешает проблему смысла человеческого существования, который предполагается в нравственном самосовершенствовании не отдельного индивида, а личности, т. е. единичного человека совместно, как говорит Соловьев, с человеком собирательным, или обществом.

Таким образом, пути развития человечества в метафизике всеединства предполагают свободный выбор пути своего развития, безусловное преобладание духовного начала в будущей цивилизации, интернационализацию мирового сообщества.

Это органично перекликается с положениями субстратно-информационной модели С. Д. Шаша, в которой этносное сообщество – это система особого типа: открытая, гомеостазно-динамическая, нелинейная, вероятностная, ориентирующаяся, целеустремленная, самоорганизующаяся. Эти характеристики позволяют с некоторыми оговорками отнести данное сообщество к кибернетическим системам. Но в этом сообществе встречаются отдельные свойства, которые не позволяют сделать это однозначно. Среди них – неравновесное состояние, наличие флуктуаций и согласованное поведение элементов. Наличие указанных свойств позволяет рассматривать этносное сообщество и как синергетическую систему. Таким образом, здесь открывается широкая дорога для системного междисциплинарного рассмотрения человека в этносе и этноса как системы межчеловеческих взаимоотношений.

Очевидно, что этнический человек не тождественен человеку общественному. Можно сказать, что общественный человек – это трансформированный этнический человек, т. е. человек, лишенный своей природной конкретности, но зато приобретший конкретность всеобщего – конкретность духовного существа (в качестве реального носителя общественного сознания). Таким образом, человек по своей природе, как бы «тройственен»: наряду с биологией и этносом существует третий элемент (в классиче-

ской философии его принято понимать как дух, который есть концентрированное выражение духовного содержания общественной жизни). Каждый из этих трех элементов по отдельности не образует самостоятельно природы человека, а только лишь отражает ее с определенной стороны. Взятые в единстве, в полном соответствии с требованиями синергетического подхода, они составляют внутреннюю определенность человека как родового существа, образуют его структурное ядро, благодаря которому осуществляется вся полнота важнейших человеческих качеств.

Общество, выполняя свою роль всеобщего, но бережно относясь к каждому элементу, в частности к этносу, определяет устойчивый характер этносного сообщества: сплоченность его членов, их преданность и приверженность традициям становятся фундаментом устойчивого развития. Там же, по мнению С. Д. Шаша, где общественные связи, войдя в противоречие с этносными, распадаются, возникают серьезные проблемы, требующие усилий по их предотвращению и разрешению. Здесь редко обходится без этнических противоречий и конфликтов, поскольку особенное берет верх над всеобщим. И основной заботой такого общества становится не благо народа, о чем особенно громко вещают, а выяснение вопроса: «К какой нации ты принадлежишь?», – что, безусловно, является главным источником конфликтов в таких обществах [4].

Что касается самоидентификации человека в процессе его этносизации и социализации, то такого рода рефлексия через этнические ценности объективно ведет человека к ценностям общественным, а через них – к общечеловеческим. Лишь посредством такой рефлексии человек способен нравственно подняться на тот уровень, когда он может не только сказать о себе, что он сын человеческий (т. е. человек как таковой), но быть им.

Заключение

Итак, только те духовные ценности этнических сообществ могут иметь статус общечеловеческих (всеобщего), которые лежат в русле самосозидания человека как родового существа и объективируются в общественном сознании. Но для этого само общественное сознание должно быть ре-

зультатом эволюционно подготовленного снятия особенного (этнического). В противном случае оно окажется гипертрофированным вариантом какого-то этноса, возмнившего себя имеющим эту «всеобщность» и полагающего свои долгом навязывать ее всем остальным. Общечеловеческие ценности, следовательно, должны быть свободны от всего того, что препятствует осуществлению этносного человека как родового существа. Такой человек, объективно оставаясь этническим, может одновременно сказать о себе, что он является гражданином мира, и это значит, что всеобщее стало содержанием его особенной свободы.

Таким образом, субстратно-информационная модель позволяет не только расширить наши представления о человеке как сложном социальном существе, но и показать глубокие системные связи различных уровней его существования, выражающих его подлинный универсальный или же космический характер.

Определение своей роли в Универсуме выступает для человека сущностным выражением смысла его жизни, олицетворяющей разумную, рефлексирующую часть мирового бытия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шажинбатын, А. Этнос и человеческая природа / А. Шажинбатын // *Философская мысль*. – 2015. – № 7. – С. 47–75.
2. Шаш, С. Д. Человек и этнос (Философский аспект) // С. Д. Шаш. – Брест, БрГПИ : Част. изд-во С. Лаврова, 1995. – 184 с.
3. Соловьев, В. С. Чтения о богочеловечестве / В. С. Соловьев // *Сочинения* : в 2 т. – М. : Правда, 1989. – Т. 2. – 732 с.
4. Климович, А. В. Проблема национальной самоидентификации и современные межнациональные конфликты: опыт социально-философского анализа / А. В. Климович // *Россия: тенденции и перспективы развития* : ежегодник / Ран ИНИОН ; отв. ред. В. И. Герасимов. – М., 2017. – Вып. 12, ч. 3. – С.737–740.

REFERENCES

1. Shazhinbatyn, A. Etnos i chieloviechieskaja priroda / A. Shazhinbatyn // *Filosofskaja mysl'*. – 2015. – № 7. – S. 47–75.
2. Shash, S. D. Chieloviek i etnos (Filosofskij aspjekt) // S. D. Shash. – Briest, BrGPI : Chast. izd-vo S. Lavrova, 1995. – 184 s.
3. Solov'jov, V. S. Chtienija o bogochieloviechiestvie / V. S. Solov'jov // *Sochinienija* : v 2 t. – M. : Pravda, 1989. – T. 2. – 732 s.
4. Klimovich, A. V. Problema nacional'noj samoidentifikacii i sovriemiennyje miezhnacional'nyje konflikty: opyt social'no-filosofskogo analiza / A. V. Klimovich // *Rossija: tendencii i perspektivy razvitija* : Jezhegodnik / Ran INION ; отв. ried. V. I. Gierasimov. – M., 2017. – Vyp. 12, ch. 3. – S.737–740.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 19.04.2025

Анна Игоревна Климович

канд. филос. наук, доц. каф. педагогики, психологии и клинического моделирования
Белорусского государственного медицинского университета

Hanna Klimovich

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department of Pedagogy, Psychology and Clinical Modelling
of Belarusian State Medical University
e-mail: 3117135@gmail.com

ПОНЯТИЕ «ЛОКАЛЬНАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ТРАДИЦИЯ» КАК ИНСТРУМЕНТ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Рассматривается методологический потенциал понятия «локальная философская традиция» в контексте историко-философского исследования. Целью статьи является концептуализация понятия «локальная философская традиция» как инструмента историко-философского анализа, направленного на определение и систематизацию уникальных черт региональных философских традиций. Исследование построено на основе анализа ряда современных существующих подходов, обращающихся к проблеме презентации локальных интеллектуальных феноменов. В основе его находятся концепция культурного трансфера М. Эспаня, метод микроистории К. Гинзбурга и идея культурной матрицы В. С. Степина. Показано, каким образом обращение к понятию локальной философской традиции позволяет избежать трудностей презентизма и реконструировать локальные комплексы идей в их специфической оригинальности и интеллектуальном разнообразии.

Ключевые слова: культурный трансфер, микроистория, культурная матрица, локальная философская традиция, национальная история философии, история идей.

The Concept of «Local Philosophical Tradition» as an Instrument of Historical and Philosophical Analysis

The article is devoted to the study of the methodological potential of the concept of «local philosophical tradition» in the context of historical and philosophical research. The purpose of the article is to conceptualize the concept of «local philosophical tradition» as a tool for historical and philosophical analysis aimed at identifying and systematizing the unique features of regional philosophical traditions. The study is based on the analysis of a number of modern existing approaches to the problem of presentation of local intellectual phenomena. It is based on the concept of cultural transfer by M. Espagne, the method of microhistory by K. Ginzburg, and the idea of the cultural matrix by V. S. Stepin. It is shown how an appeal to the concept of «local philosophical tradition» allows avoiding the difficulties of presentism and helps in reconstructing local complexes of ideas in all their specific originality and intellectual diversity.

Key words: cultural transfer, microhistory, cultural matrix, local philosophical tradition, national history of philosophy, history of ideas.

Введение

Цель статьи – концептуализация понятия «локальная философская традиция» как инструмента историко-философского анализа, направленного на определение и систематизацию уникальных черт региональных философских традиций.

Импульсом к началу исследования понятия «локальная философская традиция» стал вопрос о том, каким образом отбираются те или иные философские предпосылки применительно к определенной эпохе в ситуации борьбы различных интеллектуальных течений. Какие факторы влияют на этот выбор, почему на одной терри-

тории определенным комплексом идей укореняется, начинает существовать и восприниматься как приоритетный, а на другой – игнорируется? Значит ли это, что помимо исторического и культурного ландшафтов существует еще и определенный философский ландшафт, и если да, то каковы должны быть его универсальные характеристики?

В области истории философии, особенно в тех случаях, когда речь идет об анализе национальных традиций, научные исследования часто тяготеют к логоцентризму, редуцируя богатые проявления культурного опыта лишь к соответствию единой магистральной линии, оставляя тем

самым за пределами исследования феномены, которые ей не соответствуют. Это может привести к своего рода маргинализации определенных идей в научных исследованиях, а затем и к их полному исчезновению с исторической карты национального культурного опыта. В итоге история философской мысли приобретает искаженную логику или вовсе теряет ее и предстает разрозненным набором мнений и персоналий, что отрицательно сказывается на культурном и идейно-политическом потенциале государства в целом, осознании нацией своего места и роли в общемировой истории.

В связи с этим возникает необходимость выработки соответствующей методологии, позволяющей всесторонне и системно подойти к исследованию комплекса идей, относящихся к контекстуальной истории философии. Для этой цели нами было предложено понятие «локальная философская традиция», что позволяет уйти от канонов историко-философского исследования, связанного с европоцентризмом.

Еще одна сложность связана с тем, что довольно часто также полноценному исследованию философских феноменов, не получивших отражения в общеевропейском ходе истории философии, мешает рассмотрение их в качестве вторичных по отношению к «центральному». Это также ведет к искажению логики исторических процессов, значительному упрощению и потере богатого духовного наследия.

В то же время использование понятия «локальная философская традиция» позволяет выявить уникальность развития философской мысли в конкретном культурном регионе и одновременно показать, как глобальные философские идеи изменяются в рамках специфического ареала, сформированного определенными историческими событиями. Все это позволяет утверждать, что тема исследования обладает необходимой степенью актуальности.

Методология исследования представляет собой системный подход, основанный на идеях микроистории К. Гинзбурга, концепции культурного трансфера М. Эспаня и идеи культурной матрицы В. С. Степина.

Основная часть

Локальная философская традиция выступает как инструмент, позволяющий про-

анализировать культурный синкретизм, а также объяснить, как взаимодействуют пришедшие извне традиции и локальные интеллектуальные практики, ограниченные определенными институциональными условиями. «Локальная философская традиция» не отрицает и не создает альтернативы для понятия национальной философии – она позволяет раскрыть, каким образом универсальные идеи изменяются в рамках определенных локальных пространств.

Стержневой категорией, давшей импульс к поискам, посвященным исследованию локальной философской традиции как понятию, позволяющему избежать рамок давления главенствующей линии развития истории, является методологический подход микроистории. Этот термин был введен К. Гинзбургом для исследования истории и быта так называемого «маленького человека». Классической работой, написанной в рамках этой темы, является его труд «Сыр и черви: картина мира одного мельника, жившего в XVI веке», в котором предложены основы методологии исследования истории представителей «угнетенных классов». К. Гинзбург подчеркивает разницу между «культурой, созданной народом», и «культурой, навязанной народу» [1, с. 33].

Это же сравнение актуально и в отношении исследования феноменов в рамках национальных историй философии, когда выбирается объект исследования, соответствующий общей логике развития философии, сформированной внешними наблюдателями, ориентированными лишь на выделение общих черт ее развития и соответствующих общепризнанным канонам. Объясняя эпистемологический сдвиг, связанный с понятием микроистории, К. Гинзбург приводит метафору расширения пространства с помощью объектива фотоаппарата [1, с. 18]. Мы также разделяем опасения автора по поводу феномена «культурного выравнивания», которое распространяется не только на сугубо исторический, но и на философский ландшафт.

В процессе работы над понятием «локальная философская традиция» мы также обращались к концепции «трансфер идей», достаточно популярной в современных исследованиях философской мысли Беларуси. Ее используют такие авторитетные ученые в области изучения западноевропейской и

белорусской философской и социально-политической мысли, как Т. Г. Румянцева [3], А. А. Легчилин, А. Ю. Дудчик [4].

Основоположниками концепции трансфера идей являются М. Эспань и М. Вэрнер, изучавшие циркуляцию идей в XIX в. между Англией и Францией. Для исследований, посвященных реконструкции локальной традиции, предельно важным является то, что авторы предложили новый вариант соотношения между центром и периферией, а также статуса входящих и исходящих идей. В рамках данной концепции акцентируется внимание не только на аспектах, связанных с поиском проникновения идей, но и на процессы, которые происходят в принимаемом поле: переосмысление, переозначивание, интерпретация и т. д.

М. Эспань предлагает использовать условный термин «культурные зоны», являющиеся результатом смешения разнородных культурных элементов, подчеркивая при этом, что данный термин носит достаточно условный характер. Таким образом, определенная философская эпоха в исследовании истории идей уже не будет интерпретироваться как некая единая традиция, занимающая главенствующее место. Она рассматривается как совокупность точек входа и выхода, зон проникновения и исхода постоянно изменяющихся идей. Все эти идеи одновременно конкурируют и трансформируются под влиянием друг друга, питая национальную интеллектуальную почву, на которой потом и развивается национальная традиция философии.

Преимущество данного подхода заключается в том, что он позволяет выйти за границы национального и государственного и посмотреть на процессы шире, что, безусловно, позволяет подняться на новый уровень в ситуации с такими феноменами, как философская мысль Беларуси. Вместо этого в качестве основания «культурной зоны» часто выступает территориально-географическая, религиозная или социальная идентичность определенного сообщества. Сам М. Эспань подчеркивает, что понятие нации в отношении обмена идей в области культуры не имеет достаточного потенциала, поскольку связано с кратковременностью существования данного термина [5, с. 36].

Однако теория культурного трансфера оставляет за пределами нелинейность самого процесса культурного трансфера, также игнорируется вопрос о том, почему в одних пространствах некоторые идеи поддерживаются и получают импульс к своему дальнейшему развитию, а в других – нет? С чем связан опыт отрицательной рецепции? Какова роль в этом процессе случайных событий, индивидуализирующих традицию? Во время трансфера идей происходит их дальнейшая трансформация с целью рецепции в соответствии с определенными конкретно-историческими условиями через достаточно длительные периоды, что также не всегда учитывается в рамках данной концепции. Использование же понятия локальной философской традиции, на наш взгляд, снимает все описанные выше сложности.

Локальная философская традиция была определена в процессе исследования как комплекс идей, имеющих единство происхождения и внутренне обусловленный общим концептуально-методологическим основанием, развивающийся в строго определенных пространственно-временных рамках в контексте индивидуализирующих его исторических событий, а также имеющих общий интеллектуальный центр. Это позволило выделить три основные составляющие этого понятия, выступающие своеобразными маркерами существования локальной философской традицией.

Во-первых, это непосредственно сами философские идеи, которые составляют ядро философской традиции; во-вторых, это определенная социально-культурная обусловленность, формирующая ее специфику; в-третьих, это специфические институты, обеспечивающие существование воспроизводство традиции.

Для определения специфики формирования и развития конкретной локальной традиции в контексте конкретного пространственно-временного континуума нами были предложены понятия «историко-культурное пространство», «культурная матрица» и «философской ландшафт».

При обращении к современным исследованиям было определено, что в научно-категориальном аппарате используются следующие термины, близкие по смыслу к понятию историко-культурного пространства:

культурное пространство, историко-культурный тип, ментальная карта, воображаемое сообщество, историко-культурная среда. Но при этом отсутствует какое-либо исчерпывающее понятие, позволяющее в полной мере определить возможность присутствия или отсутствия определенного типа философских идей в тех или иных пространственных и временных точках.

Понятие историко-культурного пространства можно охарактеризовать как территорию общего наследия. Данное пространство ответственно за выбор определенных философских предпочтений, которые затем влияют на философские процессы. В свою очередь, философские предпочтения формируются в специфическом, характерном только для данной локации местном культурном контексте.

Для формирования историко-культурного пространства необходимо наличие определенных элементов, задающих параметры развития интеллектуальной истории. В первую очередь это политические и экономические связи. Это также и пространство, которое создается человеком на фундаменте определенной географической территории. На его формирование оказывают влияние и социокультурные факторы.

Любое историко-культурное пространство имеет центр и периферию, а также пределы своего влияния. Актуальность культурных кодов, философских учений и представлений об определенном типе организации общества, выражающихся в философии образования, философии права, этике и т. д., будет строго определенной для специфического историко-культурного пространства, поскольку она обусловлена конкретными историческими событиями.

По нашему мнению, можно выделить следующие элементы историко-культурного пространства: само четко ограниченное географическое пространство, находящееся под влиянием определенных идей; общность исторических событий; общность социальных норм и традиций, организующих данное общество, – религиозных, этических и правовых.

Итак, мы считаем, что историко-культурное пространство возможно определить как единство исторического, культурного и социального контекстов. Под историческим контекстом здесь понимаются

события, которые происходят в локальном, государственном и международном масштабах, когда глобальная история переплетается с локальной. Культурный контекст представляет собой присущую данному сообществу идеологию, традиции и ценности, воплощающиеся как в коллективном, так и индивидуальном сознании. Под социальным контекстом следует понимать институты, с которыми взаимодействует индивидуум.

В процессе исследования мы также обратились к понятию культурной матрицы В. С. Степина, представленному в работе «Цивилизация и культура». В. С. Степин отмечал его главенствующую роль в процессе оформления и трансформации мировоззренческих предпочтений в контексте определенной исторической и социокультурной ситуации [6, с. 85]. На наш взгляд, обращение к понятию культурной матрицы при проведении историко-философского исследования обладает существенным потенциалом, поскольку развитие системы идей, ее принятие либо непринятие, обращение к ней либо ее игнорирование возможно только в случае совпадения мировоззренческих доминант.

Особое внимание при исследовании роли культурной матрицы в процессе историко-философского исследования заслуживает категория мировоззренческой универсалии, сформулированная В. С. Степиным следующим образом: «Мировоззренческие универсалии – это категории, которые аккумулируют исторически накопленный социальный опыт и в системе которых человек определенной культуры оценивает, осмысливает и переживает мир, сводит в целостность все явления действительности, попадающие в сферу его опыта» [7, с. 62]. Они выступают как определенное связующее звено между философией и культурной матрицей. Безусловно, мировоззренческие универсалии неправомерно отождествлять с близким им понятием философских универсалий, однако именно благодаря первым происходит становление последних, учитывая, что, по В. С. Степину, они в каждую конкретную историческую эпоху определяют категориальный строй сознания [7, с. 74].

Таким образом, мировоззренческие универсалии, согласно В. С. Степину, являются определяющим оценочным фактором, который затем получает надлежащее рации-

нальное осмысление в рамках философских категорий.

Меняющиеся исторические эпохи оказывают влияние на трансформацию ценностей и, как следствие, подвергают изменению саму культурную матрицу. Это способствует смене типа рациональности и трансформации философской парадигмы. В рамках культурной матрицы рождается категориальная матрица, ответственной за которую является именно философия.

По нашему мнению, осмысление процесса возникновения философской локальной традиции имеет такие этапы:

1) оформление историко-культурного пространства, заключающего в себе определенную историческую эпоху во всем многообразии ее экономических, политических и культурных событий, влияющую на мировоззренческие универсалии;

2) формирование непосредственно культурной матрицы, воплощающей в себе основные установки и ценностные ожидания общества;

3) кристаллизация философских идей как результат осмысления мировоззренческих универсалий, составляющих основание культурной матрицы; именно они, по нашему мнению, и оформляются в виде определенного философского ландшафта.

Таким образом, культурная матрица выполняет функции осмысления исторических событий, придания им аксиологического смысла и одновременно выступает как основание продуцирования специфических философских идей как ответа на запрос общества.

Введение понятия «философский ландшафт» позволяет описать условия возникновения и существования учений и традиций среди себе подобных. В исследовании мы понимаем философский ландшафт так: это определенная совокупность быту-

ющих в историко-культурном пространстве идей, как приходящих извне, так и существующих в рамках локальной традиции. Формирование философского ландшафта предполагает, с одной стороны, наличие четко выраженных границ распространения идеи, а с другой – открытость для обмена идеями и понятиями, имеющими место в рамках других традиций.

Заключение

Использование понятия «локальная философская традиция», сопряженного с исследованием историко-философского пространства, культурной матрицы и философского ландшафта, является инструментом, позволяющим добиться более точных и объективных результатов при проведении историко-философского исследования. Связано это с тем, что в его основании находится принцип антикваризма, а не презентизма с соответствующим смещением фокуса с проблемы «влияния» общеевропейских идей на проблему специфики производства и воспроизводства философского знания при помощи локальных механизмов.

Это, в свою очередь, помогает уйти от проблемы современных презентистских интерпретаций и реконструировать смыслы идей такими, какими они были в контексте определяющих их исторических и социокультурных событий. Понятие «локальная философская традиция» интегрирует институциональные условия возникновения определенных комплексов идей, их социально-культурную обусловленность, межкультурный диалог и семантические адаптации. В итоге исследования при помощи предложенного метода историко-философского анализа могут быть выявлены уникальные комплексы идей, возникающие как синтез глобальных и локальных влияний.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гинзбург, К. Сыр и черви: картина мира одного мельника, жившего в XVI веке / К. Гинзбург. – М. : РОССПЭН, 2000. – 272 с.
2. Гинзбург, К. Широты, рабы и Библия: опыт микроистории / К. Гинзбург // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 1. – С. 18–34.
3. Кант и Беларусь / Т. Г. Румянцева [и др.]. – Минск : РИВШ, 2024. – 212 с.
4. Легчилин, А. А. Трансфер зарубежных идей в философской культуре Беларуси / А. А. Легчилин, А. Ю. Дудчик // Философские науки. – 2020. – № 10. – С. 88–102.

5. Эспань, М. История цивилизаций как культурный трансфер / М. Эспань. – М. : Новое лит. обозрение, 2018. – 816 с.

6. Степин, В. С. Цивилизация и культура / В. С. Степин. – СПб. : СПбГУП, 2011. – 406 с.

7. Степин, В. С. Философский анализ мировоззренческих оснований культуры / В. С. Степин // Гуманитарные науки. – 2011. – № 1. – С. 8–16.

REFERENCES

1. Ginzburg, K. Syr i chiervi: kartina mira odnogo miel'nika, zhivshego v XVI viekie / K. Ginzburg. – M. : ROSSPEN, 2000. – 272 s.

2. Ginzburg, K. Shiropy, raby i Biblija: opyt mikroistorii / K. Ginzburg // Novoe litieraturnoje obozrienije. – 2004. – № 1. – S. 18–34.

3. Kant i Bielarus' / T. G. Rumianceva [i dr.]. – Minsk : RIVSh, 2024. – 212 s.

4. Liegchilin, A. A. Transfier zarubiezhnykh idiej v filofsokoj kul'turie Bielarusi / A. A. Liegchilin, A. Ju. Dudchik // Filofsokije nauki. – 2020. – № 10. – S. 88–102.

5. Espan', M. Istorija civilizacij kak kul'turnyj transfier / M. Espan'. – M. : Novoje lit. obozrienije, 2018. – 816 s.

6. Sioepin, V. S. Civilizacija i kul'tura / V. S. Stiopin – SPb. : SPbGUP, 2011. – 406 s.

7. Stiopin, V. S. Filofsokij analiz mirovozzrienchieskikh osnovanij kul'tury / V. S. Stiopin // Gumanitarnyje nauki. – 2011. – № 1. – S. 8–16.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 27.04.2025

Игорь Васильевич Котляров

*д-р социол. наук, проф., Заслуженный деятель науки Республики Беларусь,
заместитель главного редактора журнала «Иппокрена»*

Igor Kotlarov

*Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Scientist of the Republic of Belarus,
Deputy Chief Editor of the Ippokrena Journal
e-mail: igor.kotlarov1507@gmail.com*

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ В СМЫСЛАХ, ЦЕННОСТЯХ И ЛИЦАХ: КОГНИТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Выявлено, что культурные коды, выполняющие в истории человечества особую роль механизмов морально-нравственной преэминентности и этнокультурной идентичности, определяющие образно-символическое и ценностное содержание культуры, ее этнические и национальные особенности, способствуют формированию высоких смыслов и идеалов, охраняют их от разрушительных процессов современности, защищают культуру от маргинализации, уничтожающей традиционные формы ценностно-цивилизационного взаимодействия личностей, социумов и цивилизаций, создают сценарии лучшего будущего.

Ключевые слова: культура, культурное кодирование, код, культурный код, ценности, трансляция, транзит, будущее.

Cultural Codes in Sences, Values and Personalities: Cognitive Dimention

The article argues that cultural codes playing in the history of Humankind a special role as mechanisms of moral preeminence and ethno-cultural identity defining image, symbolic and value contents of culture, its ethnic and national specifics, help shaping high senses and ideals, save them from destructing processes of modernity, protect culture from marginalization, destroying traditional forms of value-civilizational intercourse between persons, societies and civilizations and create scenarios for the better future.

Key words: culture, culture-coding, code, culture code, values, translation, transit, future.

Введение

Ученые и лидеры общественного мнения, парламентарии и блогеры, журналисты и политики уже много лет отмечают существование в различных государствах специфичных форм организации жизнедеятельности, весьма своеобразных поведенческих реакций, действий и традиций, которые не поддаются осмыслению и изучению с помощью многовекторных научных механизмов с применением современной научной техники и методики. В культурных кластерах имеются необычные для постороннего глаза тайные пружины, скрытые драйверы, раздражители и триггеры, детерминирующие формирование специфических качеств, свойств и характеристик сообществ. Причем они не просто существуют как некие константы, а активно вмешиваются в реальную жизнь социальных институтов. Идеи о культурно-исторической специфике различных сообществ и их непохожести выдвинул и обосновал в исследовании «Закат Европы» немецкий философ

и историк Освальд Шпенглер. Он предложил также модели глубинных «прасимволов», «прафеноменов», причем выбор символов в каждой культуре весьма своеобразен [1].

Американский антрополог Рут Бенедикт раскрывала существование «смутных и предвзятых представлений о механизмах, лежащих в основе той неповторимой специфики, которая характерна для Японии, США, России, Франции», – пишет А. Н. Мосейко. У многих государств, по ее мнению, имеются специфические культурные проявления, которые можно наблюдать, изучать, даже измерять. Это смыслы и символы, особенности ценностей, привычек, нравов, вкусов. Это литературные и фольклорные образы, мифы и легенды, ритуалы и традиции, различные по степени обобщения предания, символы и алгоритмы, аттракторы и матрицы целенаправленного назначения [2].

Что это? Как они появились, когда сформировались? Каковы их перспективы? Ответы на эти вопросы способна дать тео-

рия культурного кодирования – отрасль науки, показывающая пути решения многих общественных задач.

Концепция цивилизационного кодирования

Всемирно известные ученые Йохан Арнасон, Жан Бодрийяр, Рональд Инглхарт, Самюэль Хантингтон, Роберт Патнэм, Освальд Шпенглер, Кристиан Вельцель, Фрэнсис Фукуяма, Жиль Делез, Мануэль Кастельс и некоторые другие были убеждены, что в любом государстве, в любой цивилизации имеются достаточно устойчивые структуры общественных отношений, которые практически никогда, ни при каких условиях, ни при каком давлении извне не меняются, их системообразующие элементы долгие годы остаются неизменными [3].

Цивилизация, – утверждал известный французский социолог Э. Калло, – основана на «традициях, образующих устойчивый базис тех верований, на которые люди опираются как на незапамятное и надежное достояние, чтобы ориентироваться в жизни и совладать с повседневными заботами и новыми задачами. Живая вера в устоявшиеся ценности, постоянно признаваемые как подлинные, постоянно поддерживаемые и утверждаемые, – таков глубинный механизм цивилизации, проходящий через все ее изменения» [4, с. 83].

Согласно теории относительности Альберта Эйнштейна будущее уже готово и ожидает нас. Все времена: прошлое, настоящее и будущее – остаются неизменными в статичном четырехмерном пространстве-времени.

Однако в жизни все значительно сложнее. Действительно, ценности и смыслы, мифы и дискурсы, социальные нормы и артефакты, идентичности и нарративы, некоторые другие элементы цивилизаций в определенных условиях долгое время остаются достаточно устойчивыми структурами. Но они, как и другие исторические строения, развиваются, совершенствуются, подвергаются целенаправленному давлению извне, и, как результат, на протяжении определенного периода времени могут меняться. Наиболее прочными цивилизационными образованиями являются смысл и язык, семья и религия, идентичности и национальные идеи, историческая память и

менталитет, которые тесно связаны с социокультурными и экономическими, политическими и демографическими, географическими и профессиональными ценностями людей, коммуникативными и техническими, математическими и логическими, демографическими и другими матрицами их развития. Эти факторы детерминируют эволюцию человека, формируют его смыслы и ценности, мотивируют его деятельность, влияют на совершенствование политикокультурных взаимоотношений наций и народов [5].

Данные научные выводы полностью подтвердили социологические исследования, проводимые в Республике Беларусь с 1985 г. под руководством профессора Игоря Котлярова. Социологический мониторинг помог найти решение целого ряда важных жизненных задач, сделать довольно много интересных выводов. Тогда, например, социологи выявили, точнее, подтвердили, что многие смыслы и идеи, культурные ценности и коллективная память складываются столетиями, являются сакральными ценностями народов и цивилизаций и передаются от поколения к поколению, от родителей к детям, от творца к творцу, от учителя к ученику. Благодаря им социальный опыт и идентичность регулируют взаимоотношения людей в повседневной деятельности, создают комплексы статусов и ролей, способных транслировать знания в будущее через личностные и социальные практики. Эти компоненты формируются в прошлом, движутся через настоящее к будущему, являются скрепами социумов и народов, обществ и государств, и их можно выразить с помощью определенных кодов. Ведь любое действие в политике и культуре, духовно-нравственном и личностном развитии является элементом кодирования, по чертежам которого создается будущее государств и народов. Социокультурные, математические и логические технологии позволяют кодировать и интерпретировать в знаково-коммуникативном нарративе социальную реальность, измерять и конструировать ее составляющие компоненты посредством символических действий.

Прошлое является составной частью настоящего и будущего, проявляется в них в виде кодов различных уровней, структур и сложностей [6–8].

Коды как регуляторы общественных отношений

В условиях цифровой дивергенции и бифуркации, глобальных вызовов и рисков аттрактором общественных отношений способно стать культурное кодирование, отражающее тренды развития социальной реальности и основанное на теориях функциональных и сложных структур, самоорганизации открытых неравновесных адаптивных структур. В основе этой концепции лежит идея формирования парадигм развития обществ, выражение их в виде кодов и других системообразующих критериев, создание сценариев будущих состояний социумов. В настоящее время многие исследователи убеждены, что культурное кодирование, обладая значительными информационными и аналитическими ресурсами и возможностями, влияет на среду обитания человека, его духовные ценности и представления о качестве жизни, пространстве и времени, постоянно расширяет границы его компетенций [3]. В основе кодирования находится идея формирования новой парадигмы развития, передачи знаний и информации, ценностей и смыслов, норм и понятий, осуществляемой с использованием адекватной для данной цели знаковой системы, создания устремленного в будущее проекта, направленного на совершенствование личностей и социумов, их ценностных ориентаций и идеалов [7; 8].

Изучение и анализ смыслов человеческой жизни, влияния на нее социальной реальности, культурных ценностей и коллективной памяти может быть выражено с помощью кодов как специальных информационно-аналитических индикаторов. Коды как системы цивилизационных знаков, символов и артефактов, имеющие конкретное значение в определенном контексте и хронотопе, измеряющие ценности и смыслы социальной реальности, способны стать стержневыми регуляторами важнейших процессов современности [6–8]. Известный российский писатель и философ Сергей Перелегин считает, что коды – это алгоритмы действий в различных ситуациях, прежде всего критических, т. е. угрожающих жизни, здоровью, социальному статусу [9, с. 24].

В данном исследовании под кодом мы будем понимать определенное количество информации, сконцентрированной на

относительно небольших полях времени и пространства, посылаемой социальным субъектам в форме сигналов, направляющих действия по определенному маршруту и выполняющих функции коммуникации, общения, взаимопонимания и преобразования общественных отношений. Важнейшим структурным элементом культурного кодирования является культурный код как один из фундаментальных элементов духовной жизни человека и общества.

Культурный код

Что такое культура? По мнению многих исследователей, культура – это основа общества, его становой хребет, образ мышления, совокупность смыслов и традиций, норм и правил, образцов поведения и явлений искусства, влияющих на процесс развития цивилизаций. Всемирно известный этнолог, философ и культуролог Клод Леви-Стросс был убежден, что культура – это своеобразный коммуникативный код или сложно построенный «текст». «Язык представляет... условие культуры в той мере, в какой эта последняя обладает строением, подобным строению языка» [10, с. 74].

Самое важное в культуре, считал французский философ Мишель Фуко, это коды как модели формирования конкретных сообщений. Основополагающие коды культуры, по мнению М. Фуко, управляющие ее языком, ее схемами восприятия, ее обмена, ее формами выражения и воспроизведения, ее ценностями, иерархией ее практик, определяют для каждого человека эмпирические порядки, с которыми он будет иметь дело и в которых будет ориентироваться» [11, с. 37].

Культурный код в ряде работ понимается как сложный, многослойный комплекс, в котором переплетены знаково-смысловые системы, детерминирующие развитие социумов и территорий через производство, хранение и передачу информации. Российский исследователь Марина Конышева утверждает, что «в государстве может меняться власть, социальный строй и даже религия, но всегда и неизменно сохраняется некий стержень, вокруг которого строится и воспроизводится общественная жизнь и который определяет национальный характер, социальные нормы и ценности. Культурологи называют этот неизменный повторя-

ющий стержень национальным культурным кодом, содержащим уникальные цивилизационные и культурные особенности народа» [12, с. 174].

Автор данной статьи под культурным кодом понимает ментально-целостный контур когнитивных стереотипов, как вербальных, так и невербальных знаков и смыслов, знаний и традиций, закрепившийся в сознании людей фиксированный набор высоких духовных и нравственных ценностей, солидарности и справедливости, взаимного уважения и миролюбия, стремления к добру и гармонизации отношений, благодаря которым социальный опыт и идентичность расшифровывают пришедшую извне информацию и переводят ее в конкретный смысл.

Говоря о сценариях будущих состояний, следует особо отметить, что культурные коды предлагают цивилизационно ориентированным субъектам алгоритм и направленность процессов социокультурной динамики, четко очерченную смысловую парадигму действий, обеспечивают связь времен и преемственность поколений, помогают найти дорогу в завтра с учетом социального опыта и традиций прошлого, практик настоящего в современной парадигме развития.

Культура, наполненная смыслом

Одним из важнейших элементов жизни человека является смысл. Смысл – это высшая ценность человека, структурная первооснова его жизни. Перед каждым человеком и народом стоит задача осмысления своей жизни, постижения цели бытия в целом. Все национальные культуры хранят в себе так называемые «большие смыслы» – ценности, которые детерминируют жизнедеятельность общественного организма и определяют ее цель.

Культурные коды представляют собой конгломераты смыслов – устойчивое и необходимое явление в культуре. Они являются связующим звеном между человеком и его деятельностью, обуславливают воспроизводство и развитие жизни. Смысловая сфера культурных кодов детерминирует восприятие, понимание и истолкование ценностей, идеалов, значений и концептов, которые организуют и направляют культурную практику. Смыслы культурных кодов выражаются в виде эмоциональных обра-

зов, идеальных способов деятельности, представленных в предметном виде в качестве символов, эмоциональных желаний, эстетических предпочтений [13].

Ценности как особая мера отношения человека к миру выступают сакральным началом в сфере духовного, возвышенного, идеального. Ценности придают смысл человеческой жизни, являясь реальным ориентиром человеческого поведения, формирующим жизненные и практические установки людей, подталкивают их к конкретным действиям. Культурный код можно понимать как выявление ценностей деятельности людей в человеческом измерении культуры, воплощенных в культурной деятельности и человеческом бытии.

Культурный код влияет на формирование смыслов и ценностей, способствующих воспитанию высоких морально-нравственных качеств и ориентаций, детерминирует развитие личностей и социумов, регионов и территорий. Являясь устойчивым мотивационным образованием, ценности культурного кода выполняют функции социального механизма, ориентирующего человека в пространстве и времени и подталкивающего его к определенным действиям.

В условиях цифровой реальности роль культурных кодов постоянно меняется. С одной стороны, искусственный интеллект, технологизация и автоматизация, робототехника и нейронные сети увеличивают значимость когнитивных ресурсов в жизни человека, способствуют превращению их в важнейших субъектов современной цивилизации. Но с другой стороны, в условиях воздействия глобализации на жизненное пространство происходит смена универсальных аттракторов культурных процессов. Интернет-ресурсы и сетевые технологии негативно влияют как на общественное сознание, так и на привычные формы социальной действительности. Мораль, нравственность, религия, вытесняясь другими структурами и институтами, перестают быть несущими общественными конструкциями.

В этих условиях коды культуры способны стать преградой для проникновения в человеческий мир представлений, разрушающих понимание о добре и зле, достоинстве и смысле жизни, чести и любви. Они

становятся базисной культурной матрицей, наделяющей людей возможностями выбора ценностей, как материальных, так и духовных. Таким образом, культурные коды как целостная, идущая через времена и пространства матрица цивилизационных предписаний и поведенческих практик способных в эпоху глобализации защитить культуру от разрушительного воздействия трансформаций коммуникативного пространства, сохранить институциональные основы, придающие культуре новое качество в условиях вызовов социальной реальности.

Заключение

Культурные коды – это матрицы становления будущего. С помощью механизмов сохранения и преемственности, закрепления и трансляции социокультурных практик взаимодействия между личностями, социумами и народами, совершенствования

культуры человека они транслируют в будущее смыслы, ценности и знания, исторический опыт и общественные устремления и таким образом в определенной степени детерминируют его формирование. Особыми задачами культурных кодов являются сохранение языка и нравственности, жизненных смыслов и морально-нравственных ценностей, семьи и конфессий и передача их новым поколениям, противостояние интеллектуальной растерянности, культурной эклектике и моральному синкретизму, защита культуры от разрушительных информационно-коммуникативных процессов.

Это особенно важно в условиях новизны и неопределенности в динамичном, нелинейном мире с изменившейся скоростью социального времени, в процессах и явлениях, меняющих как общественное сознание, так и привычные формы социальных организации и порядка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – М. : Искусство, 1993. – 323 с.
2. Мосейко, А. Н. Культурные коды социума: научно-практическое значение в современной африканистике / А. Н. Мосейко // Ученые записки Института Африки РАН. – 2021. – № 4 (57). – С. 5–18.
3. Арнасон, Й. Цивилизационные паттерны и исторические процессы / Й. Арнасон. – М. : Новое лит. обозрение, 2021. – 304 с.
4. Калло, Э. Культурное наследие как основа цивилизации / Э. Калло // Сравнительное изучение цивилизаций : хрестоматия / под ред. Б. С. Ерасова. – М. : Аспект-пресс, 1998. – С. 83–84.
5. Белорусское общество в контексте цивилизационно-культурного кода: социологическое измерение / ред. кол.: И. В. Котляров (гл. ред.). – Минск : Беларус. навука, 2017. – 392 с.
6. Котляров, И. Современная цивилизация: парадигма для XXI века (социологический дискурс) // И. Котляров // Иппокрена. – 2020. – № 2. – С. 136–154.
7. Котляров, И. Политические коды в эпоху скоростей и новейших технологий: социально-философская рефлексия / И. Котляров // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». – 2024. – № 2. – С. 87–91.
8. Котляров, И. Культурный код: постигая прошлое, понимая настоящее, можно предвидеть будущее (социально-философские тренды) / И. Котляров // Иппокрена. – 2022. – № 1-2 – С. 115–127.
9. Переслегин, С. Цивилизации в людях и кодах / С. Переслегин // Изборский клуб. – 2020. – № 9. – С. 24–33.
10. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. – М. : Наука : Гл. ред. вост. лит., 1983. – 536 с.
11. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – М. : Прогресс, 1977. – 488 с.
12. Коньшева, М. Лингвистические компоненты национального культурного кода / М. Коньшева // Актуальные проблемы переводоведения и лингводидактики в контексте межкультурного взаимодействия : сб. науч. ст. – Брянск : Изд-во Брян. гос. ун-та им. акад. И. Г. Петровского, 2021. – С. 174–179.

13. Хоружая, С. В. Смысловая сфера культуры: проблемы кризисного развития / С. В. Хоружая. – Краснодар : Изд-во Краснодар. гос. аграр. ун-та, 2008. – 220 с.

REFERENCES

1. Shpenglier, O. Zakat Jevropy / O. Shpenglier. – M. : Iskusstvo, 1993. – 323 s.
2. Mosiejko, A. N. Kul'turnyje kody sociuma: nauchno-praktichieskoje znachienije v sovremennoj afrikanistike / A. N. Mosiejko // Uchionyje zapiski Instituta Afriki RAN. – 2021. – № 4 (57). – S. 5–18.
3. Arnason, J. Civilizacionnyje patterny i istorichieskije processy / J. Arnason. – M. : Novoje lit. obozrienije, 2021. – 304 s.
4. Kallo, E. Kul'turnoje nasledije kak osnova civilizacii / E. Kallo // Sravnitel'noje izuchienije civilizacij : khriestomatija / pod ried. B. S. Jerasova. – M. : Aspekt-press, 1998. – S. 83–84.
5. Bieloruskoje obshchestvo v kontieksie civilizacionno-kul'turnogo koda: sociologichieskoje izmierienije / ried. kol.: I. V. Kotliarov (gl. ried.). – Minsk : Belarus. navuka, 2017. – 392 s.
6. Kotliarov, I. Sovriemiennaja civilizacija: paradigma dlja XXI vieka (sociologichieskij diskurs) // I. Kotliarov // Ippokriena. – 2020. – № 2. – S. 136–154.
7. Kotliarov, I. Politichieskije kody v epokhu skorostiej i noviejshikh tiekhnologij: social'no-filosofskaja riefleksija / I. Kotliarov // Viestnik RGGU. Sierija «Psikhologija. Piedagogika. Obrazovanije». – 2024. – № 2. – S. 87–91.
8. Kotliarov, I. Kul'turnyj kod: postigaja proshloje, ponimaja nastojashchieje, možno priedvidiet' budushchieje (social'no-filosofskije trendy) / I. Kotliarov // Ippokriena. – 2022. – № 1-2 – S. 115–127.
9. Pieriesliegin, S. Civilizacii v liudiakh i kodakh / S. Pieriesliegin // Izborskij klub. – 2020. – № 9. – S. 24–33.
10. Lievi-Stross, K. Strukturnaja antropologija / K. Lievi-Stross. – M. : Nauka : Gl. ried. vost. lit., 1983. – 536 s.
11. Fuko, M. Slova i veshchi. Arkhieologija gumanitarnykh nauk / M. Fuko. – M. : Progiess, 1977. – 488 s.
12. Konysheva, M. Lingvistichieskije komponenty nacional'nogo kul'turnogo koda / M. Konysheva // Aktual'nyje problemy pierievodoviedienija i lingvodidaktiki v kontieksie miezhkul'turnogo vzaimodiejstvija : sb. nauch. st. – Briansk : Izd-vo Brian. gos. un-ta im. akad. I. G. Pietrovskogo, 2021. – S. 174–179.
13. Khoruzhaja, S. V. Smyslovaja sfera kul'tury: problemi krizisnogo razvitija / S. V. Khoruzhaja. – Краснодар : Изд-во Краснодар. гос. аграр. ун-та, 2008. – 220 с.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 14.04.2025

Елена Анатольевна Лагуновская

канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Alena Lahunouskaya

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Political Science and Sociology
of Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: helenlaguna@yandex.ru

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТИ ЛЮБВИ В КОНТЕКСТЕ ХРИСТИАНСКОГО ВЕРОУЧЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА*

Проведен социально-философский анализ репрезентации ценности любви в вероучении и социальной практике христианства. Предложено авторское определение подходов к ценности любви, понимаемой как духовно-моральный идеал, образец поведения и оценочное основание, сделаны выводы об их применимости в формировании и развитии нравственной культуры общества и личности в современных условиях. Особое внимание уделяется исследованию места и роли ценностей любви и семьи в иерархической динамической структуре ценностей молодых белорусов, а также в формировании их ценностных ориентаций с учетом конфессиональных аспектов и данных социологических опросов представителей белорусской молодежи. Предлагаются практические пути и средства актуализации ценности любви в развитии нравственной культуры белорусского общества на государственном, общественном и личном уровнях в современных условиях.

Ключевые слова: христианство, ценности, любовь, семья, идеал, социальная практика, нравственная культура, конфессии.

Social and Philosophical Analysis of the Value of Love in the Context of Christian Doctrine and Social Practice in the Context of Modern Belarusian Society

The article presents a socio-philosophical analysis of the representation of the value of love in the doctrine and social practice of Christianity. The author offers a definition of approaches to the value of love, understood as a spiritual and moral ideal, a model of behavior and an evaluative basis, and draws conclusions about their applicability in the formation and development of the moral culture of society and the individual in modern conditions. Particular attention is paid to the study of the place and role of the values of love and family in the hierarchical dynamic structure of the values of young Belarusians, as well as in the formation of their value orientations, taking into account confessional aspects and data from sociological surveys of representatives of the Belarusian youth. Practical ways and means of actualizing the value of love in the development of the moral culture of the Belarusian society at the state, public and personal levels in modern conditions are proposed.

Key words: Christianity, values, love, family, ideal, social practice, moral culture, confessions.

Введение

Постижение ценности любви актуально и значимо для каждого человека во все времена и представлено в мифологии, религии, философии и художественной литературе всех народов мира. Многочисленные интерпретации ценности любви связаны с эмоциональными и психофизиологическими состояниями, стремлениями, потребностями, целями в жизни человека.

*Исследование выполнено в рамках НИР «Ценности традиционных конфессий в сознании современной белорусской молодежи» (№ госрегистрации 20211331).

Большое внимание уделяется также изучению сопутствующих данным обстоятельствам процессов развития личности и факторов, препятствующих достижению желаемого положения (З. Фрейд «Эрос и Танатос», Э. Фромм «Искусство любить»). Философии любви посвящены исследования А. Абрамова, Р. Апресяна, Д. Васильева, Г. Гачева, Д. Гильдебранда и др. Впервые многогранность понятия «любовь» зафиксировали древние греки, выделив и описав восемь видов любви, среди которых особое место занимает агапе – жертвенная, мягкая, снисходящая к ближнему любовь. Древнегреческий как один из языков Библии представляет в ней образы, соответ-

ствующие всем видам любви, среди которых: Авраам и Сарра, Иисус и ученики, Бог и Иисус, смерть на кресте Иисуса. Античное понимание агапе приобрело в христианстве принципиально новое значение: как бескорыстная любовь-самоотдача, опосредованная и обусловленная любовью к Богу, она возникает как проявление любви к ближнему (любому человеку, оказавшемуся рядом в данный момент времени) в соответствии с возможностями конкретного человека.

В данной статье христианство осмысливается как универсальная система, включающая в себя компонент вероучения (представлений, раскрывающих его смыслы), деятельности (реализующей сценарии ее воплощения в индивидуальной и социальной практике) и институтов (организующих жизнь приверженцев). Вероучение христианства предлагает систему принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности личности и общества. Соответственно, социальная практика христианства предстает как вид практической деятельности, в ходе которой конкретному человеку предоставляется возможность воздействовать на общественные отношения на духовно-нравственной основе, что способствует изменениям в нем самом и обществе, т. к. объектом социальной практики являются способы жизнедеятельности людей. С одной стороны, приверженцам христианства через собственные конкретные действия предоставляется возможность реализации христианского вероучения в своей повседневной жизнедеятельности. С другой стороны, в условиях современного белорусского общества христианство как социальный институт в его конфессиональных формах осуществляет свою социальную практику на личностном уровне, уровне работы с социальными группами (семьей, детьми, молодежью, инвалидами, заключенными, лицами, имеющими алкогольную зависимость и их близкими и др.), уровне сотрудничества и диалога с государством и его органами. Отдавая приоритет личной ответственности за свое состояние, отношение и поступки самому человеку в любых условиях, вероучение христианства благосостояние и процветание всего общества ставит в зависимость от сознательного индивидуального выбора каждого и связывает качество

жизни в стране с уровнем развития нравственной культуры ее населения, что является особенно актуальным в современных условиях белорусского государства.

Теоретические аспекты рассмотрения ценности любви в контексте христианского вероучения и социальной практики в белорусской науке представлены в отдельных исследованиях Е. М. Бабосова, А. С. Лаптенка, А. С. Майхровича, О. А. Павловской и являются предметом специального изучения автора данной статьи [1]. Е. В. Шкурова отмечает, что в условиях социальных трансформаций любая религия преимущественно играет роль мировоззренческого ориентира и нормативного регулятора, определяющего границы социально одобряемого поведения [2, с. 28]. Э. Доул, понимая социальные практики как центральный компонент религиозной системы, отмечает необходимость дополнительных исследований новых тенденций согласования религиозных убеждений и социальной практики приверженцев религии [3].

По итогам регулярно проводимых в нашем государстве социологических опросов, большинство граждан заявляют о своей конфессиональной принадлежности, и преобладающая часть из них является приверженцами христианства. В соответствии с результатами проведенного кафедрой истории Беларуси и политологии социологического опроса «Конфессиональные ценности в сознании современной белорусской молодежи (на примере Брестского региона)», 88,5 % молодых людей принадлежат к христианским конфессиям: православию, католицизму и протестантизму (64,2, 8,6, и 15,7 % соответственно). Не имеют конфессиональной принадлежности 10,4 % опрошенных [4, с. 121]. Проведенный социологический опрос был нацелен на выявление ценностных ориентиров современной белорусской молодежи с учетом конфессиональных аспектов, а его отдельные результаты в этой статье впервые вводятся в научный оборот.

Новизна исследования обусловлена тем, что в современной Беларуси отсутствуют социологические данные об отношении молодых белорусов к ценностям, учитывающие конфессиональный аспект.

Обобщение итогов последовательно ведущейся в данном направлении исследовательской работы и результатов проведен-

ного социологического опроса позволило разработать практические пути и средства актуализации ценности любви в развитии нравственной культуры белорусского общества на государственном, общественном, личностном уровнях.

Цель статьи – провести социально-философский анализ любви как ценностного основания нравственной культуры белорусского общества в контексте христианского вероучения и социальной практики и разработка практических рекомендаций для ее актуализации в современных условиях Республики Беларусь с учетом результатов проведенного социологического опроса.

Ценность любви как духовно-моральный идеал, образец поведения и оценочное основание в формировании и развитии нравственной культуры общества и личности в контексте вероучения и социальной практики христианства

Две основные заповеди христианства о любви как два основных принципа духовно-нравственного развития человека сформулированы еще в Ветхом Завете, где их смысл представлен в образах людей, стремившихся воплотить их в своей жизни. Ветхозаветный духовно-моральный идеал для избранного народа был расширен в Новом Завете для всех христиан благодаря введению нового принципа об универсальности Божественной любви. При этом в условиях Древнего мира Ветхий Завет был трамплином к пониманию Нового Завета, и образы некоторых ветхозаветных праведников стали прообразами новозаветного духовно-морального идеала. Например, образы Авеля, Исаака, Иосифа, Иова, Моисея свидетельствуют о возможностях проявления жертвенной любви «агапе». Христианский идеал, воплощенный в жизненном пути Иисуса как образце духовного и морального совершенства, направляет его последователей на развитие нравственных аспектов жизнедеятельности: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный» (Мф 5: 43). Этот пример эксплицирует смыслообразующую заповедь христианства: «Возлюби Господа Бога твоего... возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф 22: 37–40).

В то время как Декалог на примере заповедей называет препятствия к достиже-

нию духовно-морального идеала, в Новом Завете значительное внимание уделяется рассмотрению совершенной Божественной любви и конкретных рекомендаций для возможности ее реализации в индивидуальной и социальной практике. Принципиальную важность для современного человека играет то, что для духовно-нравственного развития личности предлагаются не императивы, а ориентиры. Иисус Христос постоянно обращается к людям через притчи. К реализации ценности любви как духовно-морального идеала и образца поведения можно приблизиться путем ежедневных нравственных поступков: «Если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим... тем более Отец Небесный даст Духа Святого просящим у Него» (Лк 11: 13). Ценность любви как оценочное основание в формировании нравственной культуры личности ориентирует ее прежде всего на устранение нравственных нарушений в своем поведении. В поступках современного человека это реально достижимо, так же как и стремление к реализации им в повседневной жизни ценностей терпения, смирения, милосердия, покаяния с использованием конкретных инструментов практики христианства (чтение молитв, соблюдение постов и обрядов, участие в богослужениях, освоении опыта праведников и др.). Для социальной и индивидуальной практики современного человека рекомендация стремиться в идеале действовать, ориентируясь на ценность любви как оценочное основание: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки» (Мф 7: 12), – продолжает оставаться актуальной.

Ценность любви как образец поведения для христианина воплощается в исполнении заповедей. Ветхозаветные заповеди ограничивают межличностные отношения и утверждают конкретные конструктивные нормы поведения, отказываясь от эгоизма и авторитаризма. Подтверждая ветхозаветные ценности, Новый завет дополняет их принципиально новыми нравственными положениями, отличающимися от традиционных общечеловеческих норм. Ценности Нового завета по отношению человека к другому человеку основаны на принципе жертвенной любви: «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А я говорю: любите врагов ваших» (Мф 5: 21).

Греческое слово «агапе» (любовь нисходящая, жертвенная) по отношению к врагам как к духовному единению, направленному на всех людей, на любого ближнего, вывело христианское понимание любви за пределы психологической привязанности на иной, духовный уровень и осуществило моральный переворот в сознании человечества [1, с. 16].

Ценность жертвенной любви понимается в Новом завете как основа всех остальных ценностей, квинтэссенция духовности и нравственного совершенства человека. Мучительная смерть Богочеловека во имя спасения человечества является высшим проявлением Божественной любви к людям. Именно Евангельская формула «Бог есть любовь» (1 Ин 4: 8) раскрывает уникальность места христианства в истории религий [5, с. 97]. Этот детерминационно-императивный компонент индивидуальной и социальной практики стоит превыше отношений с миром, общественного служения и собственных эгоистических интересов. Ценность любви к ближнему – любому другому человеку, оказавшемуся рядом в данный момент времени, также как и терпимость, является критерием нравственной деятельности: «Терпение же должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка» (Ик 1: 4).

Таким образом, в контексте христианского вероучения и практики на основании ценности любви, выражающей отношение человека к себе и социальному миру, путем самоактуализации именно его личных усилий, направленных, с одной стороны, на практическое воплощение духовно-морального идеала, а с другой стороны, на преодоление собственных негативных поведенческих интенций, происходит самоизменение мировоззренческих основ сознания, отношения и деятельности: «Вера без дел мертва» (Ик 2: 26). Формирование духовно-нравственных ценностных ориентаций связано с целенаправленной реализацией христианских заповедей в повседневной жизни человека, способствующих укреплению принципа любви в его отношениях с людьми, окружающим миром, самим собой, что является актуальным в условиях современного общества. Христианское понимание ценности любви как образца поведения и духовно-морального идеала ориентирует

человека не только на стремление реализовать его в конкретных поступках, но и оценивать существующую реальность с точки зрения ее созидательного преобразования в соответствии с ними и, изменяя свое сознание, вызывать последовательные конструктивные перемены в отношении к самому себе, своему внутреннему миру и социальному окружению: семье, рабочему коллективу, социальной группе и государству.

Любовь как ценностное основание нравственной культуры современного белорусского общества

Молодежь как социально наиболее активная часть общества интенсивнее других социальных групп реагирует на социальные трансформации путем адаптации к изменяющимся условиям и выработки стратегий преодоления глобальных угроз в соответствии с вызовами времени. В ситуации развития новых информационных технологий и форм техники анализ ценностных ориентаций белорусской молодежи позволяет исследовать ее ответы на вызовы времени как возможные последующие рекомендации для развития основных сфер жизнедеятельности всего белорусского общества, а также предложить способы преодоления имеющихся кризисных явлений. При этом одновременно ценности молодежи являются как индикатором изменений, происходящих в обществе, так и фактором создания нравственного потенциала для развития национальной культуры.

Результаты проведенного эмпирического исследования свидетельствуют о репрезентации в сознании молодых белорусов духовных ценностей, соответствующих установкам христианства. Ценность любви занимает четвертое место в рейтинге важных жизненных ценностей всей опрошенной молодежи, а первое место – семья. Именно для приверженцев христианства, составляющих большинство респондентов, в рейтинге предложенных ценностных переменных приоритетной ценностью является семья. Семья также лидирует как фактор внешнего влияния на выбор религиозной принадлежности или атеизма среди респондентов, что означает признание лидирующей роли данного социального института в формировании религиозного мировоззрения. Иерархию ценностей молодых людей, не имеющих конфессиональной принадлеж-

ности и составляющих меньшинство респондентов, возглавляют интеллектуальные способности, независимость и самостоятельность, самореализация, здоровье. Затем молодежь, не относящая себя ни к одной из конфессий, выбирает семью и счастье в равных долях, также как далее любовь и материальные блага, что одновременно соответствует пятому и шестому, седьмому и восьмому местам. В итоге обобщения результатов социологического исследования иерархия ценностей молодежи, как представляющей различные конфессии, так и не имеющей конфессиональной принадлежности такова: семья (78,7 %), здоровье (59,3 %), жизнь (53 %), любовь (48,1 %) и счастье (47 %) [4, с. 124].

Социологические исследования начала 2000-х гг., проведенные под руководством Е. М. Бабосова, свидетельствуют о том, что на первом месте в рейтинге ценностей белорусской молодежи находилась любовь [6, с. 22, 24]. По сравнению с результатами упомянутого выше социологического опроса «Конфессиональные ценности в сознании современной белорусской молодежи», проведенного кафедрой истории Беларуси и политологии, можно сделать вывод о смещении акцентов в ценностных ориентациях современной молодежи через 20 лет. Важную роль в данном процессе сыграли условия пандемии COVID-19, актуализировавшие значимость в сознании молодежи ценностей семьи, здоровья и жизни. Также можно сделать вывод о неравной значимости позиций ценностей любви, семьи и здоровья в рейтинге ценностей современной молодежи, не относящей себя ни к одной из конфессий. Последняя группа отвела ценности здоровья четвертое место, а позиция ценностей семьи и любви в их сознании находится еще ниже. В связи с модификацией ценностных приоритетов белорусской молодежи можно утверждать, что смещение акцентов в расстановке ценностей по результатам проведения социологического опроса в Брестском государственном университете имени А. С. Пушкина свидетельствует о более серьезном подходе современных молодых людей к ценности любви по сравнению с 2000-ми гг., т. к. реализация ценности семьи на практике и в перспективе предполагает ежедневные нравственные усилия и духовную работу над собой, и, выбирая се-

мью как ценность номер один в списке своих личных предпочтений, большинство опрошенных молодых людей осознает сопутствующую ответственность. Условия пандемии COVID-19 в контексте личного и коллективного опыта можно рассматривать как экзистенциальную ситуацию, которая, кардинально изменив условия индивидуальной и социальной деятельности в белорусском обществе, в первую очередь существенно затронула мировоззренческие основы формирования сознания молодых людей по отношению к вопросам жизни и смерти, свободы и ответственности, одиночества и социальных отношений, поиска и обретения ими новых аспектов в своем профессиональном становлении.

Важную роль в поддержке молодых людей на этом непростом пути, их ознакомлении с имеющимся наработанным опытом поколений в решении данных проблем в русле традиционных конфессий призвано сыграть христианское наследие, путями передачи которого в современных условиях может выступить деятельность социальных (семья, воспитание, досуг и др.), политических (государство, парламент, политические партии и др.) и духовных (образование, церковь, наука, искусство и др.) институтов. Такая общая цель, в конечном итоге ориентированная на актуализацию ценности любви как духовно-морального идеала, образца поведения и оценочного основания в развитии нравственной культуры общества и личности в контексте христианского вероучения и социальной практики в качестве одного из компонентов национальной культуры, обладает особой значимостью в современных условиях Республики Беларусь, соответствуя основным направлениям ее конфессиональной политики. В процессе достижения указанной цели своевременным представляется усиление процесса интеграции деятельности государства и его органов, науки, образования и церкви по формированию и развитию нравственной культуры общества, и в первую очередь молодежи – его социально активной части, – на основе духовно-нравственных ценностей христианства как феномена национальной культуры.

Значимая позиция ценности любви в сознании молодежи пограничного региона свидетельствует о ее влиянии на индивидуальную и социальную деятельность молодых

людей и в период миросистемных трансформаций. Приоритет ценности семьи как многогранного феномена, включающего в себя также и ценность любви, для молодежи Брестского региона свидетельствует о том, что для большинства опрошенных важны хорошие отношения с членами семьи, забота о стариках и детях, что может также быть связано с влиянием многовекового духовно-нравственного наследия белорусского народа, важной частью которого являются ценности христианства. Так, заповедь «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле» (Исх 20: 12) является очень важной для 64,6 % опрошенных, скорее, важной для 21,6 %, что в сумме составляет 86,2 % от общего количества опрошенных. В данную группу вошли все респонденты – приверженцы протестантизма. Одновременно часть молодежи ориентирована на иные нравственные нормы: для 7,1 % в сумме респондентов, среди которых есть представители православия и католицизма, данная заповедь либо «скорее, не важна» (2,6 %), либо «не важна» (4,5 %). Затруднились ответить на данный вопрос 6,8 % опрошенных молодых людей. Как видим, значимость заповеди о почитании родителей (86,2 % от общего количества опрошенных, включая не являющихся приверженцами христианства) превышает приоритет семьи как ценности (78,7 %).

На основании анализа полученных эмпирических данных можно сделать вывод о переплетенности, взаимопроникновении в сознании белорусского народа духовно-нравственных ценностей христианства и гуманистических ценностей периода СССР как компонентов национальной культуры, что в условиях процесса глобализации и трансформирующегося общества имеет принципиальную важность. Однако, обладая огромными внутренними ресурсами для самосознания, в реальном процессе социальной коммуникации значительная часть молодежи руководствуется широким спектром ценностных ориентаций и установок.

Заключение

Любовь, как базовая общечеловеческая ценность, является основой гуманистического и созидательного развития любого общества.

Воплощение духовно-нравственной ценности любви в индивидуальной и соци-

альной практике не нарушает ни прав верующих, ни прав атеистов и выступает как уникальная форма продуктивной деятельности. Проведенный анализ показал, что современные социальные практики в контексте их соотношения с религиозными убеждениями требуют дополнительных исследований с учетом специфики белорусского общества.

В целях повышения эффективности, системности и оптимизации нравственно-воспитательной работы с населением нашей страны предлагаются следующие рекомендации для актуализации любви как ценностного основания нравственной культуры белорусского общества.

На государственном уровне в рамках нравственно-воспитательной работы необходимо донесение понимания ценности любви в контексте христианского наследия как части национальной культуры по отношению к ближнему – любому человеку, оказавшемуся рядом в данный момент времени. Для оптимизации данного процесса необходимо привлечение внимания к нравственным аспектам реализации христианского духовно-морального идеала любви через соблюдение библейских заповедей, принципов поведения, общения и деятельности, не нарушающих прав верующих и атеистов. Осуществление такой просветительской деятельности на государственном уровне призвано выступить необходимым продолжением последовательно ведущейся в нашем государстве работы по информированию белорусского народа о ценностях христианства, осуществляемого через государственные органы, СМИ, институты воспитания, образования, науки и искусства, через институт национальной культуры.

На общественном уровне в деятельности институтов семьи, церкви, различных общественных организаций необходимо стимулировать осознание духовных потребностей каждого человека, направленных на его социальную и творчески-созидательную деятельность и включенность в мир культуры. На этом уровне представляется принципиально важной взаимная поддержка и признание важности каждого участника созидательных процессов, создание социальных условий, предоставляющих человеку возможность самореализации в созидательном труде и социальном творчестве для реализации об-

щей цели устойчивого развития. Актуализация на общественном уровне духовных потребностей и творческой самореализации способствует осуществлению целенаправленного воздействия на формирование созидательно-ценностной ориентации и жизненной позиции, основанной на ценности любви как главном моральном чувстве и состоянии, обуславливающим духовно-нравственные цели, мотивы, установки и выражающем личностное отношение человека к социальной действительности, прежде всего человека к человеку.

На личностном уровне человек, совершая выбор между альтернативными ценностными ориентациями, может принять

ценность любви как оценочное основание своей повседневной деятельности в контексте христианского вероучения и практики. Практическая реализация ценности любви как образца поведения в собственной жизни человека через ежедневное соблюдение христианских заповедей как ориентиров-регулятивов нравственного развития в конкретных поступках способствует максимальному приближению к воплощению духовно-морального идеала настолько, насколько доступно конкретной личности в конкретных условиях, исходя из ее определенной ситуации, индивидуальных возможностей и ресурсов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лагуновская, Е. А. Ценности христианства в формировании нравственной культуры современного белорусского общества / Е. А. Лагуновская. – Брест : БрГУ им. А. С. Пушкина, 2011. – 147 с.
2. Шкурова, Е. В. Кросс-конфессиональный подход к социологическому исследованию религиозности населения Беларуси : автореф. дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.01 / Шкурова Елена Валерьевна. – Минск, 2023. – 43 с.
3. Dole, A. C. Religious beliefs and social practices / A. C. Dole // Religion. – 2024. – Is. 4 : The Philosophy of Religious Studies. Guest Editor: José Eduardo Porcher. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/0048721X.2024> (дата обращения: 31.03.2025).
4. Лагуновская, Е. А. Место и роль семьи в формировании у молодежи представлений о ценностях христианских конфессий / Е. А. Лагуновская, Е. В. Скакун // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. – 2024. – Т. 14, № 1. – С. 120–129.
5. Кураев, А. Христианская философия и пантеизм / А. Кураев. – М. : Изд-во Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1997. – 228 с.
6. Динамика ценностных ориентаций молодежи в трансформирующемся обществе / Е. М. Бабосов [и др.] ; под ред. Е. М. Бабосова. – Минск : Современное слово, 2001. – 144 с.

REFERENCES

1. Lagunovskaja, Je. A. Cennosti khristianstva v formirovanii npravstviennoj kul'tury sovriemienogo bieloruskogo obshchiestva / Je. A. Lagunovskaja. – Brist : BrGU im. A. S. Pushkina, 2011. – 147 s.
2. Shkurova, Je. V. Kross-konfiessional'nyj podkhod k sociologichieskomu issliedovaniju rieligioznosti nasielienija Bielarusi : avtorief. dis. ... d-ra sociol. nauk : 22.00.01 / Shkurova Jeliena Valier'jvna. – Minsk, 2023. – 43 s.
3. Dole, A. C. Religious beliefs and social practices / A. C. Dole // Religion. – 2024. – Is. 4 : The Philosophy of Religious Studies. Guest Editor: José Eduardo Porcher. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/0048721X.2024> (data obrashchienija: 31.03.2025).
4. Lagunovskaja, Je. A. Miesto i rol' siem'i v formirovanii u molodiozhi predstavlienij o ceno-stiakh khristianskikh konfiessij / Je. A. Lagunovskaja, Je. V. Skakun // Viesnik Grodzienskaha dzjarzhaunaha universiteta imia Janki Kupaly. – 2024. – T. 14, № 1. – S. 120–129.
5. Kurajev, A. Khristianskaja filosofija i panteizm / A. Kurajev. – M. : Izd-vo Sviato-Troickoj Siergijevoj Lavry, 1997. – 228 s.
6. Dinamika cennostnykh orijentacij molodiozhi v transformirujushchiemsia obshchiestvie / Je. M. Babosov [i dr.] ; pod ried. Je. M. Babosova. – Minsk : Sovriem. slovo, 2001. – 144 s.

Вадим Олегович Кошевой*аспирант 2-го года обучения каф. философии**Гродненского государственного университета имени Янки Купалы***Vadim Koshevoy***2-nd Year Postgraduate Student of the Department of Philosophy
of Yanka Kupala State University of Grodno**e-mail: geo.kashavoy@mail.ru***ТИПОЛОГИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ОБЩЕСТВА:
ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ**

Военно-политическое сознание рассмотрено как духовный феномен, возникающий на пересечении военной и политической сфер жизни социума, объектом отражения которого являются военно-политические процессы. Осуществлен историко-философский анализ исследований оборонного, милитаристского и пацифистского видов военно-политического сознания. Проанализированы типологии военно-политического и оборонного сознания, предлагаемые различными исследователями этого духовного феномена. Проведен сравнительный анализ видов военно-политического сознания, раскрыты существенные характеристики и особенности каждого рассматриваемого вида военно-политического сознания. Предложена теоретическая модель видов военно-политического сознания во взаимосвязи с типологией современных обществ в зависимости от отношения к войне и вооруженным силам, разработанной Чарльзом Москосом. Выявлена корреляция между преобладающим видом военно-политического сознания, отношением общества к войне и господствующей в нем идеологией.

Ключевые слова: *военно-политическое сознание, военно-политические процессы, оборонное сознание, милитаристское сознание, пацифистское сознание, антимилитаризм, космополитизм.*

***Typology of Military-Political Consciousness of Society:
Historical and Philosophical Analysis of the Problem***

Military-political consciousness is considered as a spiritual phenomenon arising at the intersection of the military and political spheres of life of society, the object of reflection of which are military-political processes. The article provides a historical and philosophical analysis of studies of defensive, militaristic and pacifist types of military-political consciousness. The typologies of military-political and defensive consciousness proposed by various researchers of this spiritual phenomenon are analyzed. A comparative analysis of the types of military-political consciousness is carried out, the essential characteristics and features of each type of military-political consciousness under consideration are revealed. A theoretical model of the types of military-political consciousness is proposed in conjunction with the typology of modern societies depending on the attitude to war and the armed forces, developed by Charles Moskos. A correlation between the prevailing type of military-political consciousness, the attitude of society to war and the dominant ideology is revealed.

Key words: *military-political consciousness, military-political processes, defense consciousness, militaristic consciousness, pacifist consciousness, anti-militarism, cosmopolitanism.*

Введение

Современные военно-политические тенденции складываются таким образом, что проблема обеспечения военной безопасности выходит на первый план во многих регионах мира, даже в тех странах, которые не имеют вооруженных конфликтов или причин для их появления. Так, в Восточноевропейском реги-

оне растут военные бюджеты и происходит милитаризация общества и политики Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, Германии и многих других стран [1, с. 65, 66]. Важное значение для реализации запроса общества на понимание складывающейся военно-политической обстановки имеет сформированность представлений в социуме о сущности военно-политических процессов, об их структурно-функциональных компонентах.

Цель данной статьи – рассмотреть типологии военно-политического сознания как духовного феномена, определив существенные черты каждого выделяемого типа или вида.

Научный руководитель – Снежана Здиславовна Семерник, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

Основная часть

Актуальным вопросом является выделение типов и видов военно-политического сознания. Так, В. М. Чугунов и В. М. Дудко выделяют виды сознания военной безопасности, при этом определяя оборонное сознание как один из видов наравне с абстрактно-пацифистским и агрессивно-милитаристским сознанием [2, с. 57; 3, с. 68].

В то же время феномены милитаризма и пацифизма вплотную связаны с понятием оборонного сознания. Как милитаризм, так и пацифизм представляют собой крайние, причем друг другу противоположные формы отношения граждан к войне и защите своей страны. В. В. Чебан считал, что оборонное, пацифистское и милитаристское сознание

отражают военно-политическую действительность, называя их видами военно-политического сознания, в то же время некоторые другие авторы использовали такую единицу, как «тип» [4, с. 164].

Сам феномен военно-политического сознания в современной трактовке можно обозначить как духовный компонент военной политики, отражающий военно-политические процессы в общественном сознании и определяющий характер военно-политических отношений в системе человек – общество – государство.

Рассмотрим виды военно-политического сознания и их сущностные характеристики (таблица 1).

Таблица 1 – Виды (типы) военно-политического сознания

Виды	Отношение к войне	Отношение к применению военной силы	Отношение к военной службе	Ключевой принцип
Милитаристское	Способ разрешения противоречий, конфликтов, легитимный инструмент для достижения политических, экономических или территориальных целей	Основное средство достижения внешнеполитических целей	Положительное	Право сильного
Оборонное	Крайняя мера, предпринимаемая только в случае непосредственной угрозы национальной безопасности. Война – необходимое зло	Средство защиты государства от внешних угроз	Положительное	Неприменение силы или угрозы силой
Пацифистское	Война – абсолютное зло	Недопустимость, отказ от применения военной силы	Отрицательное	Ненасилие

Так, например, в системе координат пацифистского сознания человек является высшей ценностью, а достижение политических целей вооруженным способом, влекущим за собой гибель людей, является для такого типа сознания абсолютно недопустимым и находится за пределами морали. Кандидат философских наук А. А. Лисицына определяет пацифизм как идейно-философское учение, в основе которого лежит отказ от войн и милитаризма, поиск ненасильственных путей разрешения межгосударственных конфликтов, а также стремление к устранению причин войны в обществе [5, с. 61].

В центре идей пацифистского сознания находится идея ценности и сохранения человеческой жизни. Провозглашается, что жизнь одного конкретного человека важнее интересов политического большинства или полити-

ческой элиты, готовых этой жизнью пожертвовать «во имя высоких целей». Пацифистские идеи стремятся приблизить человечество к гуманизму, провозглашают на практике принцип ненасилия и ставят в центр системы ценностей Человека. Определить пацифистское сознание можно как вид военно-политического сознания, направленный на реализацию политических целей ненасильственным путем.

В то же время такие военно-политические взгляды вызывали критику со стороны советской философской школы, называвшей пацифизм «абстрактным» феноменом [6, с. 46]. Суть этой критики сводится к тому, что в современных политических и геополитических условиях полный отказ от вооруженных сил является невозможным и недостижимым, т. к. это не будет реализовано большинством

государств мира, а кроме того, подобный односторонний отказ от содержания военной организации является опасным, безответственным по отношению к собственным гражданам, потому что это приведет только к возрастанию потенциальных и реальных военных угроз и возможной военной агрессии со стороны заинтересованных сил.

Такая критика абстрактного пацифизма является актуальной и в наши дни. Как показала военно-политическая практика, военное вторжение, операции по «принуждению к миру», смена «неугодных» политических режимов зачастую осуществляются с применением регулярных вооруженных сил, и только поддержание и укрепление собственной обороноспособности позволяет сохранить суверенитет и отстаивать свои национальные интересы на мировой политической арене, в связи с чем остаются актуальными идеи концепции оборонного сознания.

Большинство современных исследователей проблемы формирования оборонного сознания ссылаются на определение А. А. Кокорина, который считал, что оно является составной частью общественного сознания, идеологическим явлением и отражением в массовом сознании военно-политических процессов [6, с. 42]. Современный подход к определению оборонного сознания таков: оборонное сознание – вид военно-политического сознания, направленный на организацию защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешней и внутренней агрессии во всех формах и способах ее проявления.

Милитаристское сознание в рамках социальной философии выделялось и ранее. Например, кандидат философских наук Д. Г. Кукарников в рамках своей диссертации исследовал особенности милитаристского и антимилитаристского сознания западного общества [7, с. 10].

Милитаристское сознание мы можем определить как вид военно-политического сознания, направленный на реализацию политических целей военно-силовым путем.

Антимилитаризм, в свою очередь, определяется Д. Л. Цыбаковым как общественно-политическое движение, отрицающее использование вооруженного насилия в политических целях [8, с. 96].

А. А. Лисицына предлагает рассматривать антимилитаризм в контексте понятийного ряда: «ненасилие – пацифизм – антимилитаризм», в котором философия ненасилия является наиболее обширным понятием, а антимилитаризм – узким течением пацифизма [9, с. 39].

«Заражение» общества целой страны милитаристскими идеями может происходить, например, в результате «преодоления комплекса военно-политической неполноценности» [10, с. 153] посредством проведения политики реваншизма, направленной на развязывание захватнической войны под предлогом «восстановления исторической справедливости» и возврата утраченных территорий и позиций. В качестве хрестоматийного примера можно привести нацистскую Германию 1933–1945-х гг., милитаризация сознания общества которой повлекла за собой крупнейшую в истории человечества войну с гигантскими жертвами.

Актуальным примером милитаризации военно-политического сознания общества является Украина. Итогом процессов милитаризации Украины и формирования милитаристского (по своей сути – реваншистского, направленного на возврат Крыма, Донбасса и других утраченных территорий) сознания стало превращение ее в эпицентр и главную движущую силу глобального милитаризма в рамках Восточноевропейского плацдарма НАТО, включающего Румынию, Украину, Польшу, страны Балтии [1, с. 65, 66].

Профессор социологии Чарльз Москос в своих исследованиях пришел к выводу, что в ходе трансформации политических систем общества современных государств проходят путь от «общества готовности к войне» через «общество сдерживания войны» к «обществу отрицания войны». Основной акцент в своем исследовании Москос сделал на изменении роли, места и общественного статуса вооруженных сил [11, с. 83].

В то же время целесообразно рассмотреть и трансформацию военно-политического сознания всего общества.

При таком подходе атрибутами «общества готовности к войне» являются сильная милитаризация общественных отношений и соответственно милитаристский (агрессивно-милитаристский) тип военно-политического сознания (таблица 2).

Таблица 2 – Социально-психологические установки общества в отношении войны

Идеология	Направленность военной политики	Вид военно-политического сознания	Отношение общества к войне (по Ч. Москову)
Империализм	Милитаристская	Агрессивно-милитаристское	«Общество готовности к войне»
Национализм			
Патриотизм	Миротворческая	Оборонное	«Общество сдерживания войны»
Космополитизм		Пацифистское	«Общество отрицания войны»

На другом полюсе находится «общество отрицания войны», в котором доминируют антимилитаристские идеи и преобладает пацифистский тип военно-политического сознания. Общество сдерживания войны» будет характеризоваться оборонным типом сознания. Например, А. А. Кокорин – основоположник концепции оборонного сознания, писал о том, что оборонное сознание «служит сдерживанию сил агрессии» [6, с. 43].

Существует корреляция между преобладающим видом военно-политического сознания, отношением общества к войне и господствующей в нем идеологией (таблица 2). Например, прослеживается наличие связи между пацифистским военно-политическим сознанием и идеологией космополитизма. Ценности космополитизма могут быть противопоставлены патриотизму, т. к. имеют трансграничный характер, отсутствие привязки к пространству Родины и всего, что с ней связано.

Тесное взаимодополнение и пересечение пацифистских и космополитических позиций подчеркивает кандидат философских наук Л. Г. Александров, который отмечает такие общие основания пацифизма и космополитизма, как трансграничный характер, миролюбивые устремления, позиции умиротворения и противопоставление милитаризации патриотических чувств [12, с. 93].

В отличие от космополитических позиций, когда человек не идентифицирует себя с конкретным пространством, территорией, а рассматривает себя «гражданином мира» (вследствие чего отпадает потребность защищать это пространство), идеология патриотизма направлена на культивирование ценности Родины и призывает встать на защиту и оборону своей страны в случае военной угрозы. Поэтому задачей общества, стоящего на патриотических позициях, является сдерживание и недопущение

войны, представляющей экзистенциальную угрозу для всего, что связано с пространством Родины, а для решения этой задачи в обществе необходимо формировать оборонное сознание.

Агрессивные территориальные устремления присущи для империалистических и националистических идеологий, в рамках которых формируется «общество готовности к войне», характеризующееся агрессивно-милитаристским военно-политическим сознанием. В отличие от «общества сдерживания войны» с преимущественно оборонным типом сознания «общество готовности к войне» ориентировано на решение политических задач военным путем, а сформированный образ врага консолидирует такое общество и выступает средством мобилизации для воплощения националистических или имперских идей. В то же время одним из путей демилитаризации общественного сознания является деконструкция образа врага в военно-политическом сознании милитаризованного общества и смена идеологических установок.

Заключение

Обобщая, мы можем выделить три основных типа/вида (по В. В. Чебану) военно-политического сознания: пацифистское, оборонное и милитаристское, отличающиеся друг от друга как своей направленностью, так и основными ценностями. Оборонное, милитаристское и пацифистское сознание отражают разные взгляды на вопросы войны и мира, и каждый из них играет свою роль в формировании общественного мнения и политического поведения. Таким образом, они могут рассматриваться как отдельные типы военно-политического сознания, которые взаимодействуют друг с другом и могут влиять на динамику политической ситуации каждого конкретного общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Цыбаков, Д. Л. Противодействие угрозе украинского милитаризма в контексте обеспечения коллективной безопасности евразийского пространства / Д. Л. Цыбаков // Вестник Университета мировых цивилизаций. – 2024. – № 1 (42). – С. 65–69.
2. Чугунов, В. М. Сознание военной безопасности и механизм его формирования в ВС РФ / В. М. Чугунов // Военная мысль. – 2000. – № 2 (3-4). – С. 55–60.
3. Дудко, В. М. Сознание военной безопасности военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации: сущность, структура, социальный механизм формирования (социально-философский анализ) : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Дудко Владимир Михайлович. – Монино, 2002. – 176 л.
4. Чебан, В. В. Военно-политическое сознание общества (социально-философский анализ) : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Чебан Валерий Всеволодович. – М., 1992. – 291 л.
5. Лисицына, А. А. Генезис идеи пацифизма в социально-философской мысли / А. А. Лисицына // Вестник Вятского государственного университета. – 2022. – № 1 (143). – С. 60–67.
6. Кокорин, А. А. Оборонное сознание: реальность и необходимость / А. А. Кокорин // Военная мысль. – 1989. – № 6. – С. 39–48.
7. Кукарников, Д. Г. Милитаристские и антимилитаристские тенденции в политическом сознании современного западного общества : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / Кукарников Дмитрий Германович. – М, 1990. – 20 с.
8. Цыбаков, Д. Л. Милитаризм и антимилитаризм в международной политике: оценки современной общественной мысли / Д. Л. Цыбаков // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. – 2012. – № 1. – С. 96–102.
9. Лисицына, А. А. Пацифизм, ненасилие, антимилитаризм: проблема соотношения понятий / А. А. Лисицына // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2018. – № 1 (98). – С. 39–42.
10. Цыбаков, Д. Л. Фактор милитаризма в развитии международных отношений государств постиндустриального мира / Д. Л. Цыбаков // Среднерусский вестник общественных наук. – 2011. – № 2. – С. 151–156.
11. Москос, Ч. Вооруженные силы в «обществе отрицания войны» / Ч. Москос // Армия и общество. – М. : Прогресс, – 1990. – С. 78–83.
12. Александров, Л. Г. Космополитизм как теоретическое понятие и общественная позиция / Л. Г. Александров // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2011. – № 1 (7). – С. 91–94.

REFERENCES

1. Cybakov, D. L. Protivodiejstvije ugrozie ukrainskogo militarizma v kontiektstie obiespiechienija kolliektivnoj biezopasnosti jevrazijskogo prostranstva / D. L. Cybakov // Viestnik Univiersitieta mirovykh civilizacij. – 2024. – № 1 (42). – S. 65–69.
2. Chugunov, V. M. Soznanije vojennoj biezopasnosti i miekhanizm jego formirovanija v VS RF / V. M. Chugunov // Vojennaja mysl'. – 2000. – № 2 (3-4). – S. 55–60.
3. Dudko, V. M. Soznanije vojennoj biezopasnosti vojennosluzhashchikh Vooruzhennykh Sil Rossijskoj Fiedieracii: sushchnost', struktura, social'nyj miekhanizm formirovanija (social'no-filosofskij analiz) : dis. ... kand. filoz. nauk : 09.00.11 / Dudko Vladimir Mikhajlovich. – Monino, 2002. – 176 l.
4. Chieban, V. V. Vojenno-politichieskoje soznanije obshchiestva (social'no-filosofskij analiz) : dis. ... d-ra filoz. nauk : 09.00.11 / Chieban Valierij Vsievobodovich. – M., 1992. – 291 l.
5. Lisicyna, A. A. Gienezis idiei pacifizma v social'no-filosofskoj mysli / A. A. Lisicyna // Vestnik Viatskogo gosudarstviennogo univiersitieta. – 2022. – № 1 (143). – S. 60–67.
6. Kokorin, A. A. Oboronnoje soznanije: rielnost i nieobchodimost / A. A. Kokorin // Vojennaja mysl. – 1989. – № 6. – S. 39–48.
7. Kukarnikov, D. G. Militaristskije i antimilitaristskije tendencii v politichieskom soznanii sovriemiennogo zapadnogo obshchiestva : avtorief. dis. ... kand. filoz. nauk : 09.00.01 / Kukarnikov Dmitrij Giermanovich. – M, 1990. – 20 s.

8. Cybakov, D. L. Militarizm i antimilitarizm v miezhdunarodnoj politike: ocienki sovriemiennoj obshchestvennoj mysli / D. L. Cybakov // Nauchnyje i obrazovatel'nyje problemy grazhdanskoj zashchity. – 2012. – № 1. – S. 96–102.

9. Lisicyna, A. A. Pacifizm, nenasilije, antimilitarizm: problema sootnoshenija poniatij / A. A. Lisicyna // Gumanitarnyje i social'no-ekonomichieskije nauki. – 2018. – № 1 (98). – S. 39–42.

10. Cybakov, D. L. Faktor militarizma v razvitii miezhdunarodnykh otnoshenij gosudarstv post-industrial'nogo mira / D. L. Cybakov // Sriednierusskij vjestnik obshchestviennykh nauk. – 2011. – № 2. – S. 151–156.

11. Moskos, Ch. Vooruzhennyje sily v «obshchestvie otricanija vojny» / Ch. Moskos // Armija i obshchestvo. – M. : Progress, – 1990. – S. 78–83.

12. Alieksandrov, L. G. Kosmopolitizm kak teorietichieskoje poniatije i obshchestviennaja pozicija / L. G. Alieksandrov // Znak: problemnoje polie mediaobrazovanija. – 2011. – № 1 (7). – S. 91–94.

Рукапіс наступиў у рэдакцыю 14.04.2025

Дай Лин

*магистр педагогики, аспирант 2-го года обучения Института философии
Национальной академии наук Беларуси*

Dai Ling

*Master of Pedagogy, 2-nd Year Postgraduate Student of the Institute of Philosophy
of National Academy of Sciences of Belarus*

e-mail: 754552840L@gmail.com

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ КИТАЯ

Анализируется влияние социальных изменений, глобализационных процессов и состояния локальных культурных форм на культурную идентичность, поиск и обретение молодежью надежных оснований жизнедеятельности. Проведен сравнительный анализ отношения к искусству и традиционному культурному наследию в разных культурных средах, выявлены различные взгляды и стратегии адаптации к новым культурным реалиям в ситуации трансформационных изменений и разнообразных внешних детерминаций. Содержание и выводы исследования помогают не только понять динамические изменения в современной культуре Китая, но и спрогнозировать векторы дальнейшего развития искусства и традиционной культуры в условиях переходных модернизирующихся обществ.

Ключевые слова: *художественная и традиционная культура, социализация и инкультурация молодежи, ценностные ориентации, культурная идентичность, современный Китай, трансформационные изменения.*

Artistic and Traditional Culture as a Factor in Shaping the Value and Worldview Orientations of Modern Chinese Youth

The article analyzes the impact of social changes, globalization processes and the state of local cultural forms on the cultural identity of young people, the search for and acquisition of reliable foundations for life. The author conducts a comparative analysis of attitudes towards art and traditional cultural heritage in different cultural environments, identifies different views and strategies for adapting to new cultural realities in a situation of transformational changes and diverse external determinations. The content and conclusions of the study help not only to understand the dynamic changes in China's modern culture, but also to predict the vectors of further fruitful functioning of art and traditional culture in transitional modernizing societies.

Key words: *artistic and traditional culture, socialization and inculturation of youth, value orientations, cultural identity, modern China, transformational changes.*

Введение

За минувшее десятилетие китайское современное искусство вступило в новый этап своего развития. С интеграцией биологических, нано- и квантовых технологий в художественное творчество понятие «цифровое искусство» постепенно перешло в «технологическое искусство». Если XX в. известен как век электроники, то XXI в. считается «веком искусственного интеллекта», «веком биотехнологий», «веком нанотехнологий». Новые формы науки и техно-

логического искусства, такие как искусство искусственного интеллекта, биологическое искусство, искусство виртуальной реальности, наноискусство, трехмерная печать и умное искусство в Китае развиваются небывальными темпами и изменяют социальную реальность. В свою очередь, это оказывает влияние и на культуру, обогащая ее инновационными формами, новым смысловым содержанием, что свидетельствует о постепенном формировании основ новой культурной стилистики, новых принципов взаимодействия культуры, общества и творческой личности.

С учетом динамики ценностно-мировоззренческих паттернов культурной матрицы различия между доминирующими и локальными традициями постепенно

Научный руководитель – Валерий Александрович Максимович, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом философии литературы и эстетики Института философии Национальной академии наук Беларуси

утрачиваются, языковые и культурные различия между регионами и центрами стираются, и аутентичных «традиций» в общепринятом их понимании становится все меньше. Речь идет о таком явлении, как культурная диффузия, возникающая в процессе кросс-культурного взаимодействия и представляющая собой итог плюралистического и избирательного подходов, в результате чего вырабатываются универсальные нормы и ценности, символы и механизмы солидаризации.

Для молодежи культура остается одним из важных маркеров определения границ индивидуальной идентификации, действенной основой для поиска сходства и интеграции в корпоративные идентификационные группы.

Тенденция унификации культурных проявлений, форм и моделей, разрушение технологий преемственности между поколениями диктуют острую необходимость отстаивания целостности культурной идентичности и культурного самосознания нации с учетом стратегии культурного развития и особенностей динамики социокультурного пространства.

Цель статьи – раскрыть роль художественной и традиционной культуры в формировании ценностно-мировоззренческих ориентаций современной молодежи Китая, показать степень их влияния на сохранение и динамическое развитие основ национально-культурной отличительности, укрепление национально-этнического своеобразия, обеспечение стабильности общественной жизнедеятельности.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования стали задействованные в качестве научных первоисточников труды и собственные авторские исследования отношения молодежи Китая к художественной и традиционной культуре в рамках ее ценностных ориентаций и мировоззрения с учетом возникновения и функционирования многочисленных инновационных изменений в структуре современного общества.

В работе используются историко-типологический, компаративный и системно-типологический методы исследования, социологический опрос.

Результаты исследования и их обсуждение

Китайская традиционная культура имеет долгую и богатую историю. В настоящее время в Китайской Народной Республике особое внимание уделяется сохранению традиций как сакрального феномена культуры, а также концептуально-теоретическому осмыслению и развитию традиционной культуры Китая. Традиционная культура рассматривается с точки зрения духовных поисков китайской нации, для которой историко-культурное наследие всегда составляло государствообразующий стратегический ресурс, способствующий стратегии развития социальной системы в условиях нестабильности и усиливающихся вызовов внешней среды.

Председатель КНР Си Цзиньпин неоднократно подчеркивал незаменимую роль традиционной китайской культуры, отмечая, что «культурная уверенность в себе является наиболее устойчивой, глубокой и долговечной силой», и «укрепление культурной уверенности в себе является основным вопросом, связанным с подъемом и падением страны, культурной безопасностью и национальной духовной независимостью» [1]. Это свидетельствует о фундаментальном значении и важности идеи преемственности и обогащения социокультурного опыта, служащего надежным основанием сохранения и актуализации ценностно-смыслового единства культуры.

Во многих исследованиях, посвященных мировоззренческим установкам и образу жизни китайцев, признаются различия в ценностях у представителей разных возрастных групп, а большое количество социологических опросов и психологических исследований обнаруживают различия в культурной идентичности людей разных поколений по отношению к жизненным идеалам и убеждениям, взглядам на любовь, брак и семью, отношению к повседневно-бытовым реалиям.

Согласно опросу, посвященному отношению к основным ценностям культуры, респонденты в возрасте от 25 до 60 лет преимущественно идентифицируют себя с основными ценностями культуры, а люди в возрасте до 25 лет меньше всего соотносят себя с этими ценностями [2, с. 50].

Очевидны различия во взглядах людей разных поколений и на карьеру. Отмечено, что в 1950–60-е гг. для китайцев «работа – это жизнь», а в наше время молодое поколение более склонно разделять работу и жизнь, а отношение молодежи к своей профессии в целом приобретает достаточно критические формы выражения [3, с.18].

Многие респонденты вместо общественных жизненных ценностей отдают предпочтение экономическим ценностям, деньгам и индивидуализму [4, с. 218]. Можно сказать, что культурная идентичность современного китайского общества имеет такие отличительные черты, которые требуют глубокого анализа с учетом социальной психологии респондентов.

Со второй половины XX в. с популяризацией марксистской идеологии многие традиционные проявления культуры исчезли из жизни и даже из памяти китайцев, а десятилетия «культурная революция» вызвала непримиримый разрыв между реальной жизнью и традиционной китайской культурой. Таким образом, идентификация китайцев с традиционной культурой в течение продолжительного периода находилась на низком уровне из-за особенностей политической и идеологической линии и размытости ценностно-идентификационных границ и форм их выражения.

В конце XX – начале XXI вв. в Китае начался подъем в изучении традиционной культуры. Еще в 1980–90-х гг. после проведения определенных реформ и провозглашения политики открытости в Китае произошло несколько культурных бумов, один из которых был связан с необходимостью актуализации традиционной культуры и ее влияния на национальную идентичность китайцев.

В 2004 г. государство запустило масштабный «Проект по составлению и исследованию конфуцианских коллекций» для обучения традиционной культуре в начальной и средней школе, а средства массовой информации публиковали большое количество материалов, посвященных интерпретации традиционной китайской культуры. Признание китайцами таких традиционных ценностей, или добродетелей, как «доброжелательность, праведность, вежливость, мудрость, надежность, бережливость» [5, с. 125], положительно характеризует изменения в

китайском обществе. Несмотря на то что утилитарность как ценность занимала значительное место в обществе рыночной экономики и западная культура все настойчивее и активнее проникала в китайскую культуру, с возрождением традиционной культуры в китайском обществе признание традиционных ценностей быстро восстановилось.

Идентификация молодежи с традиционной китайской культурой существенно зависит от ее социальных представлений. Исследователи Чжу Сяофан и Цзо Бин провели анализ репрезентации и идентификации традиционной китайской культуры среди молодежи. В рамках исследования был проведен опрос, включавший 19 репрезентативных проектов, охватывающих различные аспекты традиционной китайской культуры. Выборка исследования составила 866 респондентов; задача опроса была выявить различия между представителями разных поколений отношения к ценностям труда. Результаты показывают, что в сравнении поколения «культурной революции» «новое поколение» значительно выше ценит культуру досуга. Основываясь на результатах опроса, мы можем наблюдать постепенное снижение ценности труда. Поколение за поколением среди китайских граждан набирает популярность культура досуга, которая идет вразрез с традиционной китайской культурой [6, с. 85].

Результаты опроса также показали, что молодежь чаще упоминает «исторических личностей», называет «литературные произведения» и «аллюзии на исторические события». В то же время «идеологическая мудрость» (идеологическая мудрость, идеология – система взглядов и идей, мировоззрение; источник определения – «Oxford Languages»), представляющая собой суть традиционной китайской культуры, упоминается значительно реже. Таким образом, восприятие традиционной культуры молодежью формируется в основном через информацию, связанную с обучением и повседневной жизнью. Данные изменения отражают влияние трансформации жизненных взглядов и ценностей молодежи в условиях рыночной экономики.

Кроме того, в исследовании были выделены центральные и периферийные факторы социальной репрезентации традици-

онной китайской культуры. К центральным факторам относятся «тотемные символы», «особые блюда», «традиционные фестивали» и «обычаи», которые наиболее полно представляют традиционную китайскую культуру в сознании молодежи. Периферийные факторы включают «литературные произведения», «идеологическую мудрость», «исторические системы», «типичные объекты», «древнюю науку», «нравственные обычаи», «национальные языки», «классическое искусство», «национальную одежду» и «культурные ландшафты». Более 90,44 % респондентов – молодых людей заявили, что традиционные культурные элементы все чаще проявляются в их жизни, что «правительство использует традиционные культурные аллюзии в официальных документах» [7].

Различия между поколениями в культурной идентичности китайцев проявляются во всех аспектах социальной жизни, что отражается не только во взглядах на жизнь, отношении к ценностям, искусству, браку, жизненным потребностям, к самым незначительным бытовым деталям (стиль одежды, предпочтения в питании), но и по отношению к некоторым крупным социальным и политическим событиям. В обществе, которое постепенно трансформируется, несущественные различия между поколениями часто нивелируются. Однако в быстро меняющемся китайском обществе, по словам исследователей, различия между поколениями накапливаются и даже могут приводить к противоречиям и конфликтам [8, с. 110].

Как было отмечено, традиционная художественная культура претерпевает значительные изменения, связанные с использованием новых технологий и форм выразительности. Это касается и наноискусства, которое пока находится на пути активного внедрения в культурное пространство своего инновационного потенциала. Наноискусство представляет собой игру с «модификацией тела» (киборги) и формы взаимодействия разума и тела.

Под влиянием «биополитики» западных постмодернистских мыслителей, таких как Мишель Фуко и Джорджо Агамбен, в Китае возникают новые формы художественного выражения, включая убийство как произведение искусства, разрезание тела и его трансформацию. Художники используют

киборгические тела для преодоления границ между животными, машинами и людьми. Еще одной характерной чертой является использование такого тела, которое стирает гендерные различия, становясь объектом игры. Это направление набирает популярность в Китае и Японии.

Среди представителей современного искусства выделяются как отдельные художники, так и гражданские объединения, обладающие значительным арсеналом творческих практик. К числу таковых можно отнести Гэ Юйлу, Лю Вэйвэй, Чжао Чжао, а также коллектив «Восьмой день» и Художественный музей деревни Шицзецзы. Все они активно участвуют в формулировании и выражении актуальных социальных проблем. В своих произведениях они создают «ткань» социальной системы, отражая ее сложности и противоречия. Художники рассматривают современные технологии как эпистемологическую и мировоззренческую позицию, что позволяет глубже осмыслить взаимосвязь между искусством и технологическими практиками. Произведения таких художников представляют собой деантропоцентрическую перспективу, в которой живая природа и технологии принимаются в качестве новых субъектов, способных влиять на наше восприятие мира.

Такая позиция побуждает к размышлениям о взаимосвязи культурных концепций, а также о взаимодействии небесного, земного и человеческой сущности. В этом контексте художественные работы не только раскрывают биомиметические и антропоморфные аспекты, но также обращаются к модифицированным образам, что открывает новые горизонты для понимания идентичности и взаимодействия человека с окружающим миром.

Кроме того, художники используют публичные коммуникационные и медиаплатформы для вовлечения широкой аудитории в дискурс, способствуя возникновению массовых дискуссий. Используя многочисленные публичные культурные платформы, эти художники и институции становятся катализаторами общественного внимания и вызывают резонанс в новостных лентах, тем самым подчеркивая важность искусства как средства социального взаимодействия и критического анализа. В этой связи культуру «можно рассматри-

вать в контексте динамичного развития национальных мировоззренческих основ как важную составляющую формирования национальной идентичности и обеспечения стабильности общественной жизни» [12, с. 12].

Важно понимать, как различные группы людей воспринимают и реагируют на эти инициативы. Далее приведем результаты анкетирования, целью которого был сбор мнений о роли искусства в общественной жизни и его влиянии на формирование идентичности.

Для определения тенденций отношения молодежи к художественной и традиционной культуре в рамках ее ценностных ориентаций были проведены опрос и анкетирование. В анкетировании приняли участие 22 человека в возрасте 21–54 лет, из которых 12 женщин и 10 мужчин [12, с. 322].

Анкета состояла из нескольких групп вопросов, как открытых (предполагающих выбор определенного ответа), так и закрытых, позволяющих высказать свое мнение анонимно.

В первой группе вопросов необходимо было отметить свой возраст, пол, место проживания и уровень образования (вопросы общего характера).

Во второй группе вопросов по шкале от 1 до 5 (1 – «совершенно не согласен», 5 – «совершенно согласен») необходимо было оценить следующие утверждения:

«Традиционные ценности важны в моей повседневной жизни»;

«Я предпочитаю принимать решения, основываясь на своих индивидуальных потребностях, а не на общественных ожиданиях»;

«Материальный успех важнее личной самореализации»;

«Я чувствую себя более связанным с мировой культурой, чем с моей национальной культурой»;

«Сохранение нашего культурного наследия должно быть приоритетом для нашего общества».

«Насколько важно искусство в Вашей жизни?»;

«Насколько важно для Вас поддерживать традиционные культурные практики?»;

«Насколько важна для Вас Ваша национальная идентичность?».

В третьей группе вопросов необходимо было ответить на вопросы, выбрав варианты «никогда», «редко», «ежедневно», «еженедельно» и «ежемесячно»:

«Как часто Вы занимаетесь традиционными формами искусства (народной музыкой, классической живописью и др.)?»;

«Как часто Вы участвуете в современных арт-движениях?»;

«Как часто Вы участвуете в традиционных фестивалях, обычаях или обрядах?»;

«Как часто Вы используете традиционный (национальный) язык или выражения в повседневной жизни?».

В четвертой группе вопросов анкеты необходимо было отметить те формы искусства, которые больше всего интересуют респондентов: традиционная живопись; современное искусство; исполнительское искусство; народная музыка; классическая музыка; современная музыка; цифровое искусство.

К пятой группе относились вопросы о тех аспектах традиционной культуры, которые представляют собой наибольшую ценность (нужно было выбрать три главных): семейные ценности; религиозные практики; традиционная кухня; традиционная одежда; традиционное искусство и ремесла; традиционные церемонии, язык и литература.

Шестая группа вопросов предполагала открыто и анонимно высказать мнение на следующие вопросы:

«Что является самой большой угрозой Вашей традиционной культуре?»;

«Как технологии влияют на сохранение традиционной культуры?»;

«Как изменилось отношение молодежи к традиционной культуре за последние 10 лет?»;

«Какую роль должно играть образование в сохранении традиционной культуры?»;

«Какой наиболее эффективный способ сохранить традиционную культуру актуальной в современном обществе?»;

«Каким Вы видите баланс между традиционной и современной культурой в Вашей стране через 20 лет?».

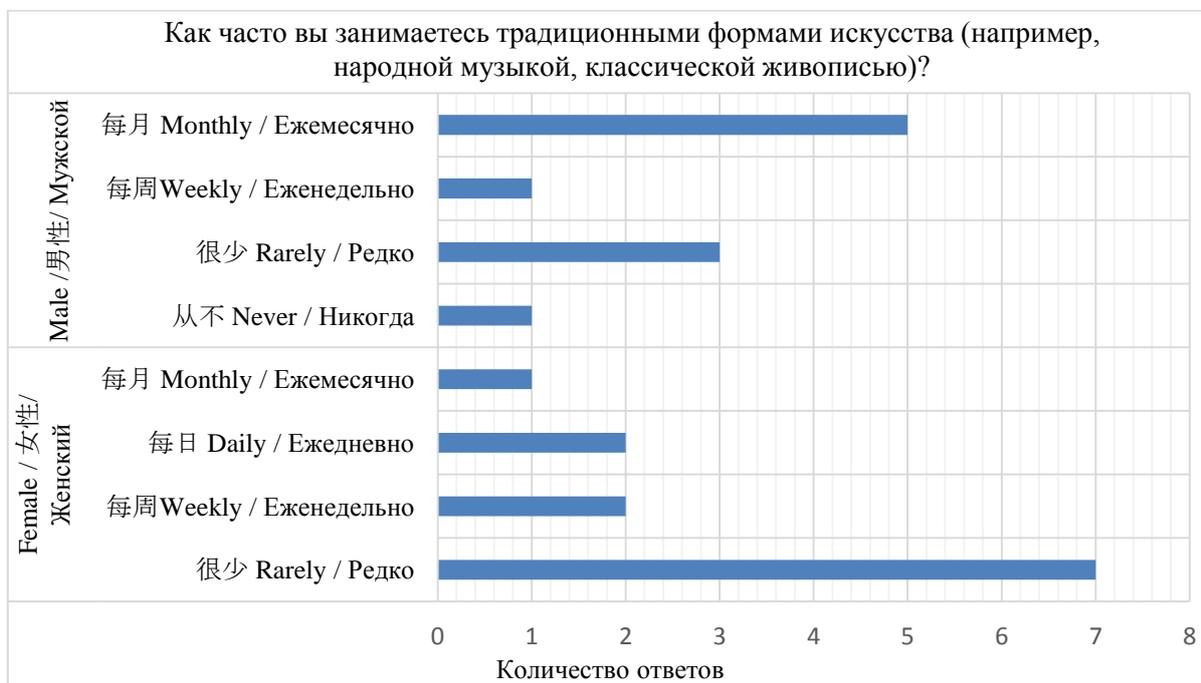
Распределение ответов на вопросы анкеты о важности традиционных ценностей представлены на рисунке 1.

Рисунок 1 – Распределение ответов на вопрос о важности традиционных ценностей в зависимости от возраста

Необходимо обратить внимание на то, что наибольшую важность традиционных ценностей отмечают респонденты в более молодом возрасте. С возрастом важность традиционных ценностей снижается. Мужчины в целом больше чувствуют свою связь с мировой культурой.

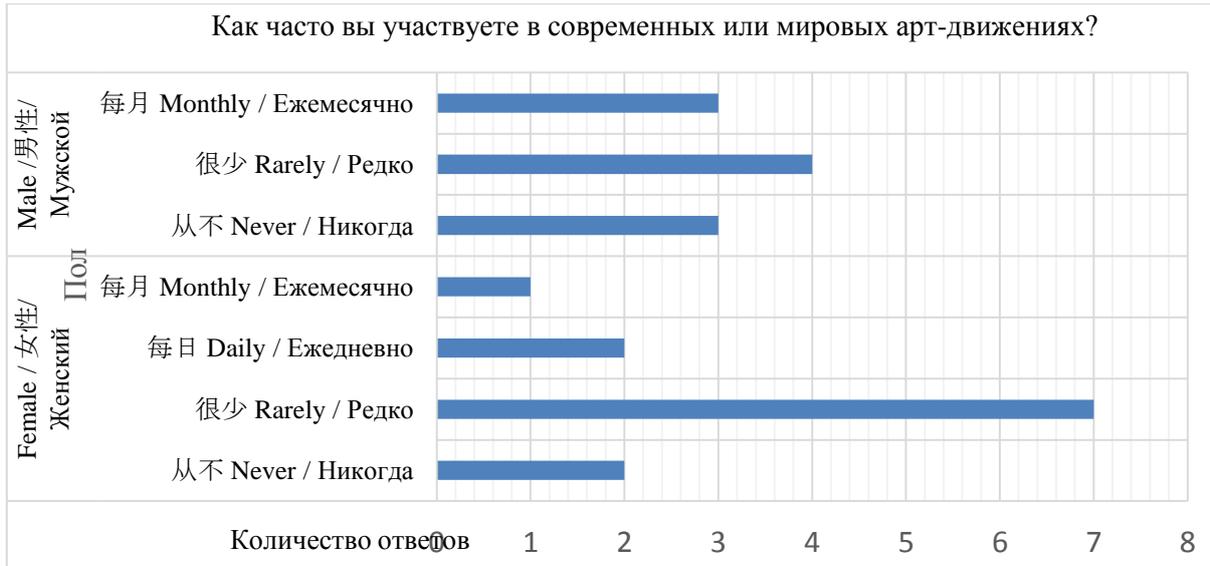
Интересно распределение ответов мужчин и женщин на вопрос, как часто респонденты занимаются традиционными формами искусства. Большинство мужчин ответили, что «ежемесячно», меньше всего женщин ответили «редко», но у женщин никто из опрошенных не выбрал ответ «никогда» (рисунок 2).

Рисунок 2 – Гендерное распределение ответов респондентов на вопрос о занятиях традиционными формами искусства

Об участии респондентов – мужчин и женщин – в современных арт-движениях

наиболее распространенным был ответ «редко» (11 человек) (рисунок 3).

Рисунок 3 – Гендерное распределение ответов респондентов на вопрос об участии в современных арт-движениях

На процесс культурного слияния и взаимовлияния большинство респондентов относятся нейтрально; есть и отрицатель-

ные ответы, но они присутствуют только у респондентов-мужчин (рисунок 4).

Рисунок 4 – Гендерное распределение ответов респондентов на вопрос об отношении к культурному слиянию

Мнения по поводу самой большой угрозы традиционной культуре разделились. Часть опрошенных считает, что никакой угрозы нет, другие считают, что угрозами являются недостаточная устойчивость к новым направлениям культуры, что моло-

дежь не понимает смысла традиционной культуры и не пропагандирует ее, вследствие чего происходит вторжение иностранной культуры в морфологические подсистемы национального культурного пространства.

Ответы на вопрос об отношении молодежи к традиционной культуре за последние 10 лет распределились следующим образом: 9 % опрошенных считают, что никаких изменений не произошло; 26 % утверждают, что отношение стало хуже; 65 % полагают, отношение к традиционной культуре стало более позитивным.

Анализ ответов респондентов на вопрос о наиболее эффективных способах сохранения традиционной культуры в современном обществе показывает разнообразие мнений и подходов. Большинство респондентов подчеркивают важность адаптации традиционной культуры к современным условиям. Это и «удаление ненужного», и сохранение сути традиционной культуры, и использование цифровых технологий и социальных сетей для продвижения национальных культурных традиций. Все это позволит сделать традиции более привлекательными и доступными для молодежи.

Ответы на вопросы, посвященные проблемам обучения и практическим действиям по сохранению традиционной культуры, указывают на необходимость передачи знаний о культурных традициях следующим поколениям. Это может быть осуществлено через образовательные программы и активное вовлечение молодежи в социально-культурные акции, способствующие формированию общественного сознания средствами искусства и культуры.

Респонденты подчеркивают значимость Интернета и социальных сетей как инструментов популяризации традиционной культуры. Эти платформы могут эффективно объединять элементы традиций с современными культурными новациями, что тоже призвано способствовать актуализации традиционных норм и ценностей.

Некоторые респонденты отмечают важность общественного участия и организации мероприятий, таких как проведение традиционных фестивалей, церемоний и праздников. Это создает возможности для

совместного восприятия культурных ценностей и укрепляет общую идентичность.

Присутствует в ответах и идея о слиянии различных культурных элементов, что в итоге может привести к созданию новых форм культурной выразительности, отвечающих запросам современного общества.

Заключение

Творческий созидательный потенциал художественной и традиционной культуры играет незаменимую роль в формировании ценностей и мировоззрения современной китайской молодежи. Это не только предоставляет молодым людям неисчерпаемые культурные ресурсы и духовную пищу, но и значительно влияет на образ мышления и менталитет молодежи. Благодаря модернизационному потенциалу культурных традиций, обогащению ее новыми, нестандартными формами и практиками молодое поколение китайцев может лучше понять свои культурные особенности в процессе межкультурного взаимодействия и диалога.

Аутентичная национальная культурная традиция в процессах модернизационного развития общества играет важнейшую роль, выступая в качестве стабилизирующего фактора, задающего особые содержательные и смысловые направления деятельности как отдельного человека, так и общества, нации в целом, осуществляя трансляцию значимого социокультурного опыта и непосредственно участвуя в процессах социализации и инкультурации личности.

Основные ценности традиционной культуры, такие как гармония, уважение и толерантность, также служат важными ориентирами для молодых людей, создавая этическую систему координат индивидуальных и социальных правил поведения, программирования и регулирования общественной деятельности, формируя коммуникативную модель общения и взаимодействия с другими народами и цивилизациями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Чу Мэнци. Си Цзиньпин подчеркнул необходимость превращения Китая в культурную державу к 2035 году / Чу Мэнци // Жэньминь Жибао. – URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2024/1029/c31521-20234847.html> (дата обращения: 12.11.2024).

2. Лю Шигуй. Анализ различий во влиянии мейнстримной ценностной культуры Китая в разных регионах / Лю Шигуй // Журнал Хунаньского института управления. – 2013. – № 4. – С. 50–52.

3. Ху Вэй. Ценить различия между поколениями и преодолевать их / Ху Вэй // Молодые журналисты. – 2014. – № 31. – С. 17–18.

4. Дэн Хайин. О китаизации марксизма и новом конструировании современной китайской культурной идентичности / Дэн Хайин // Марксистское философское обозрение. – 2015. – № 1. – С. 217–227.

5. Цзэн Нань. История и логика: китайская интерпретация современной культурной идентичности / Цзэн Нань // Академические исследования. – 2011. – № 6. – С. 123–128.

6. Ю Цзя. Эмпирическое исследование межпоколенческих различий в трудовых ценностях нового поколения китайских работников / Ю Цзя, Сюнь Юйчунь, Ли Хуэй // Soft Science. – 2013. – Т. 27. – № 6. – С. 83–88.

7. Шан Сяоминь. Говоря о культурном строительстве, Генсек привел именно эти намеки / Шан Сяоминь // CCTV News. – URL: http://www.81.cn/yw_208727/16288824.html (дата обращения: 10.12.2024).

8. Бао Гунминь. Сравнение различий в ценностях труда и региональной экономике между Востоком и Западом: обзор и анализ прилегающих районов Ханчжоу, провинция Чжэцзян и Наньнин, провинция Гуанси / Бао Гунминь, Мао Жэньбин // Чжэцзянские социальные науки. – 2003. – № 5. – С. 107–111.

9. Чэнь Цзянь. Обзор литературы по развитию трудовых ценностей между поколениями / Чэнь Цзянь, Ли Жун // Успехи психологической науки. – 2011. – Т. 19, № 11. – С. 1692–1701.

10. Ван Гоянь. Новая теория культурных концепций / Ван Гоянь, Тао Чжунган // Журнал Наньчанского университета (гуманитарные и социальные науки). – 2003. – Т. 34, № 2. – С. 72–75.

11. Чжао Сиконг. О культурной идентичности и китаизации марксизма / Чжао Сиконг // Марксистские исследования. – 2012. – № 11. – С. 118–125.

12. Дай Лин. Тенденции отношения молодежи к художественной и традиционной культуре в рамках их ценностных ориентаций и мировоззрения в контексте функционирования транзитивных обществ Беларуси и Китая / Дай Лин // Интеллектуальная культура Беларуси: от Просвещения к Современности : материалы VIII междунар. науч. конф., Минск, 21–22 нояб. 2024 г. : в 2 т. / Ин-т философии НАН Беларуси ; редкол. А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2024. – Т. 2 – С. 318–322.

13. Чжан Вэйпин. Исследование и сравнение взглядов студентов колледжа на жизнь в разные периоды: на основе двух опросов в 1983 и 2005 годах / Чжан Вэйпин // Фронт социальных наук. – 2006. – № 3. – С. 327–328.

14. Томпсон, Дж. Идеология и современная культура / Дж. Томпсон. – Нанкин : Илин, 2005. – 255 с.

REFERENCES

1. Chu Menci. Si Czin'pin podchierknul nieobkhodimost' prievrashchienija Kitaja v kul'turnuju dierzhavu k 2035 godu / Chu Menci // Zhen'min' Zhibao. – URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2024/1029/c31521-20234847.html> (data obrashchienija: 12.11.2024).

2. Liu Shiguj. Analiz razlichij vo vlijanii miejnstrimnoj cennostnoj kul'tury Kitaja v raznykh riegionakh / Liu Shiguj // Zhurnal Khunan'skogo instituta upravlienija. – 2013. – № 4. – S. 50–52.

3. Khu Vej. Cenit' razlichija miezhdu pokolienijami i prieodolievat' ikh / Khu Vej // Molodyje zhurnalisty. – 2014. – № 31. – S. 17–18.

4. Den Hajin. O kitaizacii marksizma i novom konstruirovanii sovriemiennoj kitajskoj kul'turnoj identichnosti / Den Hajin // Marksistskoje filosofskoje obozrienije. – 2015. – № 1. – S. 217–227.

5. Czen Nan'. Istorija i logika: kitajskaja interpretacija sovriemiennoj kul'turnoj identichnosti / Czen Nan' // Akadiemichieskije issliedovanija. – 2011. – № 6. – S. 123–128.

6. Ju Czia. Empirichieskoje issliedovanije miezhpokolienchieskikh razlichij v trudovykh cennostiakh novogo pokolienija kitajskikh rabotnikov / Ju Czia, Siun' Jujchiun', Li Khuej // Soft Science. – 2013. – Т. 27, № 6. – S. 83–88.

7. Shan Siaomin'. Govoria o kul'turnom stroitel'stvie, Giensiek priviol imiенno eti namioki / Shan' Siaomin' // CCTV News. – URL: http://www.81.cn/yw_208727/16288824.html (data obrashchienia: 10.12.2024).

8. Bao Gunmin'. Sravnienije razlichij v cennostiakh truda i riegional'noj ekonomike miezhdu Vostokom i Zapadom: obzor i analiz priliegajushchikh rajonov Khanchzhou, provincija Chzhecjian i Nan'nin, provincija Guansi / Bao Gunmin', Mao Zhen'bin // Chzheczijskije social'nyje nauki. – 2003. – № 5. – S. 107–111.

9. Chen' Czian'. Obzor literatury po razvitiju trudovykh cennostiej miezhdu pokolienijami / Chen' Czian', Li Zhun // Uspiekhii psikhologichieskoj nauki. – 2011. – T. 19, № 11. – S. 1692–1701.

10. Van Gojan'. Novaja iteorija kul'turnykh koncepcij / Van Gojan', Tao Chzhungan // Zhurnal Nan'chanskogo univiersiteta (gumanitarnyje i social'nyje nauki). – 2003. – T. 34, № 2. – S. 72–75.

11. Chzhao Sikong. O kul'turnoj identichnosti i kitaizacii marksizma / Chzhao Sikong // Marksistskije issliedovanija. – 2012. – № 11. – S. 118–125.

12. Daj Lin. Tendencii otnoshenija molodiozhi k khudozhestviennoj i tradicionnoj kul'turie v ramkakh ikh cennostnykh orijentacij i mirovozzrienija v kontieksie funkcionirovanija tranzitivnykh obshchestv Bielarusi i Kitaja / Daj Lin // Intielliektual'naja kul'tura Bielarusi: ot Prosvieshchienija k Sovriemiennosti : materialy VIII miezhdunar. nauch. konf., Minsk, 21–22 nojab. 2024 g. : v 2 t. / In-t filosofii NAN Bielarusi ; riedkol. A. A. Lazarievich (pried.) [i dr.]. – Minsk : Chietyrie chietvierti, 2024. – T. 2. – S. 318–322.

13. Chzhan Vejpin. Issliedovanije i sravnienije vzgliadov studentov kolliedzha na zhizn' v raznyje pieriody: na osnovie dvuh oprosov v 1983 i 2005 godakh / Chzhan Vejpin // Front social'nykh nauk. – 2006. – № 3. – S. 327–328.

14. Tompson, Dzh. Idieologija i sovriemiennaja kul'tura / Dzh. Tompson. – Nankin : Ilin'. – 2005. – 255 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 25.03.2025

Антон Вадимович Миронов¹, Олег Геннадьевич Казак²

¹магістрант факультета вышэйшай школы ўправлення і бізнеса
Белорускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта

²канд. іст. нав., доц., зав. каф. палітологіі

Белорускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта

Anton Mironov¹, Oleg Kazak²

¹Master's Student of the Faculty of the Higher School of Management and Business
of Belarusian State University of Economics

²Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Political Science
of Belarusian State Economic University

e-mail: ¹anton_m_999@mail.ru; ²kazak_og@bseu.by

КЛЮЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГУМАНИТАРНЫХ МИССИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА КРАСНОГО КРЕСТА

Выявлены ключевые особенности гуманитарных миссий Международного комитета Красного Креста, отражены отличия его гуманитарной деятельности от деятельности других международных организаций. Определены основные направления и формы гуманитарной деятельности в зонах вооруженных конфликтов, выявлены отличительные характеристики гуманитарных миссий Международного комитета Красного Креста. Дана оценка результатам гуманитарных миссий этой организации.

Ключевые слова: *Международный комитет Красного Креста, гуманитарные миссии, международная безопасность, вооруженный конфликт.*

About Some Features of Humanitarian Missions of the International Committee of the Red Cross

The key features of the humanitarian missions of the International Committee of the Red Cross are identified, the differences of its humanitarian activities from the activities of other international organizations are reflected. The main directions and forms of humanitarian activities in armed conflict zones are defined, the distinctive characteristics of the humanitarian missions of the International Committee of the Red Cross are identified. An assessment of the results of the humanitarian missions of this organization is given.

Key words: *International Committee of the Red Cross, humanitarian missions, international security, armed conflict.*

Введение

Проблема исследования деятельности Международного комитета Красного Креста в системе международных отношений и безопасности в последнее время становится все более актуальной. В наше время в условиях нестабильной геополитической обстановки возникают противоречия, которые касаются, в частности, проблем независимости и нейтральности международных организаций при осуществлении своей гуманитарной деятельности. В этой связи исследование результатов деятельности Международного комитета Красного Креста позволяет более четко определить место этой структуры в обеспечении международной безопасности.

Актуальность статьи обусловлена сложной геополитической ситуацией, сохранением высокой интенсивности вооружен-

ных конфликтов в различных регионах и возрастающей потребностью в гуманитарной помощи. Организация Красного Креста активно применяет гуманитарную деятельность, что имеет важное значение для эффективной реализации гуманитарных программ, укрепления международного гуманитарного права и продвижения гуманитарных ценностей.

Целью статьи является выявление ключевых особенностей гуманитарных миссий Международного комитета Красного Креста как альтернативного инструмента воздействия на участников вооруженных конфликтов.

В качестве задач исследования следует выделить определение основных направлений и форм гуманитарной деятельности в зонах вооруженных конфликтов, выявление отличительных характеристик и оценку

результатов гуманитарных миссий данной организации.

Основная часть

Международный комитет Красного Креста в мировом сообществе имеет положительный имидж, однако эта международная организация постоянно находится под пристальным вниманием экспертов. Так, эффективность деятельности организации ставит под сомнение П. А. Райтер. Он приводит в качестве аргумента недавние факты: на территории Турции Международный Красный Крест вынужден был прекратить свою деятельность и покинуть это государство. В настоящее время на мировых площадках появляются новые акторы, которые могут конкурировать с гуманитарными организациями в оказании помощи в период вооруженных конфликтов [1, с. 217].

Согласно общепризнанной мировой практике, Международный комитет Красного Креста относят к категории международных неправительственных организаций. Однако с такой позицией согласны не все. К примеру, по мнению Е. С. Семеновой, Международный комитет Красного Креста нельзя считать неправительственной организацией с юридической и дипломатической точек зрения. В качестве подтверждения своих доводов она приводит такой аргумент, что Красный Крест наделен правоспособностью консультативного характера в соответствии со ст. 71 Устава ООН. Также Красный Крест обладает консультативным статусом при экономическом и социальном советах ООН. Механизмы функционирования Красного Креста позволяют ему влиять на международное право, систему международных отношений и существенно превышают возможности других международных неправительственных организаций. Особая значимость этой организации была признана ООН путем наделения ее статусом наблюдателя. Представители Красного Креста пользуются дипломатическими привилегиями, схожими со статусом официальных лица государств и международных правительственных делегаций [2, с. 417]. Доводы Е. С. Семеновой можно подтвердить тем, что деятельность Красного Креста регулируется нормами международного публичного права. Организация действует на основании и в соответствии с принципами международного гуманитарного права. Ре-

гулирование деятельности во время вооруженных конфликтов на основании норм этой отрасли права делает миссии Красного Креста предсказуемыми, формализованными и легитимными.

Интересна точка зрения С. И. Леншина. Особый статус Красного Креста он аргументирует тем, что в мировой практике установился запрет на использование эмблем организации не по назначению во время вооруженных конфликтов. Использование символа Красного Креста иной организацией опасно тем, что это может иметь неблагоприятные последствия для стороны использования, и тем, что такие действия подрывают доверие к Международному комитету Красного Креста. Существует вероятность, что после таких случаев эмблема организации не будет иметь того статуса, каким обладает сейчас [3, с. 142].

Согласно утверждению И. С. Малахова, легальным основанием деятельности Международного комитета Красного Креста являются Женевские конвенции. Именно на их основе организация отстаивает свое право участия в разрешении конфликтов [4, с. 128].

Деятельность организации традиционно осуществляется по двум направлениям: развитие международного гуманитарного права и оказание помощи жертвам вооруженных конфликтов [5, с. 205].

В своей работе Е. С. Семенова отмечает, что Красный Крест монополизировал контроль в сфере развития международного гуманитарного права. Организация в последнее время управляет процессами соблюдения норм международного гуманитарного права, выявляет случаи его нарушения. Красный Крест изучает практику применения международного права в условиях вооруженных конфликтов с целью определения их коллизий. Роль организации в этом направлении в большей степени определяется не иницированием принятия новых международно-правовых норм, а развитием уже существующих путем их толкования и определения вариантов применения [6, с. 98].

Второе направление деятельности Красного Креста – оказание гуманитарной помощи жертвам вооруженных конфликтов наряду с предотвращением использования запрещенных средств и методов ведения войны [7, с. 13].

С 2013 по 2023 г. Красный Крест провел 1040 гуманитарных миссий, при этом большая их часть (105) пришлось на 2022 г. В 2013 г. было проведено меньше всего гуманитарных операций – 84. В связи с постоянным ростом общего бюджета организации их число ежегодно увеличивалось, за исключением отдельных годов (2017, 2019 и 2021).

Наряду с анализом данных о количестве гуманитарных операций важным также является рассмотрение штата Красного Креста. Эти показатели – важный инструмент повышения эффективности и результативности деятельности организации. Ежегодно с ростом числа проводимых миссий росло и количество участвующего в них персонала. Несмотря на то что в 2017, 2019 и 2021 гг. происходило сокращение числа операций, штат при этом рос. В 2022 г. было зафиксировано наибольшее число персонала, участвовавшего в проведении гуманитарных миссий – 22 652 человека, а в 2013 г. – наименьшее (12 733). Наблюдается тенденция к увеличению штата на миссиях с 2013 по 2022 г. Единственным исключением является 2023 г., когда персонал уменьшился в связи с сокращением миссий. Несмотря на это, штат все равно остался значительно больше, чем в 2013 г. (рост на 65 %). В среднем на одну проводимую миссию в год приходилось от 150 до 200 человек. Показатель среднего количества участников на одну операцию рос (2013–2021 гг.), а затем незначительно снижался в 2022 и 2023 гг. Это может указывать на то, что в последние годы Красный Крест стал более эффективно использовать свои ресурсы, выполняя больше операций с меньшим количеством персонала. Максимальный показатель был зафиксирован в 2021 г. (234 человека на миссию) [8].

С 2013 по 2022 г. наблюдается выраженная тенденция к росту как общего бюджета, так и общих расходов Красного Креста. Это говорит о расширении деятельности организации и увеличении объема оказываемой помощи. В период 2013–2016 гг. наблюдается относительно стабильный рост бюджета и расходов. С 2017 по 2020 г. рост бюджета и расходов был существенно выше, чем ранее. Наибольший рост бюджета и расходов наблюдался в 2021 и 2022 гг. Это может быть связано с увеличением числа гуманитарных кризисов в мире и расшире-

нием географии деятельности Красного Креста. Самый большой бюджет был зафиксирован в 2022 г. (2,84 млрд швейцарских франков (далее – CHF)). Наименьший бюджет был в 2013 г. (более чем в два раза меньше бюджета 2022 г.). В 2023 г. наблюдался небольшой спад и в бюджете, и в расходах по сравнению с пиковым 2022 г. [8].

Бюджет и расходы Красного Креста в целом росли с 2013 по 2022 г., что может отражать увеличение масштаба деятельности организации и рост потребностей в гуманитарной помощи. В 2023 г. наблюдается небольшое снижение бюджета и расходов, что может быть связано с различными факторами, такими как изменение приоритетов или снижение финансирования. При этом более 90 % бюджета направляется на финансирование гуманитарных миссий, что свидетельствует о том, что основная деятельность Красного Креста связана с оказанием гуманитарной помощи на местах. Важно отметить, что ежегодно в структуре бюджета Красного Креста наблюдался профицит около 10–15 %. Наибольший профицит был в 2021 г. (свыше 388 млн CHF) [8].

С 2013 по 2022 г. наблюдается выраженная тенденция к росту объема финансов, выделяемых на гуманитарные миссии. Это говорит о том, что Красный Крест увеличивал свои инвестиции в гуманитарную деятельность на местах. Наибольший объем финансирования миссий был достигнут в 2022 г. (2,54 млрд CHF). В 2023 г. наблюдается снижение объема финансов, выделяемых на миссии, по сравнению с 2022 г. (2,22 млрд CHF). С 2013 г. бюджет на миссии за 10 лет возрос в два раза.

С 2013 по 2022 гг. наблюдается выраженная тенденция к росту расходов на миссии. Наибольший расход на миссии (до 2,5 млрд CHF) был зафиксирован в 2022 г. В 2023 г. произошел спад на таком же уровне, как и рост с 2021 на 2022 г. (около 600 млн CHF). Такая тенденция объясняется снижением числа миссий в 2023 г., однако с учетом стоимости предыдущих миссий такое снижение является довольно существенным [8].

Благодаря высокому уровню финансирования Красный Крест добился положительных результатов. Например, наблюдается значительная динамика в количестве людей, получивших гуманитарную помощь. Наивысший показатель был достигнут в

2016 г., когда гуманитарную помощь получили около 15 млн человек. Затем последовало снижение, а в 2022 г. был зафиксирован второй по величине показатель; в 2023 г. произошло резкое снижение до 2,7 млн случаев [8].

Наблюдается более стабильный рост количества людей, получающих финансовую поддержку. Пик этого показателя пришелся на 2023 г., когда более чем 3 млн человек была оказана такая поддержка.

В последние годы также наметилась тенденция к увеличению числа людей, чье местонахождение было установлено благодаря Красному Кресту. В 2023 г. по этому параметру был достигнут наивысший показатель: более 15 тыс. человек были найдены в рамках гуманитарных миссий Красного Креста.

Международный комитет Красного Креста активно содействует репатриации людей. Наиболее результативным в этом отношении оказался 2023 г.: было зафиксировано более 2 тыс. случаев передачи и репатриации людей под эгидой Красного Креста. По ряду критериев в 2023 г. организация смогла оптимизировать свои усилия и достигла наивысших результатов.

Проанализированные данные показывают, что динамика в количестве людей, получивших гуманитарную и финансовую помощь, может отражать изменение приоритетов в деятельности Красного Креста и трансформацию характера гуманитарных кризисов. В последние годы организация стала уделять больше внимания финансовой поддержке, а не оказанию прямой гуманитарной помощи. Увеличение количества людей, чье местонахождение было установлено, может указывать на повышение эффективности работы Красного Креста в этом направлении благодаря увеличению финансирования, за счет чего стало возможным расширить число миссий и штат.

С 2013 г. по настоящее время Международный комитет Красного Креста смог достичь внушительных результатов. В рамках проведенных гуманитарных миссий за 10 лет организация оказала помощь более чем 75 млн человек, обеспечила финансовую поддержку более 11 млн лиц гражданского населения, установила местонахождение около 85 тыс. лиц гражданского населения по всему миру и способствовала репатриации более 14 тыс. человек. Эти по-

казатели демонстрируют высокую активность и заинтересованность организации в своей гуманитарной деятельности.

Официальные данные позволяют установить, каким государствам была оказана наибольшая помощь в урегулировании военных и гуманитарных кризисов при помощи Красного Креста. В десятку бенефициаров помощи организации входят такие государства, как Афганистан, Сирия, Йемен, Сомали, Южный Судан, Нигерия, Ирак, Демократическая Республика Конго, Эфиопия и Украина. Анализ расходов на миссии по странам показывает, что Красный Крест оказывает помощь многим государствам, находящимся в трудной ситуации, однако объемы финансирования варьируются от страны к стране и от года к году. В период с 2013 по 2023 г. наблюдался относительно стабильный рост денежных средств, выделяемых на помощь указанным государствам.

Долгое время главными выгодополучателями от гуманитарных миссий Красного Креста были Сирия и Афганистан. В последние годы ситуация кардинально изменилась: больше всего помощи сейчас получает Украина. При этом масштабы помощи сравнимы с помощью, которая была оказана Сирии и Афганистану вместе. Наблюдается резкий рост расходов в 2022 г., связанный с активизацией вооруженного конфликта. В 2023 г. расходы остались высокими, но ниже, чем в 2022 г. В 2022 г. Красный Крест потратил около 20 % своего бюджета на гуманитарные миссии в Украине.

На территории Украины поддержка Международного комитета Красного Креста позволяет удовлетворять колоссальные потребности в гуманитарной помощи в районах, пострадавших в ходе военных действий. Главным отличием гуманитарной деятельности Красного креста от других организаций на территории Украины заключается в том, что она не участвует в политических дискуссиях о виновности участников конфликта, а стремится оперативно реагировать на запросы пострадавших от этого конфликта людей.

Как отмечают в самой организации, ее главная цель – защищать жизнь и достоинство жертв вооруженных конфликтов и оказывать немедленную помощь. Для этого используются методы работы, которые позволяют действовать в крайне опасных усло-

виях вооруженного конфликта. Нейтральность выступает оперативной необходимостью. Лишь такой подход позволяет решать сложные вопросы, непосредственно влияющие на жизнь людей, затронутых вооруженными конфликтами [9]. Нейтралитет означает не только принцип деятельности организации, а единственно верное средство, при помощи которого возможно достичь уставных целей. В этом состоит ключевое отличие миссий Красного Креста от миссий НАТО, т. к. подобные операции НАТО основаны на агрессивном по отношению к одной из сторон конфликта характере и прямом использовании вооруженной силы [10, с. 29].

Хотя и ангажированность Красного Креста в украинском конфликте меньше, чем у других структур, но она есть, о чем недавно заявил Президент Республики Беларусь [11].

Для Афганистана, Йемена, Сомали, Нигерии и Ирака наблюдается резкий рост в расходах гуманитарных миссий Красного Креста в 2019 г. Это может быть связано с особыми обстоятельствами, которые привели к увеличению расходов в этих государствах.

Таким образом, статистические данные отражают приоритеты организации в оказании помощи разным странам. В 2023 г.

наибольшее внимание уделяется Украине, что связано с продолжающимся конфликтом.

Международный комитет Красного Креста вносит существенный вклад в обеспечение международной безопасности. Роль организации выражается в укреплении международного гуманитарного права и содействии лицам, пострадавшим в результате вооруженных конфликтов.

Гуманитарные миссии организации заключаются в наблюдении за условиями содержания военнопленных, оказании медицинской помощи больным и раненым – жертвам вооруженных конфликтов [12, с. 426].

Заключение

Гуманитарные миссии Красного Креста характеризуются нейтралитетом, отсутствием применения вооруженной силы.

Положительная динамика результатов деятельности подтверждается высоким уровнем финансовой поддержки, установлением местонахождения перемещенных лиц, содействием репатриации гражданского населения.

В последнее время особое внимание уделяется конфликту на территории Украины, о чем свидетельствует высокий уровень финансовых и человеческих ресурсов, направляемых на оказание помощи пострадавшим от боевых действий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ryter, P. A. Personal experience in Turkey, Iran and China: The need for the ICRC to adapt in a multipolar world / P. A. Ryter // *International Review of the Red Cross*. – 2019. – Nr 910. – P. 217–227.
2. Семенова, Е. С. К вопросу о международной правосубъектности Международного комитета Красного Креста / Е. С. Семенова // *Актуальные проблемы российского права*. – 2008. – № 4. – С. 412–418.
3. Леншин, С. И. Правовой режим вооруженных конфликтов и международное гуманитарное право / С. И. Леншин, М. Л. Тюркин. – М : За права военнослужащих, 2009. – 240 с.
4. Малахов, И. С. Международный комитет Красного Креста и гуманитарное действие / И. С. Малахов // *Вестник КемГУ*. – 2011. – № 3 (47). – С. 127–132.
5. Фастович, Г. Г. Международное движение Красного Креста / Г. Г. Фастович // *Молодой ученый*. – 2018. – № 2. – С. 201–207.
6. Семенова, Е. С. Роль Международного комитета Красного Креста в развитии и реализации норм международного гуманитарного права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Семенова Елена Сергеевна ; Моск. гос. юрид. акад. им. О. Е. Кутафина. – М., 2009. – 200 л.
7. Асташкевич, В. А. Влияние Международного комитета Красного Креста на развитие международного гуманитарного права / В. А. Асташкевич // *Вестник Полоцкого государственного университета. Юридические науки*. – 2023. – № 47. – С. 13–14.

8. Ежегодные отчеты Международного комитета Красного Креста // Интернет-портал Международного комитета Красного Креста. – URL: <https://blogs.icrc.org/crossfiles/annualreports/?-ga=2.227746205.146901147.15934015701650388121.1574219822> (дата обращения: 02.03.2025).
9. Международный вооруженный конфликт между Россией и Украиной // Интернет-портал Международного комитета Красного Креста. – URL: <https://www.icrc.org/ru/document/lozhnaya-informaciya-o-deyatelnosti-mkkk-v-interesah-ey-postradavshih-iz-zakonflikta> (дата обращения: 02.03.2025).
10. Шамаров, П. В. Модель трансатлантического миротворчества НАТО / П. В. Шамаров // *Обозреватель – Observer*. – 2019. – № 11. – С. 27–38.
11. Лукашенко заявил о полной деградации международных структур – от ОБСЕ до Красного Креста // Интернет-портал БЕЛТА – URL: <https://belta.by/president/view/lukashenko-zajavil-o-polnoj-degradatsii-mezhdunarodnyhstruktur-ot-obse-do-krasnogo-kresta-605138-2023/> (дата обращения: 23.03.2025).
12. Алибалаев, М. М. Гуманитарная дипломатия в деятельности Международного Комитета Красного Креста / М. М. Алибалаев, Е.В. Мартыненко // *Постсоветские исследования*. – 2024. – № 4. – С. 424–431.

REFERENCES

1. Ryter, P. A. Personal experience in Turkey, Iran and China: The need for the ICRC to adapt in a multipolar world / P. A. Ryter // *International Review of the Red Cross*. – 2019. – Nr 910. – P. 217–227.
2. Siemionova, Je. S. K voprosu o miezhdunarodnoj pravosubjektnosti Miezhdunarodnogo komiteta Krasnogo Kriesta / Je. S. Siemionova // *Aktual'nyje problemi rossijskogo prava*. – 2008. – № 4. – S. 412–418.
3. Lienshin, S. I. Pravovoj riezhim vooruzhennykh konfliktov i miezhdunarodnoje gumanitarnoje pravo / S. I. Lienshin, M. L. Tiurkin. – M : Za prava vojennosluzhashchikh, 2009 – 240 s.
4. Malakhov, I. S. Miezhdunarodnyj komitet Krasnogo Kriesta i gumanitarnoje dejstvije / I. S. Malakhov // *Viestnik KiemGU*. – 2011. – № 3 (47). – S. 127–132.
5. Fastovich, G. G. Miezhdunarodnoje dvizhenije Krasnogo Kriesta / G. G. Fastovich // *Molodoy uchionyj*. – 2018. – № 2. – S. 201–207.
6. Siemionova, Je. S. Rol' Miezhdunarodnogo komiteta Krasnogo Kriesta v razvitii i realizacii norm miezhdunarodnogo gumanitarnogo prava : dis. ... kand. jurid. nauk : 12.00.10 / Siemionova Jeliena Siergiejevna ; Mosk. gos. jurid. akad. im. O. Je. Kutafina. – M., 2009. – 200 l.
7. Astashkievich, V. A. Vlijanije Miezhdunarodnogo komiteta Krasnogo Kriesta na razvitije miezhdunarodnogo gumanitarnogo prava / V. A. Astashkievich // *Viestnik Polockogo gosudarstviennogo univiersiteta. Juridichieskije nauki*. – 2023. – № 47. – S. 13–14.
8. Jezhegodnyje otchioty Miezhdunarodnogo komiteta Krasnogo Kriesta // *Internet-portal Miezhdunarodnogo komiteta Krasnogo Kriesta*. – URL: <https://blogs.icrc.org/crossfiles/annualreports/?-ga=2.227746205.146901147.15934015701650388121.1574219822> (дата обрaшччєнїя: 02.03.2025).
9. Miezhdunarodnyj vooruzhennyj konflikt miezhdru Rossijej i Ukrainoj // *Internet-portal Miezhdunarodnogo komiteta Krasnogo Kriesta*. – URL: <https://www.icrc.org/ru/document/lozhnaya-informaciya-o-deyatelnosti-mkkk-v-interesah-ey-postradavshih-iz-zakonflikta> (дата обрaшччєнїя: 02.03.2025).
10. Shamarov, P. V. Model' transatlantichieskogo mirotvorchiestva NATO / P. V. Shamarov // *Obozrievatiel' – Observer*. – 2019. – № 11. – S. 27–38.
11. Lukashenko zajavil o polnoj diegradacii miezhdunarodnyh struktur – ot OBSE do Krasnogo Kriesta // *Internet-portal BELTA*. – URL: <https://belta.by/president/view/lukashenko-zajavil-o-polnoj-degradatsii-mezhdunarodnyhstruktur-ot-obse-do-krasnogo-kresta-605138-2023/> (дата обрaшччєнїя: 23.03.2025).
12. Alibalajev, M. M. Gumanitarnaja diplomatija v diejatiel'nosti Miezhdunarodnogo Komiteta Krasnogo Kriesta / M. M. Alibalajev, Je. V. Martynienko // *Postsovietskije issliedovanija*. – 2024. – № 4. – S. 424–431.

Валерия Эдуардовна Василевская
аспирант 3-го года обучения каф. международных отношений
Белорусского государственного университета
Valeria Vasilevskaya
3-d Year Postgraduate Student of the Department of International Relations
of Belarusian State University
e-mail: vasilevskaya.v.e@mail.ru

БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКОЕ ПАРТНЕРСТВО В РЕАЛИЗАЦИИ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ»: ПОНЯТИЕ, ЦЕЛИ, ПРИНЦИПЫ И ФОРМЫ

Выделен комплекс теоретических положений белорусско-китайского партнерства в реализации инициативы «Один пояс – один путь». Понятие белорусско-китайского партнерства определяется в основных документах, закрепляющих политический уровень взаимодействия стран. На современном этапе белорусско-китайские отношения характеризуются всепогодным и всесторонним стратегическим партнерством. Согласно первому официальному документу, подтверждающему поддержку белорусской стороной инициативы КНР «Один пояс – один путь», целью партнерства является достижение согласованности в вопросах перспективных направлений сотрудничества в рамках инициативы в торгово-экономической, финансовой, инвестиционной, энергетической, космической, научно-технической и гуманитарной сферах. Фундаментальными принципами белорусско-китайского партнерства являются взаимное уважение суверенитета, сохранение территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела, достижение взаимной выгоды и мирное сосуществование. Приоритетной сферой взаимодействия Беларуси и Китая в рамках инициативы «Один пояс – один путь» является расширение торгово-экономических связей.

Ключевые слова: белорусско-китайское партнерство, Великий камень, всепогодное и всестороннее стратегическое партнерство, «Один пояс – один путь».

The Belarusian-Chinese Partnership in the Implementation of the «One Belt – One Road» Initiative: Concept, Goals, Principles and Forms

A set of theoretical provisions of the Belarusian-Chinese partnership in the implementation of the «One Belt – One Road» initiative is highlighted. The concept of the Belarusian-Chinese partnership is defined in the main documents that consolidate the political level of mutual trust between the countries. At the present stage, the Belarusian-Chinese relations are characterized by an all-weather and comprehensive strategic partnership. According to the first official document confirming the Belarusian side's support for the One Belt, One Road initiative of the People's Republic of China, the goal of the partnership is to achieve consistency in promising areas of cooperation within the framework of the initiative. Namely, in the trade, economic, financial, investment, energy, space, scientific, technical and humanitarian spheres. The fundamental principles of the Belarusian-Chinese partnership are mutual respect for sovereignty, preservation of territorial integrity, non-interference in internal affairs, achievement of mutual benefit and peaceful coexistence.

Key words: Belarusian-Chinese partnership, Great Stone, all-weather and comprehensive strategic partnership, «One Belt – One Road».

Введение

В январе 2025 г. исполнилось 33 года с начала установления дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и Республикой Беларусь. В соглашении от 20 января 1992 г. зафиксированы основные цели и принципы сотрудничества стран. Сторонами был установлен

начальный политический уровень взаимодействия – отношения дружбы и сотрудничества. В качестве фундамента развития отношений определены принципы сотрудничества: взаимное уважение суверенитета, сохранение территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела, достижение взаимной выгоды и мирное сосуществование. Отдельно выделяется принципиальная позиция сторон в отношении территориальной целостности Китая и защиты суверенитета Беларуси.

Научный руководитель – Наталья Ивановна Дрозд, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета

В первом договорно-правовом акте – Соглашении об установлении дипломатических отношений Китая и Беларуси – отмечается взаимная поддержка по вопросам, затрагивающим неотъемлемые интересы стран. Беларусь всецело поддерживает политику «одного Китая» и признает китайское правительство единственным законным органом в отношении Тайваня; в свою очередь, Китай поддерживает усилия белорусского правительства в обеспечении политической стабильности и выступает против любого вмешательства во внутренние дела Беларуси [1].

За более чем три десятилетия углубленного сотрудничества Беларусь и Китай несколько раз повышали планку политического уровня взаимного доверия. Показательным стало проведение 22-го заседания Совета государств – членов ШОС 15 сентября 2022 г. в Самарканде, в ходе которого лидеры Беларуси и Китая, исходя из общего стремления к демонстрации образцового значения белорусско-китайских отношений и их дальнейшего развития, решили повысить политический уровень до отношений всепогодного и всестороннего стратегического партнерства [2].

В китайской терминологии «всепогодный» означает действия вне зависимости от любых условий и обстановки. Первым всепогодным партнером Китая стал Пакистан (апрель 2015 г.). Совместная декларация об установлении всепогодных отношений стратегического сотрудничества и партнерства между Пекином и Исламабадом была подписана в рамках большого пакета документов по строительству Китайско-Пакистанского экономического коридора – крупнейшего проекта в реализации китайской инициативы «Один пояс – один путь». Стоимость этого инфраструктурного проекта оценивается в более чем USD 45 млрд [3, с. 95]. Началом китайско-пакистанского проекта стал портовый город Гвадар, который впоследствии получил неформальный титул «жемчужины» экономического коридора, что символизирует его значимую роль в реализации инициативы КНР «Один пояс – один путь».

Инициатива «Один пояс – один путь» была выдвинута в сентябре 2013 г. Председателем КНР Си Цзиньпином в качестве идейного воссоздания древнего Шелкового

пути в реалиях современности. Инициатива включает в себя два стратегических направления строительства морского и сухопутного логистического маршрута, стимулирующего сотрудничество стран Азии, Европы и Африки, прежде всего в торгово-экономической сфере. Стратегии получили названия «Морской Шелковый путь XXI века» и «Экономический пояс Шелкового пути». В настоящее время инициатива охватывает более 150 стран, в которых успешно развиваются запущенные совместно с китайской стороной проекты. Ключевые проекты с точки зрения географического потенциала представляются в информационном поле как знаковые в реализации Шелкового пути.

Один из таких проектов расположен в Беларуси – Китайско-Белорусском индустриальном парке «Великий камень». Это показательный проект белорусско-китайской инициативы «Один пояс – один путь». «Жемчужиной» данный проект впервые назвал Председатель КНР Си Цзиньпин во время официального визита в индустриальный парк в мае 2015 г., обращая тем самым внимание на определяющую роль проекта в строительстве Экономического пояса Шелкового пути [4, с. 101].

В развитии белорусско-китайских отношений совместное строительство инфраструктуры Экономического пояса Шелкового пути играет весомую роль, о чем Глава белорусского государства ясно заявляет в публичных выступлениях. В одном из самых масштабных за последнее время интервью Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко китайским СМИ (февраль 2023 г.) отмечается, что Беларусь старается соответствовать этому высокому статусу «жемчужины» Шелкового пути: «Беларусь всячески старается соответствовать этому статусу. Мы этим гордимся. Единственное, я всегда хотел бы еще больше развития. И я часто говорю об этом Си Цзиньпину и вашим специалистам, которые приезжают и работают там» [5].

Цель статьи – определить комплекс теоретических положений белорусско-китайского партнерства в реализации инициативы «Один пояс – один путь»: рассмотреть понятие, цели, принципы и формы взаимодействия.

Основными методами для достижения данной цели являются контент-анализ

текста документов, метод сравнения, а также структурно-функциональный анализ международных институтов.

В качестве ключевых источников были выбраны нормативные правовые акты, регламентирующие основные положения белорусско-китайских отношений в рамках инициативы «Один пояс – один путь». В их числе Соглашение между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой об установлении дипломатических отношений, Совместная декларация Китайской Народной Республики и Республики Беларусь об установлении всестороннего стратегического партнерства, Договор о дружбе и сотрудничестве между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой, Совместная декларация об установлении отношений доверительного всестороннего стратегического партнерства и взаимовыгодного сотрудничества, Совместная декларация Республики Беларусь и Китайской Народной Республики об установлении отношений всепогодного и всестороннего стратегического партнерства.

Основная часть

При выдвижении Китаем инициативы «Один пояс – один путь» политический уровень взаимодоверия в белорусско-китайских отношениях характеризовался как всестороннее стратегическое партнерство: соответствующая Декларация между Пекином и Минском была подписана 16 июля 2013 г. в ходе государственного визита Президента Республики Беларусь в КНР. Согласно ст. 1 этого документа всестороннее стратегическое партнерство определяется как готовность активизировать взаимодействие стран во всех сферах. При этом важной составляющей достигнутого партнерства является решительная поддержка по вопросам, затрагивающим государственную независимость, суверенитет и территориальную целостность (ст. 3). В качестве конкретных мер по активизации взаимодействия стороны договорились:

- 1) принимать действенные меры по наращиванию двусторонней торговли;
- 2) поощрять создание на территории двух государств совместных производств;
- 3) укреплять сотрудничество в области машиностроения, энергетики, химиче-

ской промышленности, инфраструктурного строительства и телекоммуникаций;

4) прилагать усилия по расширению взаимных инвестиций;

5) наращивать обмен опытом в научно-технической сфере (ст. 4) [6].

Договоренности в принятой Совместной декларации стали фундаментом дальнейшего белорусско-китайского сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс – один путь».

Республика Беларусь – первая страна в Восточной Европе, которая открыто выразила поддержку инициативы Китая по объединению Востока и Запада логистическим поясом и присоединилась к его реализации. Это объясняется прежде всего крепкими политическими связями в двусторонних отношениях государств. Еще до официального представления инициативы «Один пояс – один путь» Беларусь позиционировала Китай в качестве своего основного политического партнера. В этой связи важно обратить внимание на инициативу Президента Республики Беларусь «интеграции интеграций». В октябре 2011 г. Глава белорусского государства А. Г. Лукашенко отметил необходимость сближения со стратегически важным партнером, Китаем, в рамках идеи «интеграция интеграций», позволяющей балансировать между интересами противоположных от государства сторон [7, с. 15].

Значимость Беларуси в реализации китайской инициативы обусловлена прежде всего ее географическим положением: страна находится на стыке рынков Европейского союза и Евразийского экономического союза, выступает инфраструктурным плацдармом, обеспечивающим беспрепятственное движение китайских товаров по линии Азия – Европа. Еще в 2015 г. во время государственного визита в Минск Председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что Беларусь обладает уникальными преимуществами для развития проекта «Экономический пояс Шелкового пути» и Китай заинтересован в углублении сотрудничества по этой линии [8]. Однако решение запустить строительство логистической инфраструктуры с узловым пересечением на территории Беларуси было принято не сразу.

Первоначально ключевым логистическим звеном Восточной Европы в транзитной цепочке Шелкового пути должна была

стать Украина, которая предложила китайскому партнеру свой вариант маршрута – транскаспийского (Украина – Грузия – Азербайджан – Казахстан – Китай) в обход России. Неликвидность данного маршрута заключалась, во-первых, в пересечении сразу пяти государственных границ; во-вторых, в увеличении времени транзита (минимум на неделю); в-третьих, в существенной разнице в стоимости перевозки. В итоге об экономических потерях свидетельствовал результат экспериментального запуска поезда по транскаспийскому маршруту, когда в январе 2016 г. Украина отправила состав из 10 вагонов и 20 частично заполненных контейнеров по Шелковому пути, минуя территорию России. Несмотря на отсутствие полноценных таможенных проверок, специально ликвидированных с целью сокращения времени перевозки, поезд в пути на четверо суток больше. Загрузить состав в обратном направлении (из Китая) не удалось прежде всего по причине убыточной логистики. Таким образом, экспериментальный маршрут не оправдал ожиданий инициаторов и не получил поддержки китайских партнеров. Однако главной причиной, по которой руководство Китая отказалось пустить Шелковый путь через Украину в Европу, стал внутренний социально-экономический кризис в этой стране и нарастание политической нестабильности. Именно это предопределило решение руководства КНР об использовании географического потенциала Беларуси. Таким образом, фактически Беларусь заменила Украину на Шелковом пути [9, с. 15].

Первым официальным документом, подтверждающим поддержку инициативы белорусской стороной, стал Меморандум между Министерством экономики Беларуси и Министерством коммерции Китая, подписанный в декабре 2014 г. Целью документа стало достижение согласованности между сторонами в вопросах перспективных направлений сотрудничества в рамках проекта «Экономический пояс Шелкового пути». Затем в ходе официального визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Беларусь в мае 2015 г. был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между странами, согласно ст. 8 которого стороны договорились совместно продвигать и расширять сотрудничество в рамках названного проекта.

В договоре установлены основные принципы сотрудничества, а именно взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство, мирное сосуществование и стабильное развитие всестороннего стратегического партнерства (ст. 1). В качестве основных направлений сотрудничества в продвижении строительства Экономического пояса Шелкового пути определены торгово-экономическая, финансовая и инвестиционная, энергетическая, космическая, научно-техническая и гуманитарная сферы (ст. 8) [10].

Во исполнение достигнутых договоренностей поручения правительству Беларуси Президент Республики Беларусь изложил в Директиве № 5 от 31 августа 2015 г.:

1) Администрации Президента поручено обеспечить долгосрочную основу сотрудничества в реализации концепции строительства Экономического пояса Шелкового пути (п. 4.1);

2) Совету Министров поручено систематизировать и согласовать национальные программы с подходами проектов «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века» (п. 6.2);

3) Совету Министров поручено сопровождать проект создания Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень» как стратегического элемента стимулирования расширения сотрудничества в инвестиционной сфере (п. 6.5) [11].

В сентябре 2016 г. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко посетил Китай с официальным визитом, по итогам которого была подписана Декларация о переходе двусторонних отношений на уровень доверительного всестороннего стратегического партнерства и взаимовыгодного сотрудничества, аккумулирующая результат почти двадцатилетней истории плодотворного взаимодействия. Важно отметить, что на тот период указанный уровень отношений с Китаем был установлен только с тремя государствами (Россией, Пакистаном и Великобританией).

Согласно подписанной Декларации, стороны констатировали приоритет принципа взаимного уважения, обоюдного выигрыша и многовековой дружбы в сотрудничестве. Отдельно выделены принципиальные позиции белорусской стороны в от-

ношении приверженности политики «одного Китая» и непризнания «независимости Тайваня» и китайской стороны в отношении поддержки достигнутых успехов белорусского правительства в обеспечении социально-политической стабильности и экономического развития страны, а также отстаивания невмешательства во внутренние дела Беларуси [12].

Согласно ст. 3 Совместной декларации об установлении отношений доверительного всестороннего стратегического партнерства и взаимовыгодного сотрудничества Беларуси и Китая, стороны договорились продвигать строительство «Одного пояса – одного пути» и укреплять сопряжение этой инициативы со стратегиями развития Беларуси. Белорусская сторона заявила о намерении начать реализацию проекта информационного пояса Шелкового пути, направленного на создание единого информационного пространства, а также заинтересованности в расширении сотрудничества с китайской стороной в рамках ЕАЭС и ШОС по этой линии [13, с. 52].

В ст. 2 названной Совместной декларации Беларуси и Китая отмечается, что китайская сторона высоко оценивает подписание Президентом Республики Беларусь Директивы № 5 от 31 августа 2015 г. Китай считает, что положения указанной Директивы способствуют развитию двусторонних отношений и исполнению достигнутых договоренностей [13, с. 51]. В связи с этим во исполнение новых достигнутых договоренностей в рамках Совместной декларации об установлении отношений доверительного всестороннего стратегического партнерства и взаимовыгодного сотрудничества Беларуси и Китая 3 декабря 2021 г. Президентом Республики Беларусь была подписана Директива № 9. Согласно ему реализация инициативы «Один пояс – один путь» выделяется в качестве приоритетного направления развития двусторонних отношений [14].

В Директиве Президента Республики Беларусь № 9 «О развитии двусторонних отношений Беларуси и Китая» в качестве отдельной практической меры выделена задача по формированию специализации в инициативе «Один пояс – один путь». Внимание уделено развитию крупнейшего совместного инвестиционного проекта – индустриального парка «Великий камень».

По ручено к 2025 г.:

1) создать соответствующую инфраструктуру по присоединению индустриального парка к европейской железнодорожной колее;

2) создать в индустриальном парке центр продвижения инновационной и традиционной медицины;

3) сформировать полноценные каналы взаимодействия государственных и частных предприятий в сфере информационно-коммуникационных технологий;

4) привлечь в индустриальный парк новых резидентов, достигнув показателя не менее чем 170 компаний [14].

В сентябре 2022 г. на официальной встрече лидеров Беларуси и Китая в Самарканде в ходе проведения 22-го заседания Совета глав государств – членов ШОС был подписан документ, свидетельствующий о повышении политического уровня взаимодействия государств, – Совместная декларация Беларуси и Китая об установлении отношений всепогодного и всестороннего стратегического партнерства. В качестве основных принципов сотрудничества в Декларации выделяются взаимная поддержка выбранного пути развития внутренней и внешней политики государств, взаимное уважение суверенитета, независимости и территориальной целостности (ст. 2) [2].

Статья 6 указанной Декларации посвящена договоренностям в совместной реализации инициативы КНР «Один пояс – один путь», отмечается, что стороны намерены углублять сотрудничество в торгово-экономической, инвестиционной и кредитно-финансовой сферах, продолжать развивать стимулирующие механизмы взаимодействия ЕАЭС и КНР. В качестве приоритетных направлений сотрудничества выделены:

1) расширение взаимных прямых инвестиций путем обеспечения прозрачного режима доступа иностранных инвестиций;

2) развитие совместного бизнеса между субъектами хозяйствования путем стимулирования производственной кооперации;

3) увеличение двусторонней торговли на основе соблюдения рыночных принципов и наращивания экспорта белорусских товаров с высокой добавленной стоимостью;

4) развитие сотрудничества в области цифровых технологий путем внедрения

механизмов электронной коммерции, осуществление продаж на крупнейших электронных площадках Китая [2].

Необходимо подчеркнуть, что согласно Совместному заявлению Беларуси и Китая о дальнейшем развитии всепогодного и всестороннего партнерства в новую эпоху от 6 марта 2023 г., во исполнение приоритетного направления сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс – один путь» – расширение взаимных прямых инвестиций – стороны завершили обсуждение основополагающих положений текста Соглашения о торговле услугами и осуществлении инвестиций между двумя странами (ст. 4) [15]. Соответствующий документ был подписан в августе 2024 г. и закрепил правовую основу сотрудничества. Он предусматривает создание специального транспарентного режима для привлечения крупных инвесторов. Важно отметить, что это первое подобное соглашение Китая с государством – членом ЕАЭС [16].

Обращаясь к основным формам взаимодействия Беларуси и Китая в рамках инициативы «Один пояс – один путь», нельзя не отметить значения работы форумов высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «Пояса и пути» – главной площадки для расширения обменов и обучения, развития финансовой интеграции, координации единой политики [17, с. 98].

Китай организовал три масштабных форума, активное участие в котором принимала Беларусь. Первый форум прошел в Пекине в мае 2017 г. Тогда Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко отметил, что идея возрождения Шелкового пути является не просто проектом экономики, а объединяющей международное сотрудничество силой. Поддерживая китайскую инициативу, Беларусь считает, что Китай как дружественная страна не навязывает собственные интересы другим государствам, а стимулирует совместное развитие [18].

В апреле 2019 г. прошел второй форум, в ходе которого Президент Республики Беларусь призвал участников к серьезной координации действий и максимальному расширению экономического сотрудничества. Глава белорусского государства подчеркнул, что Беларусь как страна, через территорию которой проходят основные товарные потоки с Востока на Запад, в большей

степени заинтересована в прозрачной системе товарообмена [19].

Значимым событием в рамках инициативы КНР «Один пояс – один путь» стало проведение в октябре 2023 г. третьего форума. Беларусь как первая страна в Восточной Европе, присоединившаяся к евразийской части проекта «Экономический пояс Шелкового пути», незамедлительно выразила готовность принять участие в этом масштабном мероприятии, о чем свидетельствовало официальное заявление Президента Республики Беларусь в июне 2023 г. Он подчеркнул, что Беларусь готова продолжать оказывать посильное содействие в качественной реализации китайской инициативы и видит большие перспективы в сотрудничестве [20].

Заключение

1. Белорусско-китайское партнерство в реализации инициативы «Один пояс – один путь» определяется основными документами, закрепляющими политический уровень взаимодоверия двух стран. При выдвижении Китаем инициативы «Один пояс – один путь» уровень белорусско-китайских отношений характеризовался как всестороннее стратегическое партнерство, что определяется как готовность активизировать взаимодействие во всех сферах.

В настоящее время между Беларусью и Китаем достигнут исторический максимум политического уровня взаимодоверия – отношения всепогодного и всестороннего стратегического партнерства. Китай является приоритетным партнером Беларуси во всех сферах взаимодействия, что подтверждается установлением всестороннего сотрудничества, а также надежной опорой в нестабильных политических условиях.

2. Согласно первому официальному документу, подтверждающему поддержку инициативы КНР «Один пояс – один путь» белорусской стороной – Меморандума между Министерством экономики Беларуси и Министерством коммерции Китая, – целью сотрудничества является достижение согласованности между сторонами в вопросах перспективных направлений сотрудничества в рамках проекта «Экономический пояс Шелкового пути». Направления сотрудничества выделены в Договоре о дружбе и сотрудничестве между Беларусью и Китаем,

подписанном в рамках первого после выдвигения инициативы официально визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Беларусь в мае 2015 г. Согласно указанному документу в качестве основных направлений сотрудничества в продвижении строительства Экономического пояса Шелкового пути определены торгово-экономическая, финансовая и инвестиционная, энергетическая, космическая, научно-техническая и гуманитарная сферы.

3. Фундаментальные принципы белорусско-китайского партнерства определены в первом договорно-правовом акте – Соглашении об установлении дипломатических отношений Китая и Беларуси (январь 1992 г.), согласно которому двусторонние отношения развиваются на основе принципа взаимного уважения суверенитета, сохранения территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела, достижения взаимной выгоды и мирного сосуществования. Отдельно следует выделить значимость принципиальной позиции сторон в отноше-

нии территориальной целостности Китая и защиты независимости и суверенитета Беларуси.

4. Принимая во внимание достигнутый уровень всестороннего стратегического партнерства между Беларусью и Китаем, можно утверждать, что формы взаимодействия сторон в рамках инициативы «Один пояс – один путь» охватывают практически все сферы сотрудничества. Приоритетной сферой взаимодействия является прежде всего торгово-экономическая. За более чем 30 лет сотрудничества товарооборот между Беларусью и Китаем увеличился в 140 раз. В настоящее время Китай является одним из главных торговых партнеров Беларуси.

В качестве форм взаимодействия в политической сфере нельзя не отметить значения работы форумов высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «Пояса и пути», которые были организованы Китаем и в которых активное участие принимала Республика Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Соглашение между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой об установлении дипломатических отношений // ИПС «Нормативка.by». – URL: <https://normativka.by/lib/document/500125776> (дата обращения: 12.03.2025).
2. Совместная декларация Республики Беларусь и Китайской Народной Республики об установлении отношений всепогодного и всестороннего стратегического партнерства // Посольство Республики Беларусь в Китайской Народной Республике. – URL: <https://china.mfa.gov.by/kcfinder/upload/china/files/embassy/decloration.pdf> (дата обращения: 12.03.2025).
3. Василевская, В. Э. О всепогодном и всестороннем стратегическом партнерстве в белорусско-китайских отношениях / В. Э. Василевская // Дипломатия Беларуси в условиях новых вызовов : материалы II Междунар. науч. конф., Минск, 21 марта 2024 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2024. – С. 94–98.
4. Лю Сяоцзюань. Беларусь – один из важнейших партнеров Китая в «Одном поясе и одном пути» / Лю Сяоцзюань // Белорусская думка. – 2019. – № 8. – С. 98–104.
5. Стенограмма интервью Президента Республики Беларусь китайскому информационному агентству Синьхуа и Медиакорпорации Китая в феврале 2023 г. // Президент Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/intervyu-kitayskim-smi> (дата обращения: 12.03.2025).
6. Совместная декларация Китайской Народной Республики и Республики Беларусь об установлении всестороннего стратегического партнерства // Китайский информационный Интернет-центр. – URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2013-07/17/content_29440117.htm (дата обращения: 13.03.2025).
7. Лукашенко, А. Г. О судьбах нашей интеграции / А. Г. Лукашенко // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2011. – № 10. – С. 11–19.
8. О государственном визите Председателя КНР Си Цзиньпина в Минск в мае 2015 года // Президент Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/gosudarstvennyj-vizit-predsdatelja-kr-si-tszinpinga-v-belarus-11366> (дата обращения: 13.03.2025).

9. Василевская, В. Э. Белорусско-китайское сотрудничество в рамках инициативы «Один пояс – один путь»: политический аспект / В. Э. Василевская // Инновационные подходы к управлению в экономических, технических и правовых системах : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ, Москва, 23 апр. 2024 г. / науч. ред. С. А. Сытник. – Чебоксары : Среда, 2024. – С. 14–19.

10. Договор о дружбе и сотрудничестве между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/guid12551p0I01500037> (дата обращения: 13.03.2025).

11. Директива Президента Республики Беларусь № 5 от 31 августа 2015 г. «О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/guid12551p0P01500005> (дата обращения: 13.03.2025).

12. О подписании Совместной декларации об установлении отношений доверительного всестороннего стратегического партнерства и взаимовыгодного сотрудничества // БЕЛТА. – URL: <https://belta.by/president/view/belarus-i-kitaj-ustanovili-otnosheniya-doveritelnogo-vsestoronnego-strategicheskogo-partnerstva-i-212405-2016/> (дата обращения: 13.03.2025).

13. Белорусско-китайские отношения в межгосударственных, межправительственных и межведомственных документах (1992–2022) / сост.: Н. М. Адамчик, Ю. С. Вергейчик, А. В. Воловик, А. Ю. Грабко. – Минск : СтроймедиаПроект, 2022. – 448 с.

14. Директива Президента Республики Беларусь № 9 от 3 декабря 2021 г. «О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/guid=3871p0=P02100009> (дата обращения: 19.03.2025).

15. Совместное заявление Беларуси и Китая о дальнейшем развитии отношений всепогодного и всестороннего стратегического партнерства в новую эпоху // Посольство Республики Беларусь в КНР. – URL: <https://china.mfa.gov.by/ru/embassy/news/fb2937bef6398e2d.html> (дата обращения: 19.03.2025).

16. О подписании Соглашения о торговле услугами и осуществлении инвестиций между Беларусью и Китаем // БЕЛТА. – URL: <https://belta.by/society/view/belarus-i-kitaj-podpisali-soglashenie-o-torgovle-uslugami-i-osuschestvlenii-investitsij-656061-2024/> (дата обращения: 19.03.2025).

17. Василевская, В. Э. Форум высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «Пояса и Пути»: сущность, история, итоги / В. Э. Василевская // Актуальные проблемы правовых, экономических и социально-гуманитарных наук : материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. проф.-преподават. состава, аспирантов, магистрантов и студентов, Минск, 18 апр. 2024 г. : в 2 ч. / «БИП – Университет права и социально-информационных технологий» ; редкол.: С. И. Романюк [и др.]. – Минск : БИП, 2024. – Ч. 2. – С. 97–100.

18. Выступление Президента Республики Беларусь на I форуме высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «Пояса и пути» в 2017 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2017/may/24152/> (дата обращения: 19.03.2025).

19. Об участии Президента Республики Беларусь на II форуме высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «Пояса и пути» в 2019 г. // Президент Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/uchastie-v-mezhdunarodnom-forume-pojas-i-put-20957> (дата обращения: 19.03.2025).

20. Об участии Беларуси в III форуме высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «Пояса и пути» в 2023 г. // Агентство экономической информации Прайм. – URL: <https://1prime.ru/macroeconomics/20230615/840831224.html> (дата обращения: 19.03.2025).

REFERENCES

1. Soglasheniye miezhdu Riespublikoj Bielarus' i Kitajskoj Narodnoj Riespublikoj ob ustanovlenii diplomatichieskikh otnoshenij // IPS «Normativka.by». – URL: <https://normativka.by/lib/document/500125776> (data obrashchienija: 12.03.2025).

2. Sovmestnaja dieklaracija Rjespubliki Bielarus' i Kitajskoj Narodnoj Rjespubliki ob ustanovljenii otnoshenij vsiepogodnogo i vsiestoronniego strategichieskogo partnerstva // Posol'stvo Rjespubliki Bielarus' v Kitajskoj Narodnoj Rjespublikie. – URL: <https://china.mfa.gov.by/kcfinder/upload/china/files/embassy/decloration.pdf> (data obrashchienija: 12.03.2025).

3. Vasilievskaja, V. E. O vsiepogodnom i vsiestoronniem strategichieskom partnerstvie v bielorusko-kitajskikh otnoshenijakh / V. E. Vasilievskaja // *Diplomatija Bielarusi v uslovijakh novykh vyzovov : materijaly II Miezhdunar. nauch. konf., Minsk, 21 marta 2024 g. / Bielorus. gos. un-t ; riedkol.: Je. A. Dostanko (gl. ried.) [i dr.]*. – Minsk : BGU, 2024. – S. 94–98.

4. Liu Siaoodziuan'. Bielarus' – odin iz vazhnieshikh partnerov Kitaja v «Odnom pojasje i odnom puti» / Liu Siaoodziuan' // *Bielaruskaja dumka*. – 2019. – № 8. – S. 98–104.

5. Stienogramma intervju Priezidenta Rjespubliki Bielarus' kitajskomu informacionnomu agentstvu Sin'khua i Miediakorporacii Kitaja v fievralie 2023 g. // Priezident Rjespubliki Bielarus'. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/intervyu-kitajskim-smi> (data obrashchienija: 12.03.2025).

6. Sovmestnaja dieklaracija Kitajskoj Narodnoj Rjespubliki i Rjespubliki Bielarus' ob ustanovljenii vsiestoronniego strategichieskogo partnerstva // Kitajskij informacionnyj Internet-centr. – URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2013-07/17/content_29440117.htm (data obrashchienija: 13.03.2025).

7. Lukashenko. A. G. O sud'bach nashej integracii / A. G. Lukashenko // *Jevrazijskaja integracija: ekonomika, parvo, politika*. – 2011. – № 10. – S. 11–19.

8. O gosudarstviennom vizitie Priedsiedatielia KNR Si Czin'pina v Minsk v maje 2015 goda // Priezident Rjespubliki Bielarus'. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/gosudarstvennyj-vizit-predsiedatelja-knr-si-tszin-pina-v-belarus-11366> (data obrashchienija: 13.03.2025).

9. Vasilievskaja, V. E. Bielorusko-kitajskoje sotrudnichiestvo v ramkakh iniciativy «Odn pojas – odin put'»: politichieskij aspjeht / V. E. Vasilievskaja // *Innovacionnyje podkhody k upravleniju v ekonomichieskikh, tiekhnichieskikh i pravovykh sistiemakh : materijaly Vsieros. nauch.-prakt. konf. s miezhdunar. uchastijem, Moskva, 23 apr. 2024 g. / nauch. ried. S. A. Sytnik*. – Chieboxsary : Srieda, 2024. – S. 14–19.

10. Dogovor o družbie i sotrudnichiestvie miezhdru Rjespublikoj Bielarus' i Kitajskoj Narodnoj Rjespublikoj // Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Rjespubliki Bielarus'. – URL: <https://pravo.by/document/guid12551p0I01500037> (data obrashchienija: 13.03.2025).

11. Diriektiva Priezidenta Rjespubliki Bielarus' № 5 ot 31 avgusta 2015 g. «O razvitii dvustoronnikh otnoshenij Rjespubliki Bielarus' s Kitajskoj Narodnoj Rjespublikoj» // Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Rjespubliki Bielarus'. – URL: <https://pravo.by/document/guid12551p0P01500005> (data obrashchienija: 13.03.2025).

12. O podpisanii Sovmestnoj dieklaracii ob ustanovljenii otnoshenij dovieritel'nogo vsiestoronniego strategichieskogo partnerstva i vzaimovygodnogo sotrudnichiestva // BELTA. – URL: <https://belta.by/president/view/belarus-i-kitaj-ustanovili-otnoshenija-doveritelnogo-vsestonnogo-strategichieskogo-partnerstva-i-212405-2016/> (data obrashchienija: 13.03.2025).

13. Bielorusko-kitajskije otnoshenija v miezhgosudarstviennykh, miezhpriatel'stviennykh i miezhviedomstviennykh dokumentakh (1992–2022) / sost.: N. M. Adamchik, Ju. S. Viergijchik, A. V. Volovik, A. Ju. Grabko. – Minsk : StrojMiediaProjekt, 2022. – 448 s.

14. Diriektiva Priezidenta Rjespubliki Bielarus' № 9 ot 3 diekabria 2021 g. «O razvitii dvustoronnikh otnoshenij Rjespubliki Bielarus' s Kitajskoj Narodnoj Rjespublikoj» // Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Rjespubliki Bielarus'. – URL: <https://pravo.by/document/guid=3871p0=P02100009> (data obrashchienija: 19.03.2025).

15. Sovmestnoje zajavlienije Bielarusi i Kitaja o dal'niejšem razvitii otnoshenij vsiepogodnogo i vsiestoronniego strategichieskogo partnerstva v novuju epokhu // Posol'stvo Rjespubliki Bielarus' v KNR. – URL: <https://china.mfa.gov.by/ru/embassy/news/fb2937bef6398e2d.html> (data obrashchienija: 19.03.2025).

16. O podpisanii Soglashenija o trgovlie uslugami i osushchiestvlenii inviesticij miezhdru Bielarus'ju i Kitajem // BELTA. – <https://belta.by/society/view/belarus-i-kitaj-podpisali-soglashenie-o-torgovle-uslugami-i-osuschestvlenii-investitsij-656061-2024/> (data obrashchienija: 19.03.2025).

17. Vasilievskaja, V. E. Forum vysokogo urovnia po miezhdunarodnomu sotrudnichiestvu v ramkakh «Pojasa i Puti»: sushchnost', istorija, itogi / V. E. Vasilievskaja // *Aktual'nyje problemy*

pravovykh, ekonomichieskikh i social'no-gumanitarnykh nauk : materialy XIV Miezhdunar. nauch.-prakt. konf. prof.-priepodavat. sostava, aspirantov, magistrantov i studentov, Minsk, 18 apr. 2024 g. : v 2 ch. / «BIP – Univiersitet prava i social'no-informacionnykh tiekhnologij» ; riedkol.: S. I. Romaniuk [i dr.]. – Minsk : BIP, 2024. – Ch. 2. – S. 97–100.

18. Vystuplienije Priezidenta Riespubliki Bielarus' na I forumie vysokogo urovnja po miezhdunarodnomu sotrudnichistvu v ramkakh «Pojasa i puti» v 2017 g. // Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Riespubliki Bielarus'. – URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2017/may/24152/> (data obrashchienija: 19.03.2025).

19. Ob uchastii Priezidenta Riespubliki Bielarus' na II forumie vysokogo urovnja po miezhdunarodnomu sotrudnichistvu v ramkakh «Pojasa i puti» v 2019 g. // Priezident Riespubliki Bielarus'. – <https://president.gov.by/ru/events/uchastie-v-mezhdunarodnom-forume-pojas-i-put-20957> (data obrashchienija: 19.03.2025).

20. Ob uchastii Bielarusi v III forumie vysokogo urovnja po miezhdunarodnomu sotrudnichistvu v ramkakh «Pojasa i puti» v 2023 g. // Agientstvo ekonomichieskoj informacii Prajm. – URL: <https://1prime.ru/macroeconomics/20230615/840831224.html> (data obrashchienija: 19.03.2025).

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 31.03.2025

Николай Юрьевич Веремеев¹, Беата Ивановна Шумская²¹канд. полит. наук, доц. каф. политологии

Белорусского государственного экономического университета

²мл. науч. сотрудник центра политологии Института социологии

Национальной академии наук Беларуси

Nikolay Veremeev¹, Beata Shumskaya²¹*Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Sciences of Belarusian State University of Economics*²*Junior Research Fellow of the Center for Political Science of the Institute of Sociology of National Academy of Sciences of Belarus*e-mail: ¹mr.veremeev@gmail.com; ²bsumskaa@gmail.com**НАРОДОВЛАСТИЕ КАК ЭФФЕКТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ
ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ТЕРРОРИЗМА**

Анализируется влияние терроризма на уровень политического участия граждан и народовластие. Рост террористической активности подрывает доверие к государству и ослабляет демократические институты. В исследовании предложены стратегии укрепления народовластия как средства противодействия терроризму.

Ключевые слова: *народовластие, терроризм, безопасность.*

Democracy as an Effective Strategy for Preventing Terrorism

This article examines the impact of terrorism on the level of political participation of citizens and democracy. The growth of terrorist activity undermines trust in the state and weakens democratic institutions. The study suggests strategies for strengthening democracy as a means of countering terrorism.

Key words: *democracy, terrorism, security.*

Введение

Современная геополитическая система характеризуется нестабильностью, обусловленную распадом униполярного миропорядка и возникновением многих центров силы. Конкурентное взаимодействие государственных и негосударственных акторов, борьба за ресурсы и перераспределение сфер влияния усугубляются неэффективностью существующих механизмов обеспечения международной безопасности. В этих условиях терроризм выступает одной из потенциальных угроз национальной безопасности, вызывая массовые жертвы среди гражданского населения и существенные экономические потери.

Децентрализация любой террористической деятельности, применение гибридных методов борьбы и информационно-психологических технологий усложняют противодействие терроризму. Поэтому требуется разработка новых стратегий и механизмов безопасности на национальном и международном уровнях.

В статье исследуется взаимосвязь между уровнем террористической активности и степенью народовластия.

Гипотеза исследования: рост террористической активности в государстве приводит к снижению уровня политического участия граждан и, следовательно, к ослаблению народовластия. Это связано с тем, что терроризм угрожает безопасности граждан и подрывает доверие к государственным институтам. Согласно данным Глобального индекса терроризма, смертность в 2023–2024 гг. в результате терроризма увеличилась на 22 % – до 8352 смертей и сейчас находится на самом высоком с 2017 г. уровне. В 2017 г. было зафиксировано 18 814 смертей. Начиная с 2017 и все последующие годы общее количество смертей постепенно уменьшалось. К примеру, в 2018 г. количество жертв снизилось на 15,2 % – до 15 952, в 2022 г. – до 6701 [1, с. 2].

Отметим, что число террористических актов в 2023 г. также сократилось до 3350, что на 23 % меньше, чем в 2022 г. (4321 теракт). В 2023–2024 гг. замечен тренд роста числа смертей, но снижение числа инцидентов показывает, как терроризм становится более концентрированным и более смертоносным.

Число стран, в которых зафиксирована смерть от терроризма, сократилось до 41, что значительно ниже пикового значения, зафиксированного в 2015 г. (57 стран) и в 2022 г. (44 страны) [1, с. 2]. Тренд XXI в. указывает на смещение акцента в сторону более масштабных и тщательно спланированных атак, осуществляемых в меньшем количестве стран.

Предполагается, что демократические режимы с высоким индексом демократии и с учетом принципа народовластия более эффективно противостоят террористической угрозе. Широкое участие граждан в политическом процессе способствует укреплению стабильности и созданию социального консенсуса.

Исследование преследует цель анализа случаев, в которых укрепление демократических институтов содействовало снижению интенсивности террористической активности.

Основная часть

Термин «терроризм» происходит от латинского «terror» – ужас, страх и означает способ разрешения общественно-политических противоречий с помощью насилия. В рамках современной научной парадигмы наблюдается разнообразие концептуальных подходов к определению феномена терроризма. Бывший руководитель отделения по предотвращению террористических угроз в Управлении ООН по наркотикам и преступности А. Шмидт рассматривал терроризм как деятельность, метод или тактику, которые направлены на создание психологического давления [2, с. 7].

Выдающийся исследователь феномена терроризма С. Сигеллер определяет терроризм как стратегию политического давления, основанную на использовании насилия и запугивания для достижения политических целей, недоступных через традиционные методы политической борьбы. Он выделяет 12 отличительных черт терроризма: боевая задача – акцентировать население на определенную проблему, стратегическая – достичь политических, социальных перемен; использование различных способов и форм насилия; орудием воздействия служит психологический шок; отвергаются законы; террористический акт обычно внезапен; предполагается «политическое вымогатель-

ство»; немедленное удовлетворение выдвигаемых условий; обязательно наличие организации; использование различной политической идеологии; террористические акты – средство достижения требований; не существует специального отбора жертв; оказывает влияние на группу людей [3].

Эксперт по вопросам терроризма Д. В. Ольшанский в своих работах описывает терроризм как метод политической борьбы, основанный на использовании насилия и запугивания с целью достижения политических целей. Он подчеркивает, что терроризм отличается от других форм насилия тем, что направлен на подрыв уверенности в безопасности, на угрозу устоям государства и манипулирование общественным мнением [4, с. 11].

Доктор философских наук В. В. Витюк полагает, что терроризм является стратегией политического столкновения, связанного с применением и выдвиганием в начале тех форм вооруженного насилия, которые определяются как террористический акт [5, с. 225–226].

Правовед Ю. М. Антонян считает, что сущность термина терроризм сводится к активному использованию устрашения для принуждения групп людей к действиям, выгодным террористам [6, с. 11–13].

Для верификации гипотезы о влиянии народовластия на снижение террористической активности проведен анализ событий североирландского конфликта (Великобритания), баскского сепаратизма (Испания) и корсиканского национализма (Франция). Выбор государств Европы обусловлен несколькими факторами. Во-первых, эти случаи хорошо задокументированы, имеют длительную историю и позволяют провести ретроспективный анализ динамики террористической активности и сопутствующих политических изменений. Во-вторых, все три кейса характеризуются наличием сильных сепаратистских движений, использовавших терроризм как инструмент политического давления. В-третьих, исследуемые государства – стабильные демократии с развитой правовой культурой. Влияние авторитаризма исключается, и рассматривается роль институтов народовластия.

В годы североирландского терроризма в Великобритании наблюдалось последовательное перемещение усилий властей

от военно-тактических действий к стратегическим политическим решениям. Негативные социально-политические факторы, такие как, например, дискриминация католического меньшинства, лежали в основе формирования ИРА и создавали благоприятную среду для процветания терроризма. Принятие принципов правового государства, усиление демократических институтов и повышение уровня народовластия являлись неотъемлемой частью процесса деидеологизации терроризма. Проведение политических реформ в направлении справедливости и равенства способствовало разрушению идеологических основ террористической деятельности, лишая ее моральной и политической легитимности. Эффективность политических реформ не могла быть полноценно реализована без одновременного применения профессиональных антитеррористических мер. Не только политические реформы, но и применение правовых механизмов сдерживания терроризма создали условия для мирного разрешения конфликта.

Член парламента Дж. Блэкберн выделяет два этапа в развитии британской политики в отношении терроризма в Северной Ирландии.

Период превентивных мер (1922–1974 гг.): основан на Законе о гражданском управлении (1922 г.), направленном на предотвращение эскалации межконфессионального конфликта. Закон ограничивал гражданские свободы: право на владение оружием, проведение митингов, продажу алкоголя.

Период прямого противостояния (с 1974 г.): Закон о предотвращении терроризма (1974 г.) легализовал силовые методы борьбы с терроризмом. Он предоставил полиции и спецслужбам право на проведение силовых задержаний и арестов без ордера, проникновение в любые помещения для поиска и захвата подозреваемых, а также ликвидацию незаконных организаций. Принятие силовых мер было обусловлено расширением деятельности ИРА за пределы Ольстера. Несмотря на применение силовых мер, эффективность борьбы с терроризмом оказалась ограниченной по причине поддержки ИРА местным населением. В результате длительных переговоров ИРА была разоружена [7].

В успешном решении североирландского конфликта ключевую роль сыграло комплексное применение политических и правовых мер. Данный случай демонстрирует, что терроризм является не только проблемой безопасности, но и проблемой политического устройства. Эффективное подавление терроризма возможно только в демократическом обществе, где обеспечены права и свободы всех граждан. Государство должно строиться на принципах правового государства и народовластия.

Возникновение терроризма в Испании ярко проявилось в деятельности баскской сепаратистской организации ЭТА. Десятилетиями баскские территории были лишены автономии и подвергались централизованному управлению из Мадрида. Такое положение привело к чувству отчуждения среди баскского населения, которое ощущало себя непризнанным и отвергнутым испанским государством. В период авторитарного режима Франко репрессивные меры спровоцировали усиление поддержки ЭТА среди населения, что еще более усугубило конфликт. Переход Испании к демократии и принятие Конституции 1978 г., установившей Испанию как «государство автономий», позволили сдвинуть конфликт в сторону мирного урегулирования. Признание особых интересов национальных меньшинств и предоставление им широких прав автономии сократили базу поддержки ЭТА, ослабив ее влияние.

Контртеррористическая стратегия Испании против ЭТА имела многосторонний характер. Государство расширяло автономию Страны Басков путем удовлетворения части националистических требований. Велись переговоры как с умеренными националистами, так и с самой ЭТА с привлечением международных посредников. Параллельно формировалось общественное осуждение через образовательные программы и развитие диалога. В рамках закона судебная система преследовала радикальных членов ЭТА и их пособников. Ликвидировались поддерживающие терроризм организации, из-за чего подходы к финансированию перекрывались. Главным фактором стало тесное сотрудничество с Францией для пресечения трансграничной деятельности ЭТА. Комплексный подход противодействия сочетал политику, право и

социальные меры. В конечном итоге он привел к ослаблению и последующей ликвидации ЭТА.

Конфликт государства с баскским сепаратизмом продемонстрировал неэффективность централизованного тоталитарного государства в решении проблемы этнического национализма. Демократическая децентрализация ограничила поддержку терроризма, перевела конфликт в русло политического диалога, увеличивая вероятность мирного разрешения противостояния.

Террористическая активность на Корсике в конце XX в. стала результатом длительной маргинализации острова. Политика центрального правительства во Франции привела к усилению националистических групп и движений. Корсиканские сепаратисты стремились к самоопределению. Они прибегали к праворадикальному терроризму – использовали насилие как инструмент для достижения политических целей. В ответ на эскалацию насилия французское правительство постепенно изменило свою стратегию, перейдя от подавления к политике умиротворения. Предоставление Корсике широких прав автономии в рамках единого французского государства является проявлением принципов народовластия и учета этнических особенностей населения. Такая политика направлена на удовлетворение культурных и политических целей корсиканского населения, что должно способствовать снижению напряженности и предотвращению дальнейшей эскалации конфликта. Тем не менее переход к демократическому урегулированию не является простым и линейным процессом. Несмотря на попытки интеграции корсиканских сепаратистов в политическую систему Франции посредством предоставления мест в региональном парламенте, возможность выдвижения кандидатов и участия их в выборах, а также налаживание диалога через официальные переговоры и консультации, террористическая активность продолжается. Это свидетельствует о сложности конфликта и необходимости более глубоких и многосторонних решений. Таким образом, конфликт на Корсике демонстрирует необходимость перехода к более демократическим и децентрализованным моделям государственного управления. Демократия и проявление народовластия становятся инструментом

снижения напряженности и террористической активности.

Для эмпирического подтверждения гипотезы о взаимосвязи между уровнем террористической активности и степенью народовластия проведем корреляционный анализ. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена представляет собой статистический показатель, используемый для оценки силы и направления взаимосвязи между двумя переменными. Он основан на сравнении рангов наблюдений в двух рядах данных и определяет, насколько сильно изменения рангов в одном ряду соответствуют изменениям рангов в другом ряду. В рамках нашего исследования использованы данные глобального индекса терроризма и индекса демократии.

Глобальный индекс терроризма (GTI) – комплексный инструмент для количественной оценки террористического воздействия. Индекс был разработан Институтом экономики и мира (IEP), созданным в 2007 г. IT-предпринимателем Стивом Киллелеа. Он же стал инициатором разработки Глобального индекса миролюбия (GPI). Глобальный индекс терроризма основан на массивном и структурированном наборе данных, собираемых и изучаемых Национальным консорциумом по изучению терроризма и противодействию терроризму (START). Данные собираются в Глобальной базе данных о терроризме (GTD), представляющей собой многоуровневое хранилище информации о террористических актах, зафиксированных по всему миру. GTD содержит сведения о более чем 190 000 случаях терроризма, охватывая 163 страны, что составляет 99,7 % населения Земли. Такое широкое географическое покрытие позволяет GTI обеспечить всеобъемлющий анализ глобального террористического воздействия, отражая разнообразие и сложность террористической угрозы в современном мире [1].

Для расчета степени народовластия мы воспользуемся индексом демократии, разработанным Economist Intelligence Unit (EIU). Индекс демократии представляет собой многомерный инструмент, призванный оценить уровень демократии в 167 странах мира. Методика исследования основана на пяти категориях: избирательный процесс и плюрализм; гражданские свободы; функ-

ционирование правительства; политическая культура; участие граждан. Индекс показывает свободу и честность выборов, равный доступ к политической власти и конкуренцию между партиями, оценивает эффективность и прозрачность государственного управления, наличие и степень независимости судебной системы, исследует уровень политического участия граждан, степень доверия к государственным институтам, а также уровень гражданских свобод и прав. Каждая категория делится на ряд показателей, измеряемых по шкале от 0 до 10, где 10 баллов соответствует наивысшему уровню. Общий индекс демократии рассчитывается путем суммирования баллов по всем категориям и деления на пять [8].

Индекс демократии позволяет классифицировать политические режимы по четырем типам. Полная демократия характеризуется высоким уровнем политической свободы, развитой гражданской культурой и эффективным государственным управлением. Несовершенная демократия отличается ограниченной свободой прессы или слабым государственным управлением. Гибридный режим характеризуется сочетанием демократических и авторитарных элементов, а уровень политической свободы и участия граждан варьируется в зависимости от конкретных событий в обществе. При авторитарном режиме права граждан на участие в политической жизни ограничены и слабое независимое правосудие [8].

Концепция демократии основывается на принципе народовластия, представляющем собой полноту власти народа в государстве. Реализация народовластия имеет три основных формы:

$$\rho = 1 - \frac{6 \sum d^2}{n \times (n^2 - 1)}, \quad (1)$$

где d^2 – разность между рангами по двум переменным для каждого фактора терроризма; n – количество ранжируемых значений (стран).

$$p = 1 - \frac{6 \times 41686}{73 \times (73^2 - 1)} = 1 - \frac{250116}{388944} = 1 - 0,64 = 0,36. \quad (2)$$

В данном исследовании для анализа взаимосвязи между уровнем террористической активности и степенью народовластия были выбраны 73 страны. Выбор обусловлен стремлением к большей надежности результатов корреляционного анализа, т. к. чем больше стран рассматривается, тем более достоверны результаты.

1. «Государственная власть обладает легитимной силой и обязательным характером для всего населения.

2. Общественная власть способствует консолидации различных социальных групп, институтов и организаций.

3. Местное самоуправление представляет собой форму прямого народовластия, предоставляющую жителям право принимать территориальные решения» [9, с. 56–57].

В зависимости от способов выражения воли народа различают непосредственную и представительную демократию.

В политической теории прямая демократия определяется как юридический механизм, обеспечивающий прямое участие граждан в процессе политического принятия решений. Она реализуется через следующие формы:

1) референдум, на котором граждане голосуют по государственным политическим предложениям, инициированным другими органами власти;

2) народная инициатива, позволяющая гражданам предлагать изменения в государственной политике;

3) отзыв должностных лиц, предоставляющий гражданам право требовать досрочного прекращения полномочий должностных лиц.

Таким образом, прямая демократия опирается на непосредственное народное правление.

Представительная демократия основывается на выборе представителей народом для осуществления его решений.

Рассчитаем данные с помощью коэффициента Спирмена:

Для каждой страны был определен ранг по уровню террористической активности и ранг по индексу демократии, после чего вычисляли разность этих рангов (d). Затем для каждой страны эта разность рангов была возведена в квадрат (d^2), и полученные квадраты разностей были просуммированы для всех 73 стран. Итоговая

сумма квадратов разностей рангов (Σd^2), равная 41 686, отражает общую меру несоответствия между рангами стран по двум рассматриваемым переменным.

Проведенный корреляционный анализ демонстрирует существенную статистическую взаимосвязь между уровнем террористической активности и степенью народовластия. Полученное значение коэффициента корреляции ($r = 0,36$) указывает на слабую положительную связь между данными переменными. Результат означает, что при увеличении уровня террористической активности в государстве наблюдается тенденция к снижению уровня народовластия, хотя эта связь не является сильной. Полученный коэффициент корреляции подтверждает выдвинутую гипотезу исследования. Несмотря на слабую корреляцию, коэффициент показывает наличие тенденции к снижению уровня политического участия граждан при росте террористической угрозы. Это может быть объяснено несколькими факторами, например, усилением авторитарных тенденций в государстве в условиях кризиса безопасности или ограничением свобод граждан под предлогом борьбы с терроризмом.

Заключение

На основе анализа опыта европейских государств мы можем увидеть, как развитие народовластия способно стать фактором снижения в них террористической активности. Проведенный корреляционный анализ зависимости индекса демократии и террористической активности позволяет сделать вывод о существовании статистически значимой взаимосвязи между уровнем террористической активности и степенью народовластия и подтверждает гипотезу исследования о негативном влиянии терроризма на уровень политического участия граждан.

Применение результатов исследования к странам Ближнего Востока требует учета существенных политических, социальных, культурных и религиозных отличий. Несмотря на это, выявленные в результате анализа опыта европейских государств закономерности могут служить методоло-

гической основой для разработки стратегий по снижению террористической активности на Ближнем Востоке.

Принципы народовластия, такие как расширение гражданского участия, децентрализация власти, укрепление правового государства и построение инклюзивных политических институтов, могут быть адаптированы с учетом специфических условий конкретных регионов Ближнего Востока.

Демократия – это противостояние от насилия. Она основана на диалоге, уважении к разнообразию мнений и участию народа в принятии решений. В демократическом обществе власть принадлежит народу и исключает возможность проявлений авторитаризма.

Демократия – это гарантия правосудия, свободы слова и безопасности, что делает ее фундаментом мира и устойчивого развития. Народовластие является не просто декларативным принципом, это функциональный механизм, обеспечивающий мир и стабильность.

Современная стратегия борьбы с терроризмом отходит от традиционных силовых методов и сосредоточивается на комплексном подходе, включающем принятие превентивных мер.

Необходимо расширять международное сотрудничество государств с ООН, БРИКС, ШОС, ОДКБ. Особое внимание нужно уделять борьбе с идеологией терроризма и улучшению социально-экономических условий в государстве. Целесообразно активизировать участие гражданского общества в борьбе с терроризмом путем стимулирования межкультурного диалога.

Необходимо создание платформ для обмена мнениями и идеями между представителями различных культур, религий и этнических групп. Межкультурный диалог помогает разрушать стереотипы и предрассудки, выявляет коренные причины радикализации общества.

Социальная сплоченность повышает уровень осведомленности о террористической идеологии у граждан, делая их устойчивыми к вербовке и пропаганде.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Global Terrorism Index 2024: Measuring the Impact of Terrorism // Institute for Economics and Peace. – URL: <http://visionofhumanity.org/reports> (date of access: 21.10.2024).
2. Schmidt, A. P. Defining Terrorism / A. P. Schmidt. – The Hague : The International Centre for Counter-Terrorism, 2023. – 50 p.
3. Segeler, S. Invisible Armies: Terrorism into the 1990's / S. Segeler. – San Diego : Harcourt Brace Jovanovich, 1987. – P. 11–13.
4. Ольшанский, Д. В. Психология терроризма / Д. В. Ольшанский. – СПб. : Питер, 2002. – 286 с.
5. Витюк, В. В. «Левый» терроризм на западе: история и современность / В. В. Витюк, С. А. Эфиров. – М. : Наука, 1987. – 263 с.
6. Антонян, Ю. М. Этнорелигиозный терроризм / Ю. М. Антонян, Г. И. Белокуров, А. К. Боковиков. – М. : Аспект-Пресс, 2006. – 318 с.
7. Янковой, Н. Л. Британская модель контртеррористической деятельности / Н. Л. Янковой // Власть. – 2010. – № 10. – С. 128–130.
8. Democracy Index 2024 // Economist Group. – URL: <https://www.eiu.com/n/campaigns/-democracy-index-2024/> (date of access: 21.10.2024).
9. Демичев, Д. М. Конституционное право : учебник для студентов вузов по специальностям «Правоведение», «Экономическое право», «Политология» / Д. М. Демичев. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2012. – 416 с.

REFERENCES

1. Global Terrorism Index 2024: Measuring the Impact of Terrorism // Institute for Economics and Peace. – URL: <http://visionofhumanity.org/reports> (date of access: 21.10.2024).
2. Schmidt, A. P. Defining Terrorism / A. P. Schmidt. – The Hague : The International Centre for Counter-Terrorism, 2023. – 50 p.
3. Segeler, S. Invisible Armies: Terrorism into the 1990's / S. Segeler. – San Diego : Harcourt Brace Jovanovich, 1987. – P. 11–13.
4. Ol'shanskij, D. V. Psikhologija tierrorizma / D. V. Ol'shanskij. – SPb. : Pitier, 2002. – 286 s.
5. Vitiuk, V. V. «Lievyy» tierrorizm na zapadie: istorija i sovriemiennost' / V. V. Vitiuk, S. A. Jefirov. – M. : Nauka, 1987. – 263 s.
6. Antonian, Ju. M. Etnorieligioznyj tierrorizm / Ju. M. Antonian, G. I. Bielokurov, A. K. Boko-vikov. – M. : Aspiekt-Press, 2006. – 318 s.
7. Jankovoj, N. L. Britanskaja model' kontrtierroristichieskoj diejatiel'nosti / N. L. Jankovoj // Vlast'. – 2010. – № 10. – S. 128–130.
8. Democracy Index 2024 // Economist Group. – URL: <https://www.eiu.com/n/campaigns/-democracy-index-2024/> (date of access: 21.10.2024).
9. Diemichiev, D. M. Konstitucionnoje pravo : uchiebnik dlia studentov vuzov po spicial'nostiam «Pravoviedienije», «Ekonomichieskoje pravo», «Politologija» / D. M. Diemichiev. – Minsk : Adukacyja i vykhavannie, 2012. – 416 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 26.03.2025

Юй Ян

аспирант 2-го года обучения каф. международных отношений
Белорусского государственного университета

Yu Yang

2-nd Year Postgraduate Student of the Department of International Relations
of Belarusian State University
[e-mail: yuy251471@gmail.com](mailto:yuy251471@gmail.com)

АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНОГО ИЗМЕРЕНИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На протяжении последних десятилетий наблюдается усиление межрегионального сотрудничества. Региональный фактор оказывает влияние на происходящий в настоящее время процесс формирования новых макрорегионов, а также на внешнюю политику трех дружественных государств: Республики Беларусь, Китайской Народной Республики и Российской Федерации. В этой связи представляется важным провести анализ регионального измерения внешней политики этих государств с учетом реализации всепогодности и всестороннего стратегического партнерства между Беларусью и Китаем, всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия между Россией и Китаем, а также договоренностей в рамках Союзного государства Беларуси и России. Для достижения поставленной задачи будут исследованы научные труды ведущих белорусских, китайских и российских ученых и экспертов по вопросам политического регионализма, рассмотрены наиболее успешно реализованные двусторонние межрегиональные проекты, а также определены перспективные проекты, которые могут быть реализованы государствами в ближайшей и краткосрочной перспективе. Фокусируется внимание на необходимости использования искусственного интеллекта в международных отношениях и дипломатии, которые оказывают непосредственное влияние на развитие межрегионального взаимодействия.

Ключевые слова: региональное измерение, политический анализ, Беларусь, Китай, Россия, искусственный интеллект.

Analysis of the Regional Dimension in the Foreign Policy of the Republic of Belarus, the People's Republic of China and the Russian Federation

Over the past several decades, there has been an increase in interregional cooperation in the world. The regional factor influences the ongoing process of forming new macroregions, as well as the foreign policy of three friendly states – the Republic of Belarus, the People's Republic of China and the Russian Federation. In this regard, it is important to analyze the regional dimension of the foreign policy of the above-mentioned states, taking into account the implementation of all-weather and comprehensive strategic partnership between Belarus and China, comprehensive partnership and strategic interaction between Russia and China, as well as agreements within the Union State of Belarus and Russia. To achieve this objective, the scientific works of leading Belarusian, Chinese and Russian scientists and experts on political regionalism will be studied, the most successfully implemented bilateral interregional projects will be considered, and promising projects that can be implemented by states in the near and short term will be identified. Along with this, the article focuses on the need to use artificial intelligence in international relations and diplomacy, which have a direct impact on the development of interregional interaction.

Key words: regional dimension, political analysis, Belarus, China, Russia, artificial intelligence.

Введение

В современной науке значительное внимание уделяется исследованиям в области политического регионализма. Организация

Научный руководитель – Руслан Олегович Есин, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой комплексного изучения развития КНР Белорусского государственного университета

Объединенных Наций является ключевой площадкой для обсуждения международной региональной проблематики. Еще 5 мая 2015 г. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла резолюцию 69/277 «Политическая декларация об укреплении сотрудничества между Организацией Объединенных Наций и региональными и субрегиональными организациями». По мнению Генерального секретаря ООН

Антониу Гутерриша, региональные и субрегиональные организации являются неотъемлемой частью поддержания мирового порядка, основанного на правилах [1].

Наряду с этим вопросы, связанные с формированием макрорегионов и межрегиональных каналов взаимодействия, находятся в фокусе внимания ведущих политиков и ученых, в т. ч. из Беларуси, Китая и России. Так, доктор политических наук, профессор Р. О. Есин считает, что регионализм представляет собой комплексный принцип реализации экономических, экономических, социальных и других общенациональных, региональных и местных интересов в широких пределах [2]. Китайский ученый Ван Юйсюэ считает, что сегодня важно сосредоточиться на региональной политике, изучать и анализировать важные вопросы международных отношений с точки зрения региональных систем и внутрирегионального взаимодействия [3].

Российские исследователи О. В. Плотнова, С. К. Песцов и другие также проводили исследования в области политического регионализма.

«Район – это особая экономически законченная область страны. Такая область в силу своих природных особенностей, прошлых культурных накоплений, населения и его производительных сил становится звеном в общей цепи народного хозяйства», – именно такое определение понятия «район» было сформулировано еще в 1922 г. Комиссией по экономическому районированию ВЦИК (Всероссийский центральный исполнительный комитет) [4]. Время не стоит на месте. «В постоянно меняющейся международной ситуации целесообразней использовать термин “сбалансированный регионализм”, под которым понимается новое научное направление, включающее в себя сбалансированное сочетание элементов теорий “мягкого” и “жесткого” регионализма для обеспечения гибкости в реализации внешней политики государства», – отмечает в своем диссертационном исследовании белорусский ученый Р. О. Есин [2].

Цель статьи – на основе анализа регионального измерения во внешней политике Республики Беларусь, Китайской Народной Республики и Российской Федерации определить перспективные направления трехстороннего взаимодействия вышеупомянутых дружественных государств,

а также раскрыть основные контуры потенциала искусственного интеллекта в современной дипломатии.

Основная часть

Белорусский взгляд на политический регионализм. Республика Беларусь расположена в центре Европы на перекрестке транспортных путей между странами Восточной и Западной Европы и государствами Черноморского и Балтийского регионов. Традиционно геополитические процессы, происходящие в Европе и в мире в целом, оказывают серьезное влияние на жизнь белорусского народа и на внутривнутриполитические процессы. Неслучайно, что нынешняя внешняя политика суверенной Республики Беларусь ориентирована на многовекторное и сбалансированное сотрудничество с Востоком и Западом, Севером и Югом. «Сотрудничество регионов – прочный фундамент двусторонних отношений... Беларусь выступает за поиск новых региональных форматов, в т. ч. за продвижение идей “интеграции интеграций” и большого евразийского партнерства», – отметил Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в своем докладе на VI Всебелорусском народном собрании [5].

Повышенное внимание руководства Беларуси к сотрудничеству на региональном уровне является важным элементом защиты национальных интересов государства с учетом недружественных действий со стороны ряда стран коллективного Запада. В Концепции Национальной безопасности Республики Беларусь констатируется, что «в экономической сфере основными национальными интересами являются: создание условий для сбалансированного развития регионов; решительное отстаивание национальных интересов в рамках международных организаций, объединений и союзов, в т. ч. регионального характера, содействие укреплению авторитета Республики Беларусь и позиций этих структур в системе международных отношений» [6].

На протяжении нескольких десятилетий региональное сотрудничество выступает в качестве одного из наиболее эффективных способов укрепления приграничного и межрегионального взаимодействия между Республикой Беларусь и Российской Федерацией. Правовой основой белорусско-российского взаимодействия является под-

писанный 8 декабря 1999 г. руководителями Беларуси и России Договор о создании Союзного государства. Белорусские, российские ученые и исследователи из других государств подробно изучают соответствующие процессы и их влияние на дальнейшее развитие регионального сотрудничества на различных интеграционных площадках. Так, декан факультета международных отношений Белорусского государственного университета, кандидат политических наук, доцент Е. А. Достанко в своем докладе на Международной конференции «Современные интеграционные процессы и Республика Беларусь: европейский и евразийский контекст. Белорусская политология: многообразие в единстве – VI» акцентирует внимание на том, что «региональные интеграционные объединения оказывают все большее влияние и определяют во многом будущее мирового развития» [7].

Политический диалог со странами Европейского союза можно охарактеризовать как подъем и спуск альпинистов. Несмотря на то что с 1992 г. осуществляется дипломатическое взаимодействие Республики Беларусь со странами ЕС, периодически озвучиваемые критические заявления европейских политиков в отношении политического курса Беларуси и вводимые санкции существенно сужают возможности для приграничного и межрегионального сотрудничества. Например, сопредельные с Беларусью страны Европейского союза (Польша, Литва и Латвия) постепенно стали закрывать контрольно-пропускные пункты на своих границах. В итоге между Беларусью и тремя сопредельными странами Евросоюза работают только пять пунктов пропуска из 14 [8].

«Несмотря на ту непонятную политику, которую проводит Европейский союз, там найдутся здравомыслящие люди, которые сумеют сохранить Европейский Союз и наладить отношения, в т. ч. и с нами, с Россией», – заявил белорусский лидер [9].

Азиатское направление в нынешних геополитических реалиях представляет особый интерес для Беларуси. Традиционно ключевым направлением внешней политики Беларуси в Азии является углубление стратегического партнерства с Китаем. Две страны создали механизм регулярных визитов на высоком уровне в рамках двустороннего всестороннего и всеобъемлющего

стратегического партнерства. Кроме того, две страны объединили усилия по созданию Китайско-белорусского индустриального парка «Великий камень». Шанхайская организация сотрудничества, членом которой Республика Беларусь совсем недавно стала, открывает новые возможности для межрегионального взаимодействия Беларуси и Китая. Формат БРИКС и АСЕАН также важно использовать для дальнейшей активизации диалога Беларуси с дружественными странами, входящими в эти региональные объединения.

В последнее десятилетие во внешней политике Республики Беларусь четко просматривается стремление к более конструктивному взаимодействию со странами Африки, Латинской Америки и Ближнего Востока. Наиболее активно развиваются контакты с такими государствами, как Зимбабве, Египет, Нигерия, ЮАР, Бразилия, Куба, Венесуэла, ОАЭ, Катар и др. В большинстве из этих государств работают белорусские дипломатические представительства.

Глава белорусского государства регулярно осуществляет визиты в страны указанных регионов, в частности, в Зимбабве, Экваториальную Гвинею, Кению. Дополнительные возможности на африканском направлении открываются с подписанием меморандума о взаимопонимании между Национальным собранием Республики Беларусь и Панафриканским парламентом [10].

Китайский взгляд на политический регионализм. Региональное сотрудничество всегда было важной частью внешней политики Китайской Народной Республики. В докладе XX съезда КПК подчеркивается: «Китай придерживается правильного направления экономической глобализации, содействует либерализации и упрощению торговли и инвестиций, развивает двустороннее, региональное и многостороннее сотрудничество и содействует координации международной макроэкономической политики» [11] В этой связи важно отметить роль китайских ученых в проведении исследований по вопросам внешней политики КНР в различных регионах мира. Так, профессор Чжан Юньлин считает, что с точки зрения политических ориентаций различных стран региональное сотрудничество можно условно разделить на три категории: двусторонний выбор, который основан на признании интересов обеих сторон; почти

региональный выбор, который является наиболее распространенным типом соглашения; выбор стратегических интересов, который не ограничивается одним геополитическим регионом [12].

Председатель КНР Си Цзиньпин на праздновании 50-летия восстановления законного места Китая в Организации Объединенных Наций в 2021 г. подчеркнул: «Нам следует укреплять сотрудничество и совместно решать различные вызовы и глобальные проблемы, стоящие перед человечеством. Региональные споры и глобальные проблемы, такие как терроризм, изменение климата, кибербезопасность и биобезопасность, стоят перед международным сообществом. Эффективное решение этих проблем возможно только путем формирования более инклюзивного глобального управления, более эффективных многосторонних механизмов и более активного регионального сотрудничества» [13].

Традиционно внешняя политика Китая ориентирована на развитие тесных контактов с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона. Проведение международных мероприятий (например, выставки «Китай – АСЕАН») открывает новые возможности для укрепления соседских отношений и дальнейшего развития сотрудничества в регионе. Так, на протяжении ряда последних лет Китай и Россия реализуют «План сотрудничества и развития Китайской Народной Республики и Российской Федерации на Дальнем Востоке России». По мнению Председателя КНР Си Цзиньпина, «мы должны придерживаться политики добрососедства, искренности, взаимной выгоды и инклюзивности в нашей дипломатии, быть дружелюбными и партнерскими с нашими соседями, углублять дружбу, взаимное доверие и интеграцию интересов с соседними странами» [11]. Создание Шанхайской организации сотрудничества открыло новые возможности для регионального сотрудничества между Китаем и другими дружественными государствами.

Участие европейских стран в текущем региональном сотрудничестве также важно для Китая. Особое место с 1998 г. отводится такому формату, как встреча лидеров Китая и ЕС.

Кроме того, инициатива «Один пояс – один путь» охватывает не только азиатский, африканский, но и европейский континен-

ты. Так, в 2024 г. Китай и Беларусь подписали «План сотрудничества между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Республики Беларусь по усилению сопряжения инициативы “Один пояс – один путь” с Национальной стратегией устойчивого социально-экономического развития Беларуси» [14].

Растет уровень сотрудничества Китая с африканскими государствами: китайские компании активно участвуют в реализации крупных инвестиционных проектов в Африке. Наиболее динамично осуществляется взаимодействие с такими странами, как Намибия, Нигерия и др. Стороны также создали механизм Форума сотрудничества Китай – Африка.

Российский взгляд на политический регионализм. Россия охватывает Евразийский континент, имеет стратегическое географическое положение и граничит со многими странами. Регионализм России оказывает очень важное влияние на российский дипломатический процесс. Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем выступлении на пленарном заседании XXV Петербургского международного экономического форума отметил, что «речь идет об объективных процессах, поистине революционных, структурных изменениях в сфере геополитики, мировой экономики, технологий и всей системы международных отношений, в которых существенно возрастает роль динамичных, перспективных стран и регионов, интересы которых невозможно игнорировать» [15]. Россия хочет сохранить свою традиционную сферу влияния, расширить свое стратегическое пространство и уравновесить давление Запада и поэтому проводит независимую и диверсифицированную внешнюю политику.

В нынешней геополитической ситуации постсоветское пространство является одним из приоритетов во внешней политике России. «Содружество Независимых Государств рассматриваем как неотъемлемый элемент поддержания мира и стабильности на обширном евразийском пространстве», – констатирует российский лидер [16].

Другой важной региональной организацией является Евразийский экономический союз (ЕАЭС), созданный для углубления экономического сотрудничества. В последние годы заметно активизировалось сотрудничество по линии Союзного государ-

ства Беларуси и России. Так, в рамках Основных направлений реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 гг. осуществляется реализация 28 союзных программ [17].

Политический диалог между Россией и Европой характеризовался «конфронтацией и ограниченным сотрудничеством». Однако российская сторона положительно реагирует на предложения партнеров из Европы, заинтересованных в скорейшем восстановлении двустороннего взаимодействия. Например, в 2025 г. венгерский министр иностранных дел и внешнеэкономических связей Петер Сийярто подчеркнул, что стороны договорились «об укреплении сотрудничества между Венгрией и Россией, что, несомненно, отвечает венгерским интересам, поскольку безопасность поставок энергоносителей в Венгрию во многом зависит от сотрудничества с Россией» [18].

Азиатские государства и в целом регион являются важными партнерами России. Введение санкций коллективного Запада в отношении России привело к активизации сотрудничества российских компаний с партнерами в этом регионе, в частности с Китаем и Индией. Придание дополнительного импульса развитию Дальнего Востока способствовало усилению приграничного сотрудничества с китайскими провинциями Хэйлуцзян, Цзилинь и Ляонин. Российский ученый В. А. Денисенко считает, что «в настоящее время имеются российско-китайские проекты не только в ресурсной отрасли. В рамках нового этапа двустороннего сотрудничества Россия открыла доступ инвестициям Китая в сферах энергетической и высоких технологий» [19].

Стратегические инициативы России на Ближнем Востоке, в Северной Америке, Африке и Латинской Америке отражают ее стремление изменить свое мировое влияние, однако оно также ограничено геополитическими конфликтами и недостатком силы. Североамериканское направление отражает черты «структурного противостояния».

Искусственный интеллект в контексте научного исследования ключевых аспектов политического регионализма. Наряду с традиционно используемыми методами и способами при проведении анализа влияния регионального фактора на внешнеполитическую стратегию государ-

ства в последнее время эксперты стали активно пользоваться возможностями искусственного интеллекта. Во время посещения в 2023 г. международной выставки «Беларусь интеллектуальная» Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко особо подчеркнул важность развития сферы искусственного интеллекта и особую роль микроэлектроники. По словам Главы белорусского государства, «если мы хотим быть великим с точки зрения интеллекта, цивилизованным государством, – это основа, будущее» [20].

Также важно учитывать позицию России по этому направлению. «Конечно, искусственный интеллект – это важнейший инструмент развития. И один из наших приоритетов, прежде всего в сфере экономики, но не только, и в других областях, – это развитие искусственного интеллекта», – заявил российский лидер во время пленарной сессии дискуссионного клуба «Валдай» [21].

Что касается Китая, то еще в 2017 г. Госсовет КНР принял План развития искусственного интеллекта нового поколения, в котором сформулированы идеология, стратегические цели, ключевые задачи и гарантии развития искусственного интеллекта для будущего поколения в Китае к 2030 г. Это свидетельствует о том, что все три страны придают большое значение влиянию искусственного интеллекта в современном мире.

Искусственный интеллект может быть использован и в сфере дипломатии:

1) интеллектуальные алгоритмы (программы искусственного интеллекта могут обрабатывать текстовые данные дипломатической и консульской переписки, переводить объемные тексты и извлекать из них полезную информацию);

2) общение с ИИ (ИИ может имитировать дипломатические переговоры, повысить дипломатические навыки и навыки преодоления трудностей, содействовать цифровой трансформации дипломатии);

3) хобот (континуум-робот – новый тип бионического робота, который имитирует механизм движения органов животных в природе, таких как хобот слона и щупальца осьминога; он не имеет независимых соединений, но им можно манипулировать посредством непрерывной и гибкой деформации).

Китайский исследователь Юй Шицзе из Нанкинского университета аэронавтики и астронавтики провел эксперимент по созданию бионической гибкой роботизированной руки на основе структурных характеристик распределения естественных мышц хобота слона для удовлетворения потребностей аэрокосмической промышленности. Разработан конечный эффектор, способный захватывать мягкие предметы и предметы с сильно изогнутыми поверхностями [22].

Как представляется, гибкая бионическая роботизированная рука в виде слоновьего хобота имеет большой потенциал для будущего применения в межрегиональном торговом сотрудничестве. Он также может быстро менять положение в зависимости от различных условий работы и задач, повышая эффективность погрузки и разгрузки, предлагая инновационное решение проблемы погрузки и разгрузки грузов между тремя дружественными государствами.

Заключение

Таким образом, Республика Беларусь продолжает уделять повышенное внимание развитию контактов с регионами России, Китая и других дружественных государств. Санкционная политика коллективного Запада дала толчок расширению взаимодействия Беларуси со странами Азии, Африки, Латинской Америки и других регионов, особенно углублению стратегического партнерства с Китаем. Наряду с развитием приграничного и межрегионального взаимодействия заметно выросло значение Беларуси в международных региональных организациях. Это позитивно отражается на модернизации внешней политики и дипломатии Республики Беларусь.

Китай рассматривает региональное сотрудничество как один из важнейших компонентов современной внешней политики государства, что соответствует концепции многостороннего сотрудничества. Китай активно развивает диалог как с соседними государствами, расположенными в Юго-Восточной, Северо-Восточной и Центральной Азии, так и с регионами дружественных по отношению к КНР государств,

включая Беларусь и Россию. Инициатива «Один пояс – один путь» расширяет пространство сотрудничества с другими странами, расположенными в разных уголках мира.

Российская Федерация проводит самостоятельный внешнеполитический курс, ориентированный на сохранение позиций России на постсоветском пространстве, углублении интеграционных процессов с Беларусью и другими государствами – членами СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС и др.

При этом странам коллективного Запада демонстрируется готовность вернуться к конструктивному диалогу, но с учетом национальных интересов российского народа и изменившейся геополитической ситуации.

Дальнейшее развитие дальневосточных регионов России и расширение их контактов с партнерами из Китая, Индии и других государств способствовало достижению за короткий промежуток времени серьезных положительных результатов, прежде всего на экономическом и образовательном направлениях. Также расширяется взаимодействие России с рядом стран Ближнего Востока, Северной Америки, Африки и Латинской Америки. Такого положительного результата в сложных геополитических реалиях российская сторона смогла достичь за счет реализации многорегиональной дипломатии.

Беларусь, Китай и Россия придают большое значение развитию сотрудничества между регионами и в двустороннем формате. Большой потенциал имеет трехсторонний формат межрегионального сотрудничества, который еще больше укрепит дружбу и партнерство между белорусским, китайским и российским народами, а также будет способствовать региональной и мировой стабильности.

Важно продолжить внедрять в политическую и дипломатическую работу и использовать при моделировании политических и дипломатических сценариев возможности искусственного интеллекта (использование «хоботов»).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Генеральный секретарь ООН: региональные и субрегиональные организации играют важную роль в поддержании мирового порядка, основанного на правилах // Новости ООН. – URL: <https://news.un.org/zh/story/2018/12/1024351/> (дата обращения: 20.04.2025).
2. Есин, Р. О. Политика трансграничного сотрудничества Республики Беларусь в европейской перспективе: региональное измерение : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.04 / Есин Руслан Олегович ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2011. – 274 л.
3. 王学玉. 地区政治与国际关系研究 / 王学玉 // 世界经济与政治. – 2010. – № 4. – P. 36–53. = Ван Сюэюй. Исследования по региональной политике и международным отношениям / Ван Сюэюй // Мировая экономика и политика. – 2010. – № 4. – С. 36–53.
4. 区域概念的界定 // 中国社会科学年鉴数据库 = Определение понятия региона // База данных китайского ежегодника социальных наук. – URL: <https://www.eyearbook.cn/xkfbzg/article-Info?zid=sect2.151&bookcode=ZGJXN2009> (дата обращения: 20.04.2025).
5. Доклад Президента Беларуси на VI Всебелорусском народном собрании // Президент Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/shestoe-vsebelorusskoe-narodnoe-sobranie> (дата обращения: 20.04.2025).
6. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924-v0005> (дата обращения: 20.04.2025).
7. Достанко, Е. А. Участие Беларуси в евразийских интеграционных процессах / Е. А. Достанко // «Современные интеграционные процессы и Республика Беларусь: европейский и евразийский контекст. Белорусская политология: многообразие в единстве – VI» : тез. докл. VI междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 15–16 мая 2014 г. : в 2 ч. / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: В. Н. Ватыль (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2014. – Ч. 1. – С. 167–170.
8. Более трех тысячи фур и легковушек стоят на границе Беларуси с ЕС // Российская газета. – URL: <https://sputnik.by/20250506/bolee-trekh-tysyachi-fur-i-legkovushek-stoyat-na-granitse-belarusi-s-es-1095990194.html> (дата обращения: 21.04.2025).
9. Лукашенко: Европа будет процветать, если установит хорошие отношения с Россией // БелТА. Новости Беларуси. – URL: <https://belta.by/president/view/lukashenko-evropa-budet-protsvetat-esli-ustanovit-horoshie-otnosheniya-s-rossiej-700211-2025/> (дата обращения: 21.04.2025).
10. Национальное собрание Беларуси и Panaфриканский парламент подписали меморандум о сотрудничестве // БелТА. Новости Беларуси. – URL: <https://belta.by/politics/view/natsionalnoe-sobranie-belarusi-i-panafrikanskij-parlament-podpisali-memorandum-o-sotrudnichestve-673414-2024/> (дата обращения: 22.04.2025).
11. 中国政府网 = Государственный совет КНР. – URL: <https://www.gov.cn/zhuanti/zggcd-descqgdbdh/sybgqw.htm> (дата обращения: 22.04.2025).
12. 张蕴岭 : 区域合作新趋势与政治战略博弈 // 北京大学中外人文交流研究基地 = Чжан Юньлин: Новые тенденции в региональном сотрудничестве и политической стратегической игре // Институт глобального сотрудничества и взаимопонимания, Пекинский университет. – URL: <https://www.igcu.pku.edu.cn/info/1026/4927.htm> (дата обращения: 22.04.2025).
13. 习近平 : 加强合作 · 共同应对人类面临的各种挑战和全球性问题 // 中国政府网 = Си Цзиньпин: Укреплять сотрудничество для совместного решения различных вызовов и глобальных проблем, стоящих перед человечеством // Государственный совет КНР. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-10/25/content_5644769.htm (дата обращения: 22.04.2025).
14. Национальный комитет развития и реформ Китайской Народной Республики. – URL: https://www.ndrc.gov.cn/fzggw/wld/lss/zygz/202408/t20240826_1392603.html (дата обращения: 22.04.2025).
15. Путин заявил, что мир прежним уже не будет // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/politika/14952211> (дата обращения: 22.04.2025).
16. Путин назвал СНГ неотъемлемым элементом поддержания мира и стабильности // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/politika/19225613> (дата обращения: 20.04.2025).

17. ВГС утвердил Основные направления реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 годы // БелТА. Новости Беларуси. – URL: <https://belta.by/society/view/vgs-utverdil-osnovnyie-napravlenija-realizatsii-polozhenij-dogovora-o-sozdanii-sojuznogo-gosudarstva-na-612363-2024/> (дата обращения: 23.04.2025).

18. Россия завершила Венгрию в выполнении обязательств по поставкам энергии // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20250326/vengriya-2007472249.html> (дата обращения: 20.04.2025).

19. Денисенко, В. А. Китай и развитие дальневосточных регионов РФ: ожидания и действительность / В. А. Денисенко // Общество: политика, экономика, право. – 2020. – № 11. – С. 21–24.

20. Президент Беларуси Александр Лукашенко посетил выставку «Беларусь интеллектуальная» // Министерство здравоохранения Республики Беларусь. – URL: <https://minzdrav.gov.by/ru/sobytiya/prezident-belarusi-aleksandr-lukashenko-posetil-vystavku-belarus-intellektualnaya/> (дата обращения: 20.04.2025).

21. Путин заявил о важности суверенного искусственного интеллекта // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2024/11/07/putin-zaiavil-o-vazhnosti-suverennogo-iskusstvennogo-intellekta.htm> (дата обращения: 20.04.2025).

22. 于仕泽 用于航天狭小空间作业的仿生柔性机械臂：设计与实验:硕士学位论文. ... 工程学硕士/于仕泽; 南京航空航天大学·机械设计及其理论 – 南京, 2019年 – 106页 = Юй Шизе. Бионическая гибкая роботизированная рука для работы в ограниченном пространстве в космонавтике: проектирование и эксперимент : дис. ... магистра техн. наук / Юй Шизе; Нанкинский университет авиации и астронавтики. – Нанкин, 2019. – 106 л.

REFERENCES

1. Gienieral'nyj siekrietar' OON: riegiional'nyje i subriegional'nyje organizacii igrajut vazhnuju rol' v poddierzhanii mirovogo poriadka, osnovannogo na pravilakh // Novosti OON. – URL: <https://news.un.org/zh/story/2018/12/1024351/> (data obrashchijenija: 20.04.2025).

2. Jesin, R. O. Politika transgranichnogo sotrudnichestva Riespubliki Bielarus' v jevropiejskoj pierspiektivie: riegiional'noje izmierienije : dis. ... d-ra polit. nauk : 23.00.04 / Jesin Ruslan Oliegovich; Bielorus. gos. un-t. – Minsk, 2011. – 274 l.

3. 王学玉. 地区政治与国际关系研究/ 王学玉 // 世界经济与政治. – 2010. – № 4. – P. 36–53. = Van Siuejij. Issliedovanija po riegiional'noj politike i miezhdunarodnym otnoshenijam / Van Siuejij // Mirovaja ekonomika i politika. – 2010. – № 4. – S. 36–53.

4. 区域概念的界定 // 中国社会科学年鉴数据库 = Opriedielienije poniatija riegiiona // Baza dannyx kitajskogo jezhegodnika social'nykh nauk. – URL: <https://www.eyearbook.cn/xkfbg/articleInfo?zid=sect2.151&bookcode=ZGJJXN2009> (data obrashchijenija: 20.04.2025).

5. Doklad Priezidenta Bielarusi na VI Vsiebieloruskom narodnom sobranii // Priezident Riespubliki Bielarus'. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/shestoe-vsebeloruskoe-narodnoe-sobranie> (data obrashchijenija: 20.04.2025).

6. Koncepcija nacional'noj biezopasnosti Riespubliki Bielarus' // Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Riespubliki Bielarus'. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005> (data obrashchijenija: 20.04.2025).

7. Dostanko, Je. A. Uchastije Bielarusi v jevraziiskikh integracionnykh processakh / Je. A. Dostanko // «Sovriemiennye integracionnyje processy i Riespublika Bielarus': jevropiejskij i jevraziiskij kontiekt. Bieloruskaja politologija: mnogoobrazije v jedinstvie – VI»: tez. dokl. VI miezhdunar. nauch.-prakt. konf., Grodno, 15–16 maja 2014 g. : v 2 ch. / GrGU im. Janki Kupaly; riedkol.: V. N. Vatył' (gl. ried.) [i dr.]. – Grodno : GrGU, 2014. – Ch. 1. – S. 167–170.

8. Bolieje triokh tysyachi fur i liegkovushek stojat na granice Bielarusi s JeS // Rossiiskaja gazieta. – URL: <https://sputnik.by/20250506/bole-trekh-tysyachi-fur-i-legkovushek-stoyat-na-granitse-belarusi-s-es-1095990194.html> (data obrashchijenija: 21.04.2025).

9. Lukashenko: Jevropa budiet procvietat', jesli ustanovit khoroshije otnoshenija s Rossiej // BelTA. Novosti Bielarusi. – URL: <https://belta.by/president/view/lukashenko-evropa-budet-protsvetat-esli-ustanovit-horoshie-otnoshenija-s-rossiej-700211-2025/> (data obrashchienija: 21.04.2025).

10. Nacional'noje sobranije Bielarusi i Panafrickanskij parlament podpisali miemorandum o sotrudnichestvie // BelTA. Novosti Bielarusi. – URL: <https://belta.by/politics/view/natsionalnoe-sobranie-belarusi-i-panafrikanskij-parlament-podpisali-memorandum-o-sotrudnichestve-673414-2024/> (data obrashchienija: 22.04.2025).

11. 中国政府网 = Gosudarstviennyj soviet KNR. – URL: <https://www.gov.cn/zhuanti/zggcdde-scqgdbdh/sybgqw.htm> (data obrashchienija: 22.04.2025).

12. 张蕴岭：区域合作新趋势与政治战略博弈 // 北京大学中外人文交流研究基地 = Chzhan Jun'lin: Novyje tendencii v riegional'nom sotrudnichestvie i politichieskoj strategichieskoj igre // Institut global'nogo sotrudnichestva i vzaimoponimaniya, Piekinskij univiersitet. – URL: <https://www.igcu.pku.edu.cn/info/1026/4927.htm> (data obrashchienija: 22.04.2025).

13. 习近平：加强合作，共同应对人类面临的各种挑战和全球性问题//中国政府网 = Si Czin'pin: Ukriepliat' sotrudnichestvo dlja sovmiestnogo rieshenija razlichnykh vyzovov i global'nykh problem, stojashchikh pieried chieloviechestvom // Gosudarstviennyj soviet KNR. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-10/25/content_5644769.htm (data obrashchienija: 22.04.2025).

14. Nacional'nyj komitet razvitija i rieform Kitajskoj Narodnoj Riespubliki. – URL: https://www.ndrc.gov.cn/fzggw/wld/lss/zygz/202408/t20240826_1392603.html (data obrashchienija: 22.04.2025).

15. Putin zajavil, chto mir priezhnim uzhe nie budiet // TASS. – URL: <https://tass.ru/politika/14952211> (data obrashchienija: 22.04.2025).

16. Putin nazval SNG nieotjemliemym eliemantom poddierzhanija mira i stabil'nosti // TASS. – URL: <https://tass.ru/politika/19225613> (data obrashchienija: 20.04.2025).

17. VGS utvierdil Osnovnyje napravlenija realizacii polozhenij Dogovora o sozdanii Sojuznogo gosudarstva na 2024–2026 gody // BelTA. Novosti Bielarusi. – URL: <https://belta.by/society/view/vgs-utverdil-osnovnye-napravlenija-realizatsii-polozhenij-dogovora-o-sozdanii-sojuznogo-gosudarstva-na-612363-2024/> (data obrashchienija: 23.04.2025).

18. Rossija zavierila Viengriju v vypolnienii obiazatel'stv po postavkam energii // RIA Novosti. – URL: <https://ria.ru/20250326/vengriya-2007472249.html> (data obrashchienija: 20.04.2025).

19. Dienisienko, V. A. Kitaj i razvitije dal'nievostochnykh riegionov RF: ozhidaniya i diejstvitel'nost' / V. A. Dienisienko // Obschiestvo: politika, ekonomika, pravo. – 2020. – № 11. – S. 21–24.

20. Priezidient Bielarusi Alieksandr Lukashenko posetil vystavku «Bielarus' intielliektual'naja» // Ministierstvo zdravookhranienija Riespubliki Bielarus'. – URL: <https://minzdrav.gov.by/ru/sobytiya/-prezident-belarusi-aleksandr-lukashenko-posetil-vystavku-belarus-intellektualnaya/> (data obrashchienija: 20.04.2025).

21. Putin zajavil o vazhnosti suvieriennogo iskusstviennogo intielliekta // Rossijskaja gazieta. – URL: <https://rg.ru/2024/11/07/putin-zaiavil-o-vazhnosti-suverennogo-iskusstvennogo-intellekta.htm> (data obrashchienija: 20.04.2025).

22. 于仕泽 用于航天狭小空间作业的仿生柔性机械臂：设计与实验:硕士学位论文. ... 工程学硕士/于仕泽；南京航空航天大学，机械设计及理论 – 南京，2019年 – 106页 = Juj Shize. Bionichieskaja gibkaja robotizirovannaja ruka dlja raboty v ogranichenom prostranstvie v kosmonavtikie: projektirovanije i ekspierimient : dis. ... magistra tiekhn. nauk / Juj Shize ; Nankinskij univiersitet aeronavtiki i astronavtiki, – Nankin, 2019. – 106 l.

Лариса Григорьевна Титаренко

*д-р социол. наук, проф., проф. каф. социологии
Белорусского государственного университета*

Larisa Titarenko

*Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology
of Belarusian State University*

e-mail: larissa@bsu.by

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РИСКИ ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ*

Определены особенности восприятия студенчеством инновационных процессов развития общества и связанные с ними риски гуманитарной безопасности; дана типология студенчества по критерию его отношения к этим рискам и цифровым инновациям; раскрыты факторы, обусловившие абсолютизацию студентами цифровых средств обучения и недооценку социально-гуманитарных ценностей. Особое внимание уделяется рекомендациям учреждениям высшего образования, ориентированным на минимизацию указанных рисков и совершенствованию образовательного процесса в условиях цифровизации.

Ключевые слова: *инновационное развитие Беларуси, информационные технологии, гуманитарная безопасность, студенчество, риски, практические рекомендации.*

Educational Risks of Humanitarian Security: Practical Recommendations for their Prevention in the Sphere of Education

The article defines the features of students' perception of innovative processes of social development, identifies the associated risks of humanitarian security, provides a typology of students according to the criterion of their attitude to these risks and digital innovations, and reveals the factors that led to students' absolutization of digital learning tools and underestimation of social and humanitarian values. Particular attention is paid to recommendations addressed to higher education institutions aimed at minimizing the above risks and improving the entire educational process in the context of digitalization.

Key words: *innovative development of Belarus, digital technologies, students, humanitarian security, risks, practical recommendations.*

Введение

Во всем мире цифровая трансформация ведет к росту цифровых и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в экономике, науке, повседневной жизнедеятельности человека, повышает уровень жизненного комфорта, снижает затраты времени и материальных ресурсов за счет использования новых технологий, создания и потребления цифровых услуг. В Республике Беларусь цифровая трансформация относится к числу приоритетов развития научно-технической и инновационной деятельности [1]. Однако двойственность цифровизации вызывает не только технические

риски, но и риски гуманитарного характера, включая манипуляцию сознанием и поведением людей. В современном обществе быстрое развитие технических и технологических инноваций существенно опережает развитие социальных процессов и разработку гуманитарных технологий, что создает реальные проблемы и риски.

В рамках Государственной программы научных исследований Республики Беларусь кафедра социологии Белорусского государственного университета выполняла задание по исследованию особенностей восприятия студенческой молодежью инновационного развития нашего общества и тех рисков гуманитарной безопасности для страны, которые были порождены использованием цифровых технологий. В условиях нарастающей значимости цифровой

---

*Статья подготовлена при финансовой поддержке ГПНИ Республики Беларусь (задание 4.08.2, НИР № 696/97).

трансформации белорусского общества и значительного проникновения цифровизации в образовательный процесс данная тема чрезвычайно актуальна.

Среди сфер применения цифровых инноваций важное место занимает сфера образования, на которую ИКТ оказывают огромное влияние, поскольку в качестве одного из субъектов действия она включает молодое поколение, чье мировоззрение еще полностью не сформировано, а личный опыт и знания недостаточны для критического анализа противоречивых социальных процессов и явлений, происходящих в социуме [2]. Молодежь по своей природе больше подвержена рискам, поэтому требует особого внимания государственных институтов. Борьба за влияние на молодежное сознание – это борьба за будущее нашего общества.

Цель статьи – раскрыть особенности процесса цифровизации в сфере высшего образования, которые продуцируют у студенчества риски социально-гуманитарного характера.

Задачи статьи:

- 1) раскрыть гносеологические и социальные факторы рискогенности цифровизации образовательной сферы;
- 2) обозначить основные риски гуманитарного характера;
- 3) дать практические рекомендации по минимизации указанных цифровых рисков в сфере образования.

Материалы и методы

Теоретические подходы к изучению поставленной проблемы основаны на концепциях цифровой трансформации общества, к которым можно отнести теории А. Тоффлера, Й. Масуды, постиндустриальное общество Д. Белла и информационное общество М. Кастельса [3–6]. В определении молодежи как субъекта и объекта цифровых трансформаций в сфере образования мы используем рискологическую концепцию молодежи, разработанную Ю. А. Зубок, согласно которой риск – это сущностное свойство молодежи, которое всегда реализуется в процессе инновационной деятельности этой социальной группы. Он социально обусловлен переходным состоянием данной группы и усилен этапом цифровой трансформации [7].

Эмпирическая база исследования включала два республиканских опроса студентов, а также дополнительные исследования студентов и преподавателей, проведенные другими методами. Первый опрос проведен в марте – апреле 2021 г. ($n = 1733$) и был посвящен оценке студенчеством внедрения дистанционных форм обучения, а также влияния цифровизации на разные стороны студенческой жизнедеятельности.

Второй опрос, проведенный в 2022 г. ($n = 2666$), подтвердил основные результаты, полученные в 2021 г., т. е. высокий уровень владения базовыми цифровыми технологиями и абсолютизация роли ИКТ в обществе [8; 9]. Так, умение работать с ИКТ было оценено студентами на 4,5 балла по шкале, где 1 – низкое умение, а 5 – очень высокое. Более половины студентов считали, что качество обучения с ИКТ повысилось, и только 10 % отметили, что качество образования снизилось.

Методы анализа материала – корреляционный, факторный анализ, сравнительный анализ; с их помощью была проведена типология студенчества по критерию их оценки роли ИКТ, выделены основные риски, связанные с цифровизацией.

Цифровая культура студентов

Одним из основных результатов исследования было обоснование вывода, что особенности цифровой культуры студенчества в значительной мере определяют специфику восприятия студентами инновационных технологий и их роль в обществе.

В эмпирических опросах был выявлен высокий уровень доверия ИКТ у студентов, мотивация на их широкое применение в учебе, работе, повседневной жизни и хорошее знание того, как оперировать этими технологиями. По результатам двух опросов, навыки овладения студентами различными цифровыми технологиями оказались выше, чем у других групп населения. При этом у студентов технических специальностей они были наиболее высокими [8]. В настоящее время эти знания и навыки поддерживаются и преумножаются, поскольку большинство студентов (до 80–90 %) используют искусственный интеллект, а следовательно, развивают свои знания ИКТ. Но поскольку молодежь уверена, что ИКТ быстрее развиваются на Западе, в их сознании формируются

заниженная оценка успехов своей страны, вплоть до желания уехать учиться и работать за рубеж, что перерастает уровень гуманитарного риска безопасности – становится миграционным риском.

Одна из причин высокого уровня доверия ИКТ (вплоть до абсолютизации их возможностей в достижении результатов в любой сфере деятельности) кроется в потенциале креативности, который несут инновационные технологии. Именно эта креативность помогает достигать с помощью ИКТ успехов в создании новых приборов и материалов, открытиям в экономике, медицине, биологии и т. п. Студенты интуитивно ощущают эти креативные возможности и погружаются в виртуальный мир, который обещает им множество удовольствий. Возможно, студенты близки в своих ощущениях к чувствам и ожиданиям изобретателей, проводящих множество времени в поисках того или иного технического решения, а потом испытывающих огромное удовлетворение от достигнутого [9].

Креативность инновационных технологий – основа возникающей у студентов гаджетовой аддиктивности сродни той, которую испытывают наркоманы или заядлые игроки. Неслучайно психологи считают чрезмерное увлечение ИКТ, компьютерными играми и социальными сетями опасными действиями, особенно для подростков, и рекомендуют ограничивать время на использование компьютера или телефона, чтобы молодые люди не поддались этой зависимости [10].

Противодействием этому риску может быть формирование у студентов цифровой культуры, без наличия которой и реализуются различные риски, присущие цифровизации и потенциально ведущие к снижению роли социально-гуманитарных знаний и ценностей. Цифровая культура включает в себя определенный уровень цифровых знаний, цифровые ценности, коммуникационные связи и цифровые навыки по использованию знаний ИКТ, а также специальные цифровые компетенции по практическому овладению ИКТ. Цифровая культура определяет также практику использования знаний, навыков и компетенций в той или иной сфере деятельности (в случае студентов – образовательной). Важно отметить, что цифровая культура не

едина, и в зависимости от субъекта и объекта приложения она может различаться и проявляться в «многообразии моделей, сформированных интеграцией цифровых технологий с другими формами знаний и деятельности» [11, с. 74]. Поэтому у студенчества она характеризуется спецификой цифровых компетенций. Они формируются на базе имеющихся цифровых знаний, но отличаются своей практической направленностью на применение существующих знаний к решению конкретных проблем, стоящих в той или иной сфере деятельности. Формируя у современного студенчества цифровую культуру и цифровые компетенции, система высшего образования подготавливает их не только к эффективной занятости в сфере экономики, но и к жизни в целом в новой, цифровой, реальности. Одновременно это означает, что творческий характер цифровой культуры может реализовываться через разные механизмы ее использования, например, от поиска оптимального технического решения реальной проблемы самим студентом в процессе обучения до полного переключивания креативного процесса на гаджет (как это может быть при написании с помощью ИИ курсовой или дипломной работы). В этом состоит опасность, которая неотделима от цифровой деятельности как компонента цифровой культуры. Проявление этой характеристики зависит от субъекта действия, т. е. студента, однако не всегда им контролируется осознанно по причине самой природы креативности [12]. Из этого следует, что использование ИКТ всегда креативно, но зависит от уровня знаний, мотивов, навыков студента. Важно, чтобы студенты имели фундаментальные научные знания в тех областях знания и практики, где они хотят применять ИКТ [9]. Студент должен знать принятые нормы работы с электронными ресурсами, включая соблюдение конфиденциальности персональных данных, разделять этические принципы информационной деятельности, соблюдать авторские права.

Учебные заведения не в состоянии сформировать у студентов полный набор цифровых компетенций, однако базовые принципы, понимание основ работы с ИКТ должны быть изучены в вузе. Поэтому обучение студентов цифровой культуре, оказание им помощи в овладении ИКТ с после-

дующим их использованием в цифровой экономике – актуальная задача высших учебных заведений.

Типология студентов по критерию восприятия роли ИКТ в обществе

Результаты кластерного анализа полученных эмпирических данных позволили выделить три разных модуса восприятия роли и значения ИКТ студентами, которые демонстрируют специфику восприятия молодежью цифровой трансформации. Эта специфика обусловлена доминирующей в их системе знаний и мировосприятия цифровой культурой и наглядно демонстрирует ее сильные и слабые стороны.

Первый кластер включил четверть опрошенных студентов. Он получил наименование *техно-оптимистического*, поскольку его представители были согласны с тем, что у цифровых технологий есть много позитивных характеристик и последствий их применения, а также не согласны с тем, что эти технологии продуцируют риски. Второй кластер, куда попали более трети студентов, назван *техно-пессимистическим*: респонденты были согласны с некоторыми позитивными возможностями ИКТ, но соглашались, что у технологий есть проблемы и риски, включая межличностную коммуникацию и здоровье. Самый большой (почти 40 %) третий кластер был назван *сомневающимися технооптимистами*: данная группа, как и первая, отмечала достоинства применения цифровых технологий в повседневной жизни людей, но не определила своего отношения по поводу негативных последствий цифровизации [13, с. 336–338].

Выделенные типы подтверждают, что модусы оценки ИКТ в сознании молодежи могут быть выражены как полное принятие инноваций и игнорирование рисков, продуцируемых цифровой трансформацией («технооптимизм»), так и как принятие цифровых инноваций с учетом и пониманием наличия некоторых дигитальных рисков («умеренный техницизм»). Эти особенности восприятия цифровизации студенчества могут усилить гуманитарные риски, связанные с разворачиванием цифровой трансформации, поэтому для их уравнивания нужно уделять повышенное внимание развитию культуры и углублению социально-

гуманитарной составляющей компоненты высшего образования.

Подчеркнем, что не все риски цифровизации представляют опасность для гуманитарной безопасности страны. Последние связаны с внешними воздействиями, оказываемыми на молодое поколение, которые широко задействуют современные средства массовой коммуникации, но основаны на знании закономерностей развития молодежи. Согласно концепции социального развития молодежи Ю. А. Зубок, все социальное развитие молодежи осуществляется в условиях разного рода рисков. Проблема в том, чтобы сбалансировать эти риски, взять под контроль те, которые поддаются влиянию извне, и попытаться убрать деструктивные факторы, ведущие к опасным рискам и угрозам для молодежи и общества.

Поскольку речь идет о влиянии ИКТ, отметим важную особенность социального развития молодежи в современных условиях, которая, соединяясь с гносеологическими особенностями познания окружающего мира, может привести к деструктивным результатам. В силу существования определенных «поколенческих разрывов», о которых писал К. Мангейм [14], нынешняя молодежь иначе относится к СМИ и явно предпочитает новые медиа, почти не обращаясь к традиционным СМИ (газеты, телевидение), в которых обычно преподносятся государственные новости и их соответствующая трактовка. Иными словами, молодежь погружена только в тот новостной мир, который создается в Интернете. Как утверждают исследователи, одной из причин высокого уровня вовлечения белорусского студенчества в события 2020 г. была недооценка такой особенности молодежи, как «высокая и эффективная способность к созданию “горизонтальных связей” в противовес “вертикальным”, на которых была построена государственная работа с данной группой в предшествующие периоды» [15, с. 266]. В настоящее время ситуация улучшилась, но прошлый негативный опыт не должен быть забыт.

Рекомендации по противодействию рискам

Разработанные рекомендации включают некоторые общие меры по воспитанию молодежи (патриотизм, вовлечение

формировать у студентов навыки и компетенции по использованию ИКТ в социально одобряемых целях: развитие науки, совершенствование образовательных средств в УВО, совместные учебно-научные проекты, выполняемые преподавателями и студентами. Если студенты будут обращать больше внимания на социально значимые направле-

ния использования ИКТ, у них не останется времени и мотивации на использование виртуальной реальности в иных (в данном случае деструктивных) целях: чтения заведомо оппозиционной литературы, участия в запрещенных акциях (включая распространение в Интернете фейковых материалов).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2026–2030 годы / Указ Президента Респ. Беларусь от 1 апр. 2025 г. № 135. – URL: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-135-ot-1-aprela-2025-g> (дата обращения: 01.04.2025).
2. Matthews, D. How will technology reshape the university by 2030? – URL: <https://www.timeshighereducation.com/features/how-will-technology-reshape-university-2030> (date of access: 16.11.2023).
3. Toffler, A. The Third Wave / A. Toffler. – New York : Bantam Books, 1980. – 517 p.
4. Masuda, I. Information Society as Post-industrial society / I. Masuda. – Tokio : Bethesda World Future Society, 1980. – 171 p.
5. Bell, D. The Coming of Postindustrial Society / D. Bell. – New York : Basic Books, 1973. – 507 p.
6. Castells, M. The internet galaxy: Reflections on the internet, business and society / M. Castells. – Oxford : Oxford University Press, 2001. – 292 p.
7. Зубок, Ю. А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи / Ю. А. Зубок. – М. : Мысль, 2007. – 285 с.
8. Титаренко, Л. Г. Цифровизация обучения в условиях пандемии: отношение белорусских и иностранных студентов / Л. Г. Титаренко // Социологический альманах. – 2022. – Вып. 13. – С. 269–277.
9. Титаренко, Л. Г. Восприятие студентами цифровых рисков гуманитарной безопасности Беларуси / Л. Г. Титаренко // Социологический альманах. – 2023. – Вып. 14. – С. 330–340.
10. Фролова, М. Влияние соцсетей: проблемы с психическим здоровьем достигли масштабов пандемии / М. Фролова. – URL: <https://iz.ru/1815125/maria-frolova/vlianie-socsetei-problemy-s-psihicheskim-zdorovem-dostigli-masstabov-pandemii> (дата обращения: 08.01.2025).
11. Елькина, Е. Е. Цифровая культура как область междисциплинарных исследований: методологические подходы и тенденции развития / Е. Е. Елькина // International Journal of Open Information Technologies. – 2018. – № 6 (12). – С. 67–78.
12. Йоас, Х. Креативность действия / Х. Йоас. – СПб. : Алетейя, 2005. – 319 с.
13. Титаренко, Л. Г. Инновационные возможности и гуманитарные риски цифровых технологий / Л. Г. Титаренко // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2024. – № 1. – С. 75–81.
14. Мангейм, К. Проблема поколений / К. Мангейм // Очерки социологии знания. Проблема поколений. Состязательность. Экономические амбиции. – М. : ИНИОН РАН, 2000. – С. 8–63.
15. Шупенько, Т. И. Анализ особенностей социального развития молодежи в Республике Беларусь / Т. И. Шупенько // Социологический альманах. – 2023. – Вып. 14. – С. 262–271.
16. Кузьменкова, Т. Н. Отдельные теоретико-правовые аспекты кибербезопасности личности / Т. Н. Кузьменкова // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя D, Эканоміка, сацыялогія, права. – 2024. – № 1 (63). – С. 77.

REFERENCES

1. O prioritietnykh napravlenijakh nauchnoj, nauchno-tiekhničeskoj i innovacionnoj diejatiel'nosti na 2026–2030 gody : Ukaz Priezidenta Riesz. Bielarus' ot 1 apr. 2025 g. – URL: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-135-ot-1-aprela-2025-g>. (data obrashchienija: 01.04.2025).
2. Matthews, D. How will technology reshape the university by 2030? – URL: <https://www.timeshighereducation.com/features/how-will-technology-reshape-university-2030> (date of access: 16.11.2023).
3. Toffler, A. The Third Wave / A. Toffler. – New York : Bantam Books, 1980. – 517 p.
4. Masuda, I. Information Society as Post-industrial society / I. Masuda. – Tokio : Bethesda World Future Society, 1980. – 171 p.
5. Bell, D. The Coming of Postindustrial Society / D. Bell. – New York : Basic Books, 1973. – 507 p.
6. Castells, M. The internet galaxy: Reflections on the internet, business and society / M. Castells. – Oxford : Oxford University Press, 2001. – 292 p.
7. Zubok, Ju. A. Fienomien riska v sociologii. Opyt issliedovanija molodiozhi / Ju. A. Zubok. – M. : Mysl', 2007. – 285 s.
8. Titarienko, L. G. Cifrovizacija obuchienija v uslovijakh pandemii: otnoshenije bieloruskikh i inostrannykh studentov / L. G. Titarienko // Sociologichieskij al'manakh. – 2022. – Vyp. 13. – S. 269–277.
9. Titarienko, L. G. Vosprijatije studentami cifrovyykh riskov gumanitarnoj biezopasnosti Bielarusi / L. G. Titarienko // Sociologichieskij al'manakh. – 2023. – Vyp. 14. – S. 330–340.
10. Frolova, M. Vlijanie socsetiej: problemi s psikhichieskim zdorov'jem dostigli masshtabov pandemii. – URL: <https://iz.ru/1815125/maria-frolova/vlianie-socsetei-problemy-s-psihiceskim-zdorovem-dostigli-masshtabov-pandemii> (data obrashchienija: 08.01.2025).
11. Jel'kina, Je. Je. Cifrovaja kul'tura kak oblast' miezhdisciplinarnyykh issliedovanij: metodologichieskije podkhody i tendencii razvitija / Je. Je. Jel'kina // International Journal of Open Information Technologies. – 2018. – № 6 (12). – S. 67–78.
12. Joas, Kh. Kriativnost' diejstvija / Kh. Joas. – SPb. : Alietejja, 2005. – 319 s.
13. Titarienko, L. G. Innovacionnyje vozmozhnosti i gumanitarnyje riski cifrovyykh tiekhnologij // Viesnik Bresckaha univiersiteta. Sieryja 1, Filasofia. Palitalohija. Sacyjalohija. – 2024. – № 1. – S. 75–81.
14. Mangejm, K. Problema pokolienij / K. Mangejm // Ochierki sociologii znaniya. Problema pokolienij. Sostiazatiel'nost'. Ekonomichieskije ambicii. – M. : INION RAN, 2000. – S. 8–63.
15. Shupien'ko, T. I. Analiz osobiennostiej social'nogo razvitija molodiozhi v Rieszpublikie Bielarus' / T. I. Shupien'ko // Sociologichieskij al'manakh. – 2023. – Vyp. 14. – S. 262–271.
16. Kuz'mienkova, T. N. Otdiel'nyje teorietiko-pravovyje aspiekty kibierbiezopasnosti lichnosti / T. N. Kuz'mienkova // Viesnik Mahiliousskaha dziarzhauhana univiersiteta imia A. A. Kuliashova. Sieryja D, Ekanomika, sacyjalohija, prava. – 2024. – № 1 (63). – S. 77.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 13.05.2025

Николай Егорович Лихачёв

*д-р социол. наук, доц., проф. каф. политологии и социологии
Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова*

Nikolay Likhachov

*Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Political Science and Sociology
of Mogilev State A. Kuleshov University*

e-mail: lihachyov@msu.by

ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕННОСТИ СЕЛЬЧАН: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС (НА МАТЕРИАЛАХ ИССЛЕДОВАНИЯ В МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ)

На основе статистических данных и материалов социологических исследований представлена современная направленность жизненных ценностей сельского населения Республики Беларусь. Анализируются причины трансформации сельского образа жизни. Особое внимание уделено переориентации поведенческих установок сельчан на урбанизацию, анализируется состояние миграционных процессов. Рассматриваются причины падения интереса сельчан к ведению личного приусадебного хозяйства. Подчеркивается актуальность социального феномена раскрестьянивания.

Ключевые слова: *жизненные ценности, материальное самоощущение, образ жизни, личное подсобное хозяйство, раскрестьянивание.*

Life Values of Rural Residents: a Sociological Perspective (Based on Research in the Mogilev Region)

The article presents the current orientation of life values of the rural population of the Republic of Belarus based on statistical data and sociological research materials. The reasons for the transformation of the rural way of life are analyzed. Particular attention is paid to the reorientation of behavioral attitudes of villagers to urbanization, the state of migration processes is analyzed. The reasons for the decline in interest of villagers in running a personal household plot are considered. The relevance of the social phenomenon of de-peasantization is emphasized.

Key words: *life values, material self-awareness, lifestyle, private subsidiary farming, de-peasantization.*

Введение

Человек, являясь мыслящим и действующим существом, живет в системе ценностей, выступающих в качестве целей жизни и основных средств их достижения. Они представляют собой материальную или духовную необходимость получить определенные результаты благополучного существования. Эти установки выступают значимым условием регулирования бытия личности, его поведения в окружающей социальной среде. Основной ценностью является система потребностей, которая отражает основополагающие условия поддержания жизнедеятельности. Реализация ценностей зависит от следующих обстоятельств: во-первых, отсутствие чего-либо, но наличие стремления его иметь; во-вторых, при достижении определенного благоприятного положения создание условий для его сохранения. Обобщенно систему ценностей можно обозначить как совокупность мате-

риальных и духовных средств, обладающих положительными свойствами и возможностями для удовлетворения потребностей общества и личности.

Как и другие социальные слои Беларуси, сельское население руководствуется системой ценностей, которые являются наиболее привлекательными и достижимыми. Каковы ценностные ориентации современных сельчан?

Ответ на вопрос по данной проблематике дают итоги прикладного социологического исследования, проведенного в 2024 г. кафедрой политологии и социологии Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова в сотрудничестве с управлением социологических исследований и информационно-аналитической работы КИУП «Информационное агентство “Могилевские ведомости”» в четырех сельских районах Могилевской области по проблеме состояния общественно-политической

ситуации в регионе. Правильное понимание и учет жизненных ценностей сельчан имеет большое значение для определения их интересов в процессе труда, социальной активности, нравственных устоев, установления приоритетов в ходе реализации социальной политики.

Основная часть

Ценности, являясь продуктом материального или духовного производства, регулируя действия личности, выступают в качестве целей жизни. Это своеобразные стандарты бытия, на основе которых индивиды определяют правила социального поведения. Проблематика ценностей, оформившись в учениях древних философов в виде особого научного направления, приобретает в нынешних условиях особую актуальность для понимания нормативов развития социума. «Аксиология (ахеа – ценность и logos – учение) – учение о ценностях, исследование содержания, типов, критериев ценностей» [1, с. 10].

Система ценностей многообразна, она не является неизменной, раз и навсегда данной, а может трансформироваться в зависимости от социально-экономической и общественно-политической ситуации. Но некоторые ценности являются общезначимыми и определяющими. К таким ценностям можно отнести условия жизни, здоровье, свободу, семью, собственность и др. основополагающие жизненные ценности являются своеобразным базисом бытия, их можно обозначить как базовые ценности: «либо достаточно абстрактно выраженные представления о том, что наиболее желательно и эмоционально привлекательно (способно соответствовать идеальному состоянию бытия людей), либо столь же эмоционально привлекаемый модус поведения или способ действий» [2, с. 19].

Базовые (жизненные) ценности представляют собой концентрированное отражение стандартов поведения, руководствуясь которыми индивид получает определенные блага с одной стороны, а с другой – воздействует на совершенствование экономики и общественных отношений. Регулируя свои действия под влиянием ценностей, индивиды соблюдают определенные правила и нормативы бытия, отраженные в социальных установках. «Под социальной установкой понимается целостное динамическое состояние субъекта, его готовность к проявлению активности по отношению к социальным объектам, что предполагает психологическое переживание их социальной ценности» [3, с. 215]. Социальная установка – это регулятор взаимоотношений индивида с другими людьми, общая направленность личности, определенная система ценностных ориентаций.

Обозначив теоретические подходы, обратимся к анализу результатов прикладного социологического исследования по проблемам направленности ценностных установок жителей сельских поселений.

Современная аграрная сфера не является чем-то застывшим и консервативным – она видоизменяется по мере социально-экономического развития социума, соответственно, меняется и иерархия ценностей сельчан. Жизненные ценности базируются на системе потребностей, и прежде всего материально-бытовых, обеспечивающих условия физического существования человека. Они овеществляются в орудиях и предметах труда, а также вещах непосредственного потребления. По количеству источников жизнедеятельности, состоянию здоровья и жилищных условий индивид определяет уровень своего достатка (таблица 1).

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос «Каково Ваше материальное положение в настоящее время?», %

Варианты ответов	Село	Город
Хорошее	19,3	17,9
Среднее	51,6	71,0
Плохое	27,5	10,1
Затрудняюсь ответить	1,6	1,0

Анализ самооценки респондентов свидетельствует, что имеется значительное количество сельского населения с позитив-

ной оценкой своего материального положения. Но следует констатировать: численность сельчан с отрицательным мнением

существенно превышает число горожан с таким же суждением. Почти треть сельского населения (27,5 %) относят себя к малоимущим, и, соответственно, их жизненные ценности сосредотачиваются на проблеме самовыживания. Если сравнивать ответы респондентов по возрастным группам, то выясняется, что молодых сельчан с плохим материальным положением 7,4 %, среднего возраста – 21,8 %, 50 и старше – 9,7 %. Сельчан, отнесших себя к группе малоимущих, можно обозначить бедными. По мнению академика Е. М. Бабосова, «бедность – это социально-экономическое явление, выражающееся в недопустимо низком уровне жизни, измеряемом по объему текущих доходов и расходов, нижним пороговым значением которого является устанавливаемый в данной стране прожиточный минимум» [4, с. 312].

Главным признаком бедности является отсутствие возможности у индивида приобретать за свой доход необходимые блага. Она носит в основном сравнительное содержание, т. е. желание иметь такие же материальные ценности, как и более состоятельные соседи, либо соответствовать по потреблению местному общепринятому стандарту. Социологический опрос выявляет, что средневозрастная группа сельчан чаще других сетует на малообеспеченность. Подобное обстоятельство требует комментария. Это самая трудоспособная часть

сельчан, производящих материальную продукцию и предъявляющих в силу этого более высокие стандарты к жизненному уровню. Анализировать самоощущение бедности в этом возрастном диапазоне целесообразно с двух основных позиций – объективной и субъективной. Объективная состоит в том, что в современных экономических условиях оплата в сельскохозяйственной отрасли намного ниже, чем в других сферах народного хозяйства. Существенное влияние оказывает наличие семьи, необходимость образования и воспитания детей, решение вопросов жилищного и коммунального обслуживания. Субъективный фактор состоит в стремлении этой возрастной категории сельчан иметь более высокий бытовой комфорт под влиянием стандартов массового потребления, продвигаемых рекламой и средствами массовой информации. Зафиксировано также, что снижается интерес к ведению приусадебного хозяйства и желание повышать рентабельность домохозяйства; имеет место увлечение потреблением спиртных напитков.

Как показывают исследования, в агро-секторе Беларуси за последние годы произошли существенные позитивные изменения как в экономическом положении сельхозпредприятий, так и в социально-бытовой сфере. Проследим динамику изменения материального самоощущения сельчан (таблица 2).

Таблица 2 – Распределение ответов сельских жителей на вопрос «К какой категории по материальному положению Вы можете себя отнести?», %

Варианты ответов	Год		
	2002	2006	2023
Богатые	–	0,9	2,6
Среднего достатка	35,2	67,4	74,6
Бедные	49,9	27,1	19,4
Ниже черты бедности	14,9	4,6	1,4

Анализ самооценки сельского населения показывает существенный рост численности людей, удовлетворенных своим материальным положением. Трансформацию жизненных ценностей современных сельчан можно проследить по такому показателю, как отношение к ведению личного подсобного хозяйства (ЛПХ). Эта форма хозяйствования на протяжении многих десятилетий была важнейшим источником получения продуктов питания, а зачастую и основной материальной обеспечения сельской

семьи. Как свидетельствует официальная статистика, в настоящее время в сельской местности Беларуси ускоряются процессы минимизации использования потенциала личных подсобных хозяйств. За период с 2019 по 2023 г. включительно посевные площади в личных подсобных хозяйствах сократились на 38 тыс. га, картофельных площадей – на 23 тыс. га, посадок овощей – на 8 тыс. га [5, с. 22]. Быстрыми темпами идет сокращение поголовья животных на сельских подворьях: с 2020 по 2024 г. коли-

чество коров в ЛПХ страны сократилось на 17 тыс. голов, свиней – на 74 тыс., овец – на 5 тыс., лошадей – на 7 тыс. [5, с. 28]. Производство молока в личных подсобных хозяйствах за этот же период сократилось на 85 тыс. т [5, с. 30].

Отказ от ведения личного подсобного хозяйства меняет экономическое поведение сельчан. Происходит переориентация мелкого земледельца и производителя продуктов питания на их потребление из общественных фондов. Это увеличивает нагрузку на государственные и кооперативные агропредприятия. Можно констатировать, что прекращение работы на личном подворье приводит к утрате сельчанами основ крестьянских традиций и их переходу в социальный слой наемных работников. В научной среде этот процесс получил обозначение «раскрестьянивание». В этой связи есть необходимость обозначить термин «крестьянство». «Хозяйство крестьянское как экономическая категория есть мелкое хозяйственное предприятие, в котором работы выполняются главным образом или в значительной мере трудом хозяина и членов его семьи» [6, с. 270].

Процессы раскрестьянивания определяются многими факторами, но ведущими выступают индустриализация агропроизводства и влияние средств массовой коммуникации на ценностные ориентации сельчан. Внедрение новых технологий и высокопроизводительных машин и механизмов повышает интенсивность и сложность общественного труда, что, в свою очередь, требует увеличения затрат времени на отдых и восстановление трудового потенциала. В итоге формируется негативное отношение к затратам физического труда в ЛПХ и критицизм к экономической выгоде этого вида хозяйствования. По данным социологических исследований Института социологии Национальной академии наук Беларуси, личное подсобное хозяйство в 2023 г. имели 63,5 % респондентов, но 63,3 % считали, что ЛПХ не может обеспечить выживания в случае потери основной работы [7, с. 81].

Еще одним показателем раскрестьянивания является снижение интереса к обладанию собственностью. Она представляет собой возможность индивида иметь в своем владении какие-либо предметы или ресурсы для удовлетворения своих потребностей. Это не только социальное качество, но и

психологическое свойство властвования над средствами производства или вещами, позволяющими человеку занимать в обществе определенный социальный статус, быть хозяином некоторых ресурсов. Однако в процессе социологического исследования выяснилось, что только 5 % владельцев личных подсобных хозяйств положительно отреагировали на предложение о возможности зарегистрироваться фермерами. В современной сельской среде преобладает стремление получать государственную поддержку, а не проявлять собственную инициативу.

Белорусское государство оказывает агросектору существенную поддержку, решаются основополагающие социальные запросы сельчан. Строятся агрогородки, оснащаются современным оборудованием животноводческие комплексы, поставляются современная агротехника и удобрения. Жители сельских поселений имеют возможность использовать значительные наделы земли для домохозяйства или фермерства. Можно сделать обоснованный вывод, что в современном сельском бытии нормальный человек в физическом и нравственном состоянии, реализуя свой трудовой потенциал, может стать состоятельным по имущественному положению индивидом.

На ускорение темпов раскрестьянивания существенное влияние оказывают современные средства коммуникации. СМИ и Интернет усовершенствовали процесс передачи информации, демонстрируя при этом различные условия, нормы и стандарты повседневного бытия. Новые информационные возможности содействуют расширению политического кругозора людей, ускоряют обмен между ними опытом и знаниями. Наряду с этим зафиксировано, что Интернет и СМИ снижают познавательные способности человека, делая его зависимым от информационного потока, формируют искаженное отражение социальной действительности. Увлечение средствами массовой коммуникации может формировать виртуальное самосознание индивида, а также подталкивать к завышению потребностей, которые не соответствуют реальным возможностям их воплощения в жизнь.

Электронные средства информации имеются почти в каждой сельской семье. По данным выборочного обследования, на каждые 100 домашних хозяйств в 2023 г.

приходилось 135 телевизоров и 60 персональных компьютеров [7, с. 89]. Согласно результатам нашего социологического исследования, основными источниками информации являются телевидение (для 85 % респондентов), Интернет (для 57,6 %), газеты (для 37,1 %), радио (для 16,1 %).

Еще одним негативным следствием воздействия электронных СМИ является рост индивидуализации сельчан в бытовой сфере. Характерной чертой образа жизни сельских жителей была общительность и коллективизм. Для жителей сельских поселений взаимопомощь и поддержка личных связей с соседями по месту жительства были значимой чертой крестьянского менталитета. Получение современной информации осуществляется, как правило, дома,

индивидуально, вне учреждений культуры. Это влияет на изменение социокультурного кода индивидов в сторону отчуждения от коллективного мнения и усиливает критическое отношение к сельской реальности.

Жизнь есть основополагающая ценность, создающая набор определенных благ для поддержания биологического существования и способности к трудовой деятельности. Несомненно, материальный фактор играет ведущую роль в мотивационных установках индивида. Но ценность жизни дополняется набором интересов, регулирующих непосредственные побуждения и мотивы действий. Как следует из полученных результатов социологического исследования, эти интересы сводятся к следующему (таблица 3).

Таблица 3 – Распределение ответов на вопрос «Какие проблемы вызывают у Вас беспокойство?», %

Варианты ответов	Село	Город
Рост цен	55,6	66,2
Проблемы здравоохранения	33,1	34,1
Рост тарифов на коммунальные услуги	30,6	18,9
Рост алкоголизма	21,8	16,2
Угроза безработицы	20,2	12,6
Тяжелое материальное положение	15,3	16,4
Рост преступности	6,5	10,6

Полученные результаты социологического опроса свидетельствуют, что бытовая проблематика как внепроизводственная повседневная сфера жизнедеятельности связана с уровнем удовлетворения материальных потребностей. В современных экономических реалиях состояние ценообразования беспокоит и городское, и сельское население. В ходе опроса выяснилось, что у 83,9 % сельчан и 82,1 % горожан основным источником дохода в семье является заработная плата. Только 8,9 % сельских респондентов считают таким основным источником продукцию от ведения личного

приусадебного хозяйства. Комплекс материальных потребностей, реализуемый в свободное от работы время, выступает как необходимость для поддержания жизнедеятельности и включает в себя пищу, одежду, жилище, сохранение здоровья. Эти составные части бытия положены в основу жизненных ценностей.

Состояние уровня медицинских услуг занимает наиболее значимое место в жизни сельского населения. Забота о здоровье, позволяющая нормально функционировать человеческому организму, есть ведущая жизненная ценность (таблица 4).

Таблица 4 – Распределение ответов на вопрос «Удовлетворяет ли Вас качество медицинского обслуживания по месту жительства?», %

Варианты ответов	Село	Город
Полностью удовлетворяет	15,3	15,4
Частично удовлетворяет	48,4	58,3
Совсем не удовлетворяет	23,4	22,0
Затруднились ответить	12,9	4,3

В последние годы доступная и качественная медицинская помощь приходит в

агропоселения страны, преодолеваются различия в медобслуживании городского

и сельского населения. Однако у значительного числа сельчан сохраняется критическое отношение к уровню медицинских услуг. «В ходе социологического исследования выяснилось, что почти треть респондентов (29,6 %) сетуют по поводу высокой стоимости лекарств, а среди женской части таковых оказалось 36,9 %» [8, с. 38].

Обеспечение сохранения здоровья населения в удовлетворительном состоянии – это важная функция не только медучреждений и властей, она должна проявляться и как обязанность человека. Выполнение правил здорового образа жизни есть значимый показатель культуры и воспитанности индивида, его ответственности перед обществом, семьей и самим собой. Однако, как показывают социологические исследования, в среде сельского населения распространены вредные привычки, и прежде всего чрезмерное употребление спиртных напитков. Значительное количество сельских респондентов отмечают рост алкоголизма как наиболее беспокоящую проблему. У зависимых от алкоголя людей происходит переориентация жизненных ценностей: их поведенческие установки сосредоточиваются на поиске очередной дозы спиртного, при этом они иногда прибегают к криминальным действиям. Такой образ жизни свидетельствует о наличии искаженной социальной направленности ценности, которая проецируется на отношение к труду, нравственное и бытовое поведение, сдерживающие личностное развитие.

Значительным негативным фактором формирования здорового образа жизни в сельских поселениях является низкий уровень досуговой культуры в связи с отсутствием соответствующих учреждений. По причине низкой рентабельности с 2017 по 2022 г. в сельской местности были ликвидированы 264 клуба и 267 библиотек [7, с. 39]. Однако известно, что учреждения культуры как составная часть социальной структуры села не могут быть рентабельными в силу характера своей деятельности, ибо это – центры общения и досугового творчества, а не материального производства.

Нынешнее сельское сообщество испытывает существенное влияние процессов урбанизации. Проявляется это не только в стремлении обеспечения жизни комфортными бытовыми условиями, но и в изменении поведенческих установок. На смену

уравнительным традициям сельской общинности приходят урбанизированные образцы отношений между односельчанами. Ранее, например, было принято, что в период полевых или уборочных работ на приусадебных участках соседи помогали друг другу безвозмездно. Теперь чаще всего такие работы выполняются по твердым расценкам за денежное вознаграждение.

Города, как и прежде, забирают из сел рабочую силу: наиболее активная часть переезжает в городские поселения. По данным статистики, сельское население Беларуси в 1991 г. составляло 33,2 %, в 1998 г. – 31,2 %, в 2023 г. – 21,4 % [5, с. 11]. Современный миграционный поток из сельской местности имеет четкую городскую направленность. По данным исследования сотрудников Института социологии НАН Беларуси, в 2023 г. предполагали переселиться в г. Минск 19 % сельских респондентов, в областные центры – 14,3 %, в крупные города – 19 %, в средние или малые города – 14,3 %, в город-спутник крупного города – 2,4 % [7, с. 215]. Можно констатировать, что процессы обезлюдения сельских поселений будут продолжаться в ближайшей перспективе, учитывая высокую потребность городских поселений в рабочей силе. Схожие результаты мы получили при опросе молодых сельчан Могилевской области. Переехать в города на постоянное место жительства планировали 28,7 % участников исследования. Не может не вызывать озабоченности то обстоятельство, что уехать из страны на постоянное место жительства планировали 12,3 % респондентов, а желают уехать с целью временного заработка 2,5 %.

Наличие миграционного настроения у значительной части сельчан свидетельствует о существенном изменении направленности жизненных ценностей в сторону отрыва от естественной среды обитания, ориентации на урбанизм, уход от сельской действительности.

Заключение

Подытоживая исследование, посвященное характеру изменений направленности жизненных ценностей сельского населения, следует согласиться с тем, что главное место в повседневной жизни занимает уровень материальной обеспеченности и сохранение здоровья. Эти ценности на основе потребностей и интересов выступают

своеобразными ориентирами в жизни, являются побудительными мотивами поступков людей.

Однако методы и приемы реализации ценностей могут существенно различаться. Находясь в одних и тех же условиях, индивиды ставят разные цели, видоизменяют способы их достижения. Даже такой сравнительно однородный социальный слой, как сельское население, разделен на две большие группы: первая стремится сохранить крестьянскую ментальность и традиции, вторая ориентируется на урбанизм.

В нынешних условиях все больше преобладает направленность переселения в города или за пределы страны в надежде улучшить свое материальное положение.

Это дает основание утверждать, что крестьянство как социальный слой в ближайшей перспективе исчезнет, перейдя в разряд работников наемного труда. Вряд ли стоит высказывать по этому поводу сожаление. Исчезновение крестьянства – это неизбежное следствие социально-экономического и научно-технического прогресса всех высокоразвитых стран.

С другой стороны, со временем урбанизм перестанет быть привлекательным, а на смену ему неизбежно придет агроренессанс, т. е. стремление людей жить в природном окружении. Явление рурализации широко распространено в странах Запада, а в Беларуси ее признаки проявляются в виде т. н. «коттеджной» цивилизации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Социологический энциклопедический словарь / Под ред. Г. В. Осипова. – М. : НОРМА, 1998. – 480 с.
2. Базовые ценности россиян: социальные установки. Жизненные стратегии / Отв. ред. А. В. Рябов, Е. Ш. Курбангалеева. – М. : Дом интеллектуал. кн., 2003. – 445 с.
3. Мудрик, А. В. Социализация человека / А. В. Мудрик. – М. : Академия, 2004. – 304 с.
4. Бабосов, Е. М. Социально-стратификационная панорама современной Беларуси : монография / Е. М. Бабосов. – Минск : Технопринт, 2004. – 356 с.
5. Сельское хозяйство Республики Беларусь : стат. буклет. – Минск, 2024. – 35 с.
6. Хагуров, А. А. Социология российского села / А. А. Хагуров. – М. : Ин-т социологии РАН : Кубан. гос. аграр. ун-т, 2010. – 470 с.
7. Развитие современного белорусского села: проблемы, тенденции, перспективы / Н. Л. Балич [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2024. – 248 с.
8. Лихачев, Н. Е. Социальная сфера белорусского села : монография / Н. Е. Лихачев, С. Н. Лихачева. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2020. – 176 с.

REFERENCES

1. Sociologichieskij enciklopedichieskij slovar' / Pod ried. G. V. Osipova. – M. : NORMA, 1998. – 480 s.
2. Bazovyje cennosti rossijan: social'nyje ustanovki. Zhizniennyje strategii / Otv. ried. A. V. Riabov, Je. Sh. Kurbangaliejeva – M. : Dom intielliektual. kn., 2003. – 445 s.
3. Mudrik, A. V. Socializacija chielovieka / A. V. Mudrik. – M. : Akadiemija, 2004. – 304 s.
4. Babosov, Je. M. Social'no-stratifikacionnaja panorama sovriemiennoj Bielarusi : monografija / Je. M. Babosov. – Minsk : Tiekhnoprint, 2004. – 356 s.
5. Siel'skoje khozajstvo Riespubliki Bielarus' : stat. bukliet. – Minsk, 2024. – 35 s.
6. Khagurov, A. A. Sociologija rossijskogo siela / A. A. Khagurov. – M. : In-t sociologii RAN : Kuban. gos. agrar. un-t, 2010. – 470 s.
7. Razvitije sovriemiennogo bieloruskogo siela: probliemy, tendencii, pierspiektivny / N. L. Balich [i dr.]. – Minsk : Bielarus. navuka, 2024. – 248 s.
8. Likhachiov, N. Je. Social'naja sfera bieloruskogo siela : monografija / N. Je. Likhachiov, S. N. Likhachiova. – Mogiliov : MGU im. A. A. Kulieshova, 2020. – 176 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 03.04.2025

Евгения Юрьевна Смыкова

канд. социол. наук, доц., зав. отделом социологии культуры
Института социологии Национальной академии наук Беларуси

Yauheniya Smykova

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Cultural Sociology of the Institute of Sociology
of National Academy of Sciences of Belarus

e-mail: evgsmykova@gmail.com

СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БЕЛАРУСИ (НА ПРИМЕРЕ МУЗЕЕВ)*

Статья посвящена анализу влияния трендов современного общества на культурное пространство Беларуси. Выявлено, что влияние цифровых технологий носит амбивалентный характер и реализуется, с одной стороны, в деятельности учреждений культуры, с другой – в культурных практиках и опыте восприятия посетителями культурного контента. Показано, что учреждения страны в условиях современных вызовов расширяют практику использования цифровых технологий по различным направлениям деятельности. Особые результаты достигнуты музеями страны преимущественно республиканского подчинения. Технологические решения, используемые музеями в зависимости от решаемых задач, носят элементарный характер, представлены в виде аудиогидов, инфокиосков и т. д. и сочетают целый комплекс технологий за счет комбинации различных современных инновационных приемов. В результате экспансии цифровых технологий на культурное пространство произошла трансформация культурных практик посетителей, что позволило расширить их опыт за счет формирования ощущения у субъектов включенности, сопричастности, иммерсивности.

Ключевые слова: культурное пространство, культура, музей, цифровизация, цифровые технологии.

Contemporary Experience of Using Digital Technologies in the Cultural Space of Belarus (on the Example of Museums)

The article is devoted to the analysis of the influence of modern society trends on the cultural space in Belarus. It has been revealed that the influence of digital technologies is ambivalent realized on the one hand in the activities of cultural institutions, on the other – in cultural practices, the experience of perception of cultural content by visitors. It has been determined that the country's institutions in the context of modern challenges are expanding the practice of using digital technologies in various areas of activity. Particular achievements in this direction have been achieved by the country's museums mainly institutions of republican subordination. Technological solutions used by museums depending on the tasks to be solved are both elementary (audio guides, information kiosks, etc.) and combine a whole range of technologies due to a combination of various modern innovative techniques. As a result of the expansion of digital technologies in the cultural space a transformation of the cultural practices of visitors has occurred. It has allowed to expand visitor experience by creating a sense of inclusion, involvement, and immersion in the subjects.

Key words: cultural space, culture, museum, digitalization, digital technologies.

Введение

Современное культурное пространство Беларуси стремится развиваться в русле общемировых тенденций глобального культурного пространства. Именно цифровые технологии, расширение сферы использования которых было обусловлено и ситуацией пандемии, выступили магистральным трен-

дом, задающим векторы дальнейшего развития национального культурного пространства. Включение цифровых технологий в деятельность учреждений культуры осуществлялось поступательно, начиная с элементарных нововведений – создания сайта культурной институции.

Дальнейшая экспансия цифровых технологий на культурное пространство значительно расширила возможности учреждений культуры, предложив конкретные решения в части репрезентации историко-

*Статья подготовлена в рамках гранта «Культурные практики как маркер трансформации современного культурного пространства Беларуси», финансируемого БРФФИ (договор № Г24-047 от 02.05.2024).

культурного наследия и интенсификации взаимодействий с посетителями.

Цель статьи – выявление специфики использования цифровых технологий в культурном пространстве Беларуси на примере деятельности музеев. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих исследовательских задач:

1) обозначить ключевые тренды современности и их влияние как на деятельность учреждений культуры, так и на культурные практики и опыт посетителей;

2) выявить на примере музеев особенности использования цифровых технологий в ключевых направлениях их деятельности.

Основная часть

Цифровизация как глобальный тренд современности применительно к культурному пространству задала тенденции более частного порядка, но в той или иной мере находящиеся в тесной взаимосвязи с цифровыми технологиями. Условно можно выделить две группы трендов, которые характерны для культурных пространств вне зависимости от территориальной локализации и детерминированы сугубо степенью их распространения. Первая группа трендов связана с особенностями использования современных цифровых технологий и возможностями, которые они предоставляют для эффективного функционирования учреждений культуры. Остановимся более подробно на некоторых из них.

1. Искусственный интеллект в деятельности учреждений культуры: виртуальные помощники, виртуальные гиды, помощь в анализе, сохранении и реставрации культурного наследия и т. д. Как отмечают эксперты, в последнее время вырос спрос на искусственный интеллект в деятельности учреждений культуры. Значимость искусственного интеллекта и в целом цифровых технологий заключается в расширении возможностей осуществления более качественных интеракций между посетителем и учреждением культуры. Внедрение искусственного интеллекта в работу учреждений культуры на сегодняшний день является не только востребованной, но и необходимой мерой их функционирования, для того чтобы оставаться в русле общемировых тенденций. Как отмечает Кэш Меррилл, искусственный интеллект в сфере культуры предлагает инновационные способы сохра-

нения, интерпретации и распространения культурного наследия и опыта [1].

2. Технология блокчейн – проверка на подлинность предметов искусства, представленных как в физическом виде, так и в формате цифровой копии, а также обеспечение их надежной защиты. Данная технология позволяет решить вопрос неконтролируемого распространения цифровых копий предметов искусства.

3. IoT-технологии (интернет-вещей): получение информации о предпочтениях, моделях поведения реальной и потенциальной аудитории учреждений культуры; оценка «успешности» проведенного мероприятия; поиск информационных ресурсов и доступ к ним; помощь в обеспечении «нормального» функционирования учреждений (управление освещением, климат-контроль, система безопасности и др.).

4. Онлайн-платформы – осуществление в режиме реального времени трансляций культурных мероприятий (концерты, театральные постановки, виртуальные экскурсии и др.), а также предоставление записи иных мероприятий, благодаря чему значительно расширяется охват аудитории, которая в силу объективных причин (территориальных, финансовых и др.) исключена из культурного пространства и тем самым ограничена в получении культурного опыта.

Таким образом, выше был представлен лишь ряд технологических решений, которые вследствие высокого потенциала и широких возможностей успешно зарекомендовали себя в работе учреждений культуры. В целом цифровые технологии в культурном пространстве реализуются по следующим направлениям: компьютеризация учреждений; создание и обслуживание сайтов, страниц в социальных медиа; онлайн-бронирование и продажа услуг и билетов; создание сводных электронных каталогов, баз данных; мультимедийные технологии (аудиогиды, сенсорные экраны, информационные терминалы); искусственный интеллект (чат-боты, виртуальные гиды, голограммы); виртуальная (VR), дополненная (AR), смешанная (MR) и расширенная (XR) реальности и ряд других.

Вторая группа трендов связана с влиянием цифровых технологий на культурные практики, опыт субъектов и спецификой восприятия ими культурного контента. Именно благодаря цифровым технологиям

существенно расширяется опыт посетителей, более разнообразными становятся культурные практики преимущественно за счет использования механик работы других социальных структур. Среди ключевых трансформаций культурных практик необходимо отметить следующее.

1. Формирование у посетителей ощущения сопричастности к культурному наследию, включенности в контент. Реальность такова, что учреждения культуры стоят перед необходимостью удерживать внимание целевой аудитории, поэтому необходимо обращаться к различного рода технологиям вовлечения посетителей. Ощущение сопричастности ориентировано на формирование чувства эмоциональной близости с культурным наследием. Достижение этих целей осуществляется за счет современных технологических решений в зависимости от профиля учреждения культуры, будь то интерактивные или мультимедийные технологии или собственные (личные) истории.

2. Возможность получения иммерсивных впечатлений, реализуемых посредством цифровых технологий. Подобного рода культурный опыт, получаемый в результате посещения учреждения культуры, приобретался и ранее, однако формы его реализации первоначально носили качественно иной характер. Именно цифровые технологии (расширенная, смешанная реальности) вывели на новый уровень интеракции посетителя и учреждения культуры, осуществляемые, к примеру, в формате иммерсивных выставок на основе использования аудио- и видеоприемов – «виртуально визуализированных объектов наследия... технологически поддерживаемых театральные постановки» [2].

Получение подобного культурного опыта осуществляется за счет использования различного рода приемов, которые позволяют обеспечить большую включенность субъекта в процессе интеракций с учреждениями культуры. К примеру, цифровое повествование, геймификация – наиболее распространенные приемы, которые используют учреждения культуры в этом плане.

Цифровое повествование (в некоторых случаях именуемое как цифровая история) представляет собой рассказ, который был придуман с задействованием одновре-

менно ряда разнообразных цифровых технологий как статичного, так и динамичного порядка (аудиовидеозаписи, тексты, интерактивные компоненты и др.). Наличие широкого наследия преимущественно культурного порядка, представленного в виде артефактов, знаний, практик, выступает основой для создания цифровой истории. В качестве примеров цифровых историй выделяются блоги, аудио- и видеоподкасты, интерактивные рассказы, компьютерные игры, разработанные на основе нарративной механики и т. д. Успешность осуществляемого повествования зависит от таких факторов, как эксклюзивность и актуальность, особенности целевой аудитории, контекст и платформа, на которой воспроизводится история, формат создаваемого контента и др. Источником формирования идейного ряда для учреждений культуры может быть индустрия развлечений, включая компьютерные игры.

Геймификация культурного опыта предполагает комплекс приемов, позволяющих представить и воспроизвести информацию на основе использования игровых механик. Этот прием среди учреждений культуры применяется преимущественно музеями в работе с посетителями. Использование игровых приемов существенно изменяет содержание взаимодействия посетителей и музейных экспонатов, придавая данному процессу динамизм в восприятии информации. В данном контексте элементы игры, а также в целом игровые принципы четко воспроизводятся учреждениями культуры. Более того, как отмечают эксперты, музеи создают т. н. «трансмедийную платформу», которая позволяет сформировать сообщество людей – посетителей конкретного музея, выставки и т. д. [3].

Обозначенные выше общемировые тренды в определенной мере прослеживаются и в контексте культурного пространства Беларуси. Влияние этих трендов на деятельность учреждений культуры достаточно четко можно проследить на основе имеющихся данных в информационном пространстве, в отличие от трансформаций культурных практик, опыта посетителей, которые требуют проведения дополнительных исследований. В связи с этим основной фокус внимания в статье будет направлен на исследование национальных особенно-

стей развития культурного пространства страны на примере деятельности музеев.

Невысокий уровень материально-технического снабжения организаций культуры (компьютеризация, интернетизация) не дает учреждениям культуры возможности в полной мере включаться как в национальное, так и в глобальное культурное пространство. Поэтому необходимо направить усилия на создание и обеспечение функционирования сайтов, ведения страниц в социальных медиа и т. д.

В целях систематизации наследия культурного пространства Беларуси был разработан цифровой проект «Культура ОНЛАЙН» [4]. Он функционирует в виде отдельного раздела на сайте Министерства культуры Республики Беларусь и содержит в себе агрегированную информацию онлайн-контента учреждений культуры разной направленности, например, «театр ОНЛАЙН», «концерт ОНЛАЙН».

Особое место в деятельности учреждений культуры Беларуси отводится формированию сводных электронных каталогов различной профильной направленности (Государственный каталог Музейного фонда Республики Беларусь); баз данных (Государственный реестр книжных памятников Беларуси, Национальный реестр нематериального культурного наследия Беларуси); информационных ресурсов, представленных в виде порталов: museum.by (каталог музеев, перечень планируемых и проведенных мероприятий, новостная информация), «Архивы Беларуси» (сведения о деятельности государственных архивных учреждений, об архивных документах и т. д.), «Жывая спадчына Беларусі» (информация о нематериальном культурном наследии) и др.

Помимо включенности цифровых технологий в основные направления деятельности учреждений культуры они активно внедряются и в сопутствующие направления их работы. Одним из таких направлений, которое достаточно четко проработано учреждениями культуры страны, является реализация билетов при онлайн-бронировании и покупке билетов на мероприятия, а также экскурсионном обслуживании посетителей.

Как показывает практика, в сравнении с другими учреждениями культуры именно музеи оказались наиболее «воспри-

имчивыми» к цифровым нововведениям, эффективно сочетая принципы традиционные работы с современными. Развитие музеев в контексте цифрового поля началось с создания интернет-портала museum.by, который в первую очередь ориентирован на репрезентацию в публичном информационном пространстве музейного фонда тех учреждений, которые не имеют собственного сайта. В целом данный портал содержит информацию о структуре музейной сферы Беларуси, региональном распределении музеев, планируемых мероприятиях, есть также новостная ветка.

Поступательно музеи страны начинают включать в практику работы различные цифровые технологии от наиболее примитивных в виде аудиогидов, инфокиосков, тачскринов (сенсорных экранов) до сложных технологических решений – 3D-очки, различные проекции, приложения, чат-бот, QR-коды, голографический театр.

Цифровые технологии активно используются музеями при учете, идентификации и последующей репрезентации наиболее ценных музейных экспонатов учреждений страны. Сводная информация об определенных музейных предметах, представленная в электронном виде, содержится в Государственном каталоге Музейного фонда Республики Беларусь. По состоянию на январь 2025 г. в нем зарегистрировано более 166,1 тыс. музейных предметов различного характера: аудиовизуальные, изобразительные, естественно-исторические, недвижимые и материальные памятники, письменные источники [5].

Отдельное место в освоении музеями интернет-пространства отводится виртуальным турам и экскурсиям. Применительно к конкретным музеям Беларуси следует отметить, что многие учреждения в независимости от уровня подчиненности (республиканского, областного или районного) постепенно внедряют в свою деятельность подобного рода практику. Виртуальные туры предполагают перемещение по виртуальному музейному пространству с помощью цифрового устройства (смартфон, компьютер и т. д.). В целом виртуальный тур – это своего рода интерактивная 3-D модель, разработанная на основе использования аудиовидеоматериалов, фотографий.

Как показывают данные, виртуальные туры преимущественно представлены на интернет-площадках музеев республиканского подчинения. Что касается виртуальных выставок, различного рода онлайн-проектов, то эти направления деятельности музеев используют в работе с посетителями большинство музейных учреждений страны. Наряду с виртуальными выставками, онлайн-проектами, которые соответствуют тематической направленности конкретного музея, в 2024 г. особое внимание музейными учреждениями уделялось военной проблематике, в частности событиям Великой Отечественной войны.

Ряд музеев используют в качестве коммуникативной площадки видеохостинги, в частности YouTube, с целью расширения своего присутствия в интернет-пространстве и, как следствие, популяризации собственного бренда в общественном дискурсе. Подобного рода практики внедрены в деятельность преимущественно музеев республиканского значения.

Заклучение

Таким образом, современные вызовы актуализировали необходимость адаптации

культурного пространства страны к актуальным общемировым тенденциям, обусловленным экспансией цифровых технологий. В настоящее время цифровые технологии в культурном пространстве – это, скорее, необходимость социальной реальности, нежели тренд современности. Поэтому учреждения страны продолжают поступательно внедрять технологические новинки в ключевые направления своей деятельности. Наибольшего успеха в данном направлении достигли музеи преимущественно республиканского значения.

Использование современных технологических решений за счет внедрения цифровых технологий решает различные вопросы в деятельности музеев: сохранение и повышение уровня доступности историко-культурного наследия; формирование, укрепление связей с посетителями; расширение возможностей восприятия, представляемой информации учреждениями и т. д. В результате музеи наряду с другими учреждениями культуры благодаря современным технологическим решениям позволяют расширить культурный опыт посетителей путем формирования у субъектов ощущения включенности, сопричастности к культурному наследию и т. д.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. AI in the cultural sphere // Medium. – URL: <https://medium.com/@usetech/ai-in-the-cultural-sphere-3d64f156b853> (date of access: 08.01.2025).
2. Тренды развития музеев: не только интерактивность // РБК-Тренды. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/66473bc59a7947bf015425af?from=copy> (дата обращения: 21.12.2024).
3. Геймификация музеев // artz.work. – URL: <https://artz.work/project/b37a865fe5034b7cb834bd9c675c908a> (дата обращения: 01.12.2024).
4. Культура Онлайн // Министерство культуры Республики Беларусь : [сайт]. – URL: <https://kultura.by/kultura-onlayn/> (дата обращения: 29.12.2024).
5. Государственный каталог Музейного фонда Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 2009–2025. – URL: <http://www.dkmf.by/news/statystyka-dkmf24> (дата обращения: 19.12.2024).

REFERENCES

1. AI in the cultural sphere // Medium. – URL: <https://medium.com/@usetech/ai-in-the-cultural-sphere-3d64f156b853> (date of access: 08.01.2025).
2. Тренды развития музеев: не только интерактивность // РБК-Тренды. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/66473bc59a7947bf015425af?from=copy> (дата обращения: 21.12.2024).
3. Giejmifikacija muziejev // artz.work. – URL: <https://artz.work/project/b37a865fe5034b7cb834bd9c675c908a> (data obrashchijenija: 01.12.2024).
4. Kul'tura Onlajn // Ministierstvo kul'tury Riespubliki Bielarus' : [sajt]. – URL: <https://kultura.by/kultura-onlayn/> (data obrashchijenija: 29.12.2024).
5. Gosudarstviennyj katalog Muziejnogo fonda Riespubliki Bielarus' : [sajt]. – Minsk, 2009–2025. – URL: <http://www.dkmf.by/news/statystyka-dkmf24> (data obrashchijenija: 19.12.2024).

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 09.04.2025

Николай Николаевич Сухотский

канд. социол. наук, доц., зам. директора по научной и инновационной работе
Института социологии Национальной академии наук Беларуси

Nikolai Sukhotsky

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Deputy Director for Scientific and Innovative Work
of Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus
e-mail: suhotskiy@socio.bas-net.by

ДИНАМИКА ПРЕДПОЧТЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В СФЕРЕ ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Анализируются результаты социологических исследований предпочтений населения Беларуси в сфере внутреннего туризма. Проведенные исследования позволяют через призму мониторинга общественного мнения охарактеризовать состояние и особенности развития сферы внутреннего туризма в стране, определить наиболее перспективные его направления, основные проблемы и точки роста.

Ключевые слова: опросы, Беларусь, внутренний туризм, туристический потенциал, предпочтения, государственная политика в сфере туризма, тренды развития туризма.

Dynamics of Preferences of the Population of Belarus in the Sphere of Domestic Tourism: Sociological Analysis

The article analyzes the results of sociological studies of the preferences of the population of Belarus in the sphere of domestic tourism. The conducted studies allow us to characterize the state and features of the development of the domestic tourism sphere in the country through the prism of public opinion, to determine its most promising areas, main problems and growth points.

Key words: surveys, Belarus, domestic tourism, tourism potential, preferences, state policy in the field of tourism, tourism development trends.

Введение

Сегодня туристическая сфера играет важную роль в социально-экономическом развитии Республики Беларусь, что признается не только ведущими экспертами индустрии, но и на самом высоком государственном уровне. Впервые в новейшей истории страны туризм назван национальным проектом будущей пятилетки: соответствующее решение в 2025 г. принял Глава белорусского государства. На церемонии вступления в должность вновь избранного Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко отметил, что туризм по значимости и экономическому потенциалу не уступает, например, машиностроению [1].

Позитивным результатом проводимой в последние годы государственной политики в сфере туризма стало то, что население Беларуси признает туризм привлекательным и востребованным. Это подтверждается заметной активизацией внутреннего туризма и максимально высокой готовностью белорусов к рекреации в пределах страны, что является ключевым трендом за

последние три года социологических наблюдений. Сложившаяся в сфере туризма позитивная ситуация способствует повышению качества жизни населения, сохранению культурного наследия, эффективному развитию регионов, укреплению национально-культурной идентичности.

Современные тенденции показывают, что все большее число белорусов выбирают отдых внутри страны, что связано как с внешними факторами, так и с инициативами государства, направленными на улучшение туристической инфраструктуры. Основной платформой для поддержки внутреннего туризма в последние годы являлась государственная программа «Беларусь гостеприимная» на 2021–2025 гг., которая предполагает создание новых туристических маршрутов, концептуальных «точек притяжения» для туристов, поддержку предпринимательства в этой сфере, популяризацию местных достопримечательностей.

Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, внутренний туризм демонстрирует

стабильный рост. В 2023 г. общее количество поездок внутри страны составило 19,84 млн (на 15,6 % больше, чем в 2022 г.). Организованные туры, включающие культурные экскурсии, поездки в агроусадьбы и оздоровительные центры, охватили более 1,75 млн человек, порядка 92 % пришлось на однодневные поездки и экскурсии (для сравнения: в 2019 г. численность организованных туристов в стране составила 1,1 млн человек [2]).

Эмпирической базой исследования стали результаты республиканских опросов, проведенных Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси во всех областных центрах Республики Беларусь и г. Минске, отдельных районных городах и сельских населенных пунктах в марте – апреле 2021, марте – апреле 2022, мае – июне 2023, апреле – июле 2024 г. среди населения в возрасте от 18 лет и старше. Объем выборочных совокупностей составил: 1051 респондент в 2021 г. (ошибка выборки – ± 3 %); 1000 респондентов в 2022 г. (ошибка выборки – $\pm 3,1$ %); 900 респондентов в 2023 г. (ошибка выборки – $\pm 3,3$ %); 900 респондентов в 2024 г. (ошибка выборки – $\pm 3,3$ %).

Метод исследования – телефонный опрос на основе компьютеризированной системы CATI ASSO, которая позволяет осуществлять отбор респондентов в любом регионе страны, проводить тщательный контроль за ходом исследования, проверять результативность любого звонка.

Тип выборочной совокупности – многоступенчатая случайная стратифицированная выборка.

Тенденции развития внутреннего туризма в Беларуси

Развитие внутреннего туризма в Беларуси тесно связано с государственной поддержкой, направленной на улучшение инфраструктуры, продвижение туристических маршрутов и создание благоприятных условий для отдыхающих. В рамках государственных программ и инициатив реализуются проекты, направленные на повышение привлекательности внутренних туристических направлений, а также более интенсивное вовлечение граждан в активную туристическую деятельность. Именно внутренний туризм дает возможность снизить

остроту социальных вопросов, сокращает неравенство между принимающей стороной и туристом, способствует развитию местных мелких предпринимателей, сохраняет аутентичные особенности региона и увеличивает уровень информированности населения о туристических дестинациях своей страны [3, с. 106].

По данным опросов, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси в 2021–2024 гг., большинство белорусов считают отдых и путешествия важной частью своей жизни: от 87,7 % в 2021 до 71,9 % в 2024 г. Отрицательный же ответ дают от 9,5 % (2021 г.) до 25,3 % респондентов (2024 г.). Зафиксированный социологами высокий уровень актуальности отдыха в постпандемийный год и тенденция постепенного снижения значимости путешествий для граждан во многом являются отголосками сложной эпидемиологической ситуации, а также закрытостью границ ряда зарубежных стран в период 2020–2021 гг.

Анализируя ответы на вопрос «Как Вы предпочитаете отдыхать?», можно сделать вывод, что для существенной части респондентов на протяжении всего периода наблюдений наиболее приоритетными видами рекреации являются отдых на природе (42,6 %), на даче (35,9 %), рыбалка, охота, собирание грибов и ягод (32,1 %). Актуальными направлениями также являются посещение исторических памятников (29,9 %), отдых на пляже (26,7 %), посещение природных достопримечательностей (24,1 %), храмов, монастырей и других религиозных мест (22,3 %), культурных и спортивных мероприятий (17,9 %), активный (спортивный) отдых (15,2 %). Наименее популярен экстремальный отдых (прыжки с парашютом, роупджампинг, джип-туры и др.); его отметили 7,4 % ответивших.

В числе тенденций за период наблюдений наиболее значимой является снижение числа респондентов (с 56,5 до 42,6 %), выбирающих отдых на природе в целом. Следует также отметить стабильный интерес населения страны к посещению исторических памятников (32 % в 2021 г., 29,9 % в 2024 г.), храмов, монастырей и других религиозных мест (24,4 % в 2021 г., 22,3 % в

2024 г.), культурных и спортивных мероприятий (16,8 % в 2021 г., 17,9 % в 2024 г.).

В отношении планирования населением формата своего отдыха следует выделить такую тенденцию: граждане становятся сегодня намного более информированными и искушенными. Эксперты фиксируют, что современные туристы сокращают сроки своих путешествий, при этом сохраняя нацеленность на получение от отдыха новых эмоций и впечатлений. Социологи отмечают: в туристических поездках становятся значимыми обучение, экологизация сознания, максимальная диверсификация и дифференциация предложения [4, с. 148]. В результате формируется новый тип отдыхающего или путешественника. Большинство белорусов ищут уникальный туристический опыт и в этой связи готовы инвестировать в самостоятельную организацию своего отдыха. Социологические исследования подтверждают устойчивость таких установок среди граждан: 65,5 % респондентов (в 2021 г. – 67,6 %) предпочитают самостоятельно организовывать свой туристический отдых. В частности, фиксируется некоторое снижение числа опрошенных, которые планируют свою рекреацию с помощью туроператоров и агентства (с 26,6 до 22,6 %), что потенциально повышает конкуренцию между различными провайдерами туристических услуг. При этом 11,9 % не выбрали ничего из предложенных социологами вариантов, что может свидетельствовать как о делегировании организации отдыха другим лицам (друзьям, родственникам), так и об отсутствии туристического отдыха вообще [5]. Поэтому стабильно высокий процент «самостоятельных отдыхающих или путешественников» может стимулировать развитие предпринимательской инициативы в сфере гостеприимства.

Основным источником информации о туристических объектах и маршрутах Беларуси для участников опроса выступают интернет-сайты (60,9 %). Востребованными также являются личные контакты (28,8 %), телевидение (24,4 %) и социальные сети (17,6 %). Наименее популярны у респондентов газеты и журналы (8 %), телеграм-каналы, мессенджеры (7,3 %) и радио (5,2 %). При этом 6,4 % опрошенных не интересуются данной информацией вообще.

Среди существенных тенденций следует отметить некоторое снижение значимости такого источника информации, как интернет-сайты (с 65,8 % в 2021 г. до 60,9 % в 2024 г.) и личные контакты (коллеги, знакомые, родственники и др.): с 34,9 % в 2021 г. до 28,8 % в 2024 г.

В любые времена важный вопрос для каждого путешественника – место его проживания или ночлега в период поездки. Наиболее популярными ответами являются «Жить у родственников, знакомых, друзей» или «Жить в гостинице, отеле» (по 29,5 %). Также возможными вариантами для проживания респонденты называют арендованную квартиру или дом (17,5 %), кемпинг (15 %), санаторий (13,2 %). Заметной тенденцией в общественном мнении белорусов является постепенное снижение выбора в качестве варианта для проживания арендной квартиры или дома (с 24,2 % в 2021 г. до 17,5 % в 2024 г.) и хостела (с 7,9 % в 2021 г. до 3,4 % в 2024 г.). Также следует отметить резкий спад популярности туристических баз (17,9 % в 2022 г., 7 % в 2024 г.). При этом стабильные показатели на протяжении всего периода наблюдений имеют кемпинги (12 % в 2021 г., 15 % в 2024 г.) и санатории (13,7 % в 2021 г., 15 % в 2024 г.).

Отвечая на вопрос «С кем Вы предпочитаете путешествовать?», подавляющее большинство респондентов (70,2 % в 2021 г., 76,9 % в 2024 г.) делают выбор в пользу своей семьи. С другом/друзьями в 2024 г. предпочитали отдыхать 28,8 % опрошенных. В одиночку нравится путешествовать 9,9 % респондентов, с коллегами по работе или учебе – 5,8 %.

В отношении частоты путешествий по Беларуси ситуация следующая: 27,1 % делают это несколько раз в год, 23,9 % – ежегодно, 20,6 % – реже раза в год, 28,4 % вообще не путешествуют по стране. Фиксируется при этом заметное снижение доли тех респондентов, кто путешествует реже раза в год (с 31,9 до 20,6 %), и рост числа тех, кто не путешествует в принципе (с 16,3 до 28,4 %).

Подавляющее большинство опрошенных (84,3 %) в 2024 г. не планировали во время своего отпуска или в выходных дней выезд за границу. О намерении сделать это высказалось значительно меньшее число респондентов – лишь 13 %. При этом в от-

ношении отдыха на территории родной страны население настроено максимально позитивно: абсолютное большинство опрошенных (92,6 %) рассматривают Беларусь в качестве места для своего отдыха, однако есть и те (5,5 %), кто имеет противоположное мнение.

Туристские предпочтения белорусов

Согласно результатам социологических исследований, для более чем половины опрошенных (53,3 %) из числа тех, кто практикует путешествия по Беларуси, привлекательным является посещение исторических и культурных мест, достопримечательностей, музеев и памятников культуры. Также участники опроса отдают предпочтение визитам на малую Родину (39,1 %) и поездкам к таким природным объектам, как заповедники, леса, озера (38,7 %). Каждый пятый (в среднем по 19,7 %) путешествует с целью посещения мероприятий, фестивалей, выставок и лечения/оздоровления. Туристические или паломнические поездки к религиозным святыням выбирают 15 % ответивших, рабочие командировки отмечают 9,2 % [5]. Из наиболее существенных тенденций следует отметить существенный рост в 2024 г. доли тех, кто предпочитает посещение исторических, культурных мест (с 41,6 % в 2021 г. до 53,3 % в 2024 г.). По остальным направлениям фиксируется относительно стабильная ситуация.

Респонденты, практикующие путешествия по Беларуси, активно интересуются различными культурно-массовыми мероприятиями. Больше всего туристов привлекают фестивали музыки и музыкальные конкурсы (41,1 %), практически не уступают им по популярности исторические мероприятия, реконструкции (39 %) и национальные праздники (37,2 %). Также у участников опроса оказалось востребованным посещение ярмарок (32,2 %) и спортивных мероприятий (28,3 %). Социологические замеры указывают на повышение интереса к практически всем видам мероприятий, кроме ярмарок. Наибольшая динамика отмечается в отношении национальных праздников (26 % в 2023 г., 37,2 % в 2024 г.).

Социологические исследования туристических предпочтений респондентов позволили составить рейтинги наиболее популярных населенных пунктов (объектов)

страны, по мнению граждан, которые путешествуют по Беларуси. В частности, топ-5 городов, которые участники опроса посетили во время последнего путешествия («совершенные путешествия»), выглядит следующим образом: Минск (20,6 %), Брест (19,5 %), Гродно (15,3 %), Витебск (8,6 %), Мир (8,2 %). На протяжении периода наблюдений фиксируется поступательный рост популярности Гродно и Мира, а также стабильные оценки столицы и Витебска.

В 2024 г. респонденты из числа путешествующих жителей страны, отметили, что планировали в течение года посетить Брест (9,2 %), Витебск (8,2 %), Минск (7,1 %), Гродно (6,7 %), Гомель (3,5 %). Следует отметить, что в данном топ-5 («планируемые путешествия») только Витебск демонстрирует небольшой, но устойчивый рост интереса со стороны респондентов-путешественников (3,6 % в 2021 г., 4,6 % в 2022 г., 6,5 % в 2023 г., 8,2 % в 2024 г.).

Несколько по-иному выглядит рейтинг топ-5 мест в Беларуси, которые респонденты порекомендовали бы для посещения своим друзьям, родственникам, коллегам («рекомендованные путешествия»): Гродно (11,5 %), Несвиж (11,4 %), Брест (11,1 %), Брестская крепость (10,1 %), Мир (9,6 %).

Из наиболее популярных в стране туристических объектов (топ-3), которые могут считаться визитной карточкой Беларуси, последовательность такая: Мирский замок (16,8 %), Брестская крепость (13,8 %), Несвижский замок (12 %).

Участники опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси, достаточно высоко оценивают привлекательность национального внутреннего туризма, а по отдельным аспектам отмечается позитивная динамика [5]. Так, средняя оценка привлекательности достопримечательностей и туристических маршрутов (музеев, памятников архитектуры) составляет 4,47 балла из пяти возможных (при этом отмечается позитивная динамика за период наблюдений с 2021 по 2024 г.).

Качество спортивно-оздоровительного сервиса, включающего качество оказания услуг в санаториях, спортивных комплексах, оценивается в 4,45 балла (отмечается стабильность в оценках за период наблюдений). Объектами проживания (гостиницами,

хостелами) опрошенные удовлетворены в среднем на 4,23 балла (отмечается стабильность в оценках за период наблюдений). Качество информации о туристических услугах и маршрутах оценивается респондентами в 4,18 балла (отмечается позитивная динамика за период наблюдений). Средняя оценка уровня развития точек общественного питания (кафе, закусочных, ресторанов) составила 4,15 балла (отмечается позитивная динамика за период наблюдений). Несколько ниже оценена развитость транспортной инфраструктуры (дорожной сети) объектов проживания – в среднем в 4,08 балла (отмечается позитивная динамика за период наблюдений).

Перспективные направления внутреннего туризма

Развитие внутреннего туризма в Беларуси демонстрирует значительный потенциал по нескольким ключевым направлениям. Они не только соответствуют современным предпочтениям населения, но и обеспечивают устойчивое развитие регионов, создавая новые рабочие места и привлекая инвестиции.

1. Лечебно-оздоровительный туризм.

Этот вид туризма по-прежнему остается одним из самых востребованных направлений среди белорусов. Половина опрошенных в 2024 г. в рамках исследования Института социологии НАН Беларуси (51,5 %) предпочитают проводить отдых в санаториях и профилакториях, что связано с качеством услуг и доступностью цен. Беларусь обладает уникальными природными ресурсами, включая минеральные воды и лечебные грязи, которые активно используются в медицинских центрах. Перспективными в развитии данного направления являются расширение сети санаториев и модернизация существующих; введение комплексных программ оздоровления, сочетающих лечение и культурный отдых; привлечение туристов из соседних стран, в первую очередь из Российской Федерации, благодаря конкурентным ценам и высокому качеству оказываемых услуг.

2. Агротуризм. Опрос показал, что 29,3 % респондентов выбрали этот вид в качестве перспективного для республики. Популярность данного относительно нового для белорусов вида отдыха во многом обусловлена стремительным ростом urba-

низации (на сегодняшний день 56 % населения мира проживает в городах, в Беларуси данный показатель достигает 75 %) [6]. Отечественные исследователи К. В. Гороховик и Т. В. Зглой отмечают: «Агротуризм играет важную роль в обеспечении устойчивого развития страны, объединяя экономические, экологические и социальные аспекты. Данный вид отдыха привлекает иностранных туристов, обеспечивает поддержку местных производителей, способствует созданию рабочих мест и развитию инфраструктуры в сельской местности, одновременно с этим сохраняя культурные и природные ресурсы» [7]. В Беларуси действуют более 2500 агроусадоб, предлагающих разнообразные услуги от дегустации местной кухни до экскурсий в национальные парки. Перспективами развития агротуризма являются создание сетей агроусадоб с единой системой бронирования; подготовка программ для семейного отдыха, включающих образовательные туры, воркшопы; укрепление связей с местными производителями для популяризации локальных продуктов и брендов.

3. Культурно-образовательный туризм. Этот вид туризма в качестве перспективного назвали четверть респондентов (26,5 %). Беларусь славится своим уникальным историко-культурным наследием (замками, музеями и мемориальными комплексами). В список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО внесены такие известные объекты, как Беловежская пушча, Мирский замок, Несвижский замок, Геодезическая дуга Струве. Перспективами развития этого вида туризма представляются такие действия, как внедрение мультимедийных технологий в экскурсионные программы; организация фестивалей и тематических мероприятий для привлечения туристов; активизация сотрудничества с государственными учреждениями образования для создания уникальных туров для различных категорий обучающихся.

4. Военно-исторический туризм. Этот вид туризма указали 25,7 % респондентов. Беларусь обладает значительным военно-историческим наследием. Места, связанные с Великой Отечественной войной, ежегодно привлекают тысячи туристов. Особенно популярными остаются мемориальные комплексы «Брестская крепость», «Хатынь»,

историко-культурный комплекс «Линия Сталина» и ряд других объектов. В стране насчитывается около 9 тыс. памятников и захоронений времен Великой Отечественной войны. В качестве перспективных направлений развития военно-исторического туризма выступают разработка новых маршрутов, связанных с малоизвестными историческими объектами; организация реконструкций и военно-исторических фестивалей; повышение информированности туристов через цифровые приложения и онлайн-платформы.

5. Активный (спортивный) туризм.

Этот вид туризма отметили 23,8 % респондентов. Для значительной части любителей активного отдыха Беларусь является привлекательной страной, в первую очередь за счет развитой спортивной инфраструктуры. В республике функционирует более 23 тыс. современных физкультурно-спортивных сооружений. Каждый областной центр имеет Дворец спорта, крытую ледовую площадку, стадионы, физкультурно-оздоровительные комплексы, бассейны. Ежегодно проводится более 20 тыс. спортивно-массовых мероприятий, постоянно растет число их участников, в т. ч. иностранных. Дальнейшее совершенствование спортивного туризма видится в популяризации событийного, спортивно-оздоровительного, детского и юношеского туризма, а также более эффективное развитие спортивного сегмента делового туризма. Пешие и велосипедные прогулки по уникальным белорусским природным ландшафтам, сплавы по рекам могут в перспективе стать популярными видами семейного отдыха. Активный (спортивный) туризм в регионах Беларуси потенциально может выступать катализатором их социально-экономического развития с формирования здоровьесберегающей среды, здорового образа жизни и экологически ответственного поведения местного населения.

В отношении других видов внутреннего туризма Беларуси ситуация в целом устойчивая. При этом несколько ниже, чем названные выше направления, опрошенные жители страны оценивают перспективы пляжного туризма с проживанием в кемпингах и рыбалкой (17%), событийного туризма, связанного с посещением фестивалей, концертов, ярмарок и спортивных мероприятий, (15,3%), а также религиозно-

го туризма, включающего в себя выезд к святыням и местам паломничества (13,2%).

В качестве одного из активно развивающихся современных видов туризма особо следует выделить промышленный туризм (отметили 9,6 % респондентов). Посещение заводов, фабрик и других промышленных объектов стало новым форматом отдыха среди как белорусских, так и иностранных туристов. Один из ключевых трендов туристического сезона 2025 г. – рост не только коллективных, но и сборных групп для посещения предприятий страны. Результаты опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2024 г., свидетельствуют о высоком потенциале данного направления при условии грамотного маркетинга и улучшения инфраструктуры [8]. Эксперты туристической индустрии прогнозируют активное развитие в ближайшие годы данного сегмента туристской отрасли. Так, по мнению аналитика БИСИ И. Русак, «сегодня промышленный туризм превращается в один из действенных инструментов по выводу предприятий на новые рынки, получению идей для его стратегического развития, экскурсионной индустриализации страны» [9]. Основными направлениями его развития в Беларуси являются создание центров промышленного туризма на базе крупных предприятий; разработка эксклюзивных тематических маршрутов по предприятиям, включая интерактивные экскурсии; использование заброшенных промышленных объектов для организации культурных и деловых мероприятий; поддержка стартапов, связанных с технологическими экскурсиями.

Молодежный туризм как часть внутреннего туризма

Для нынешнего поколения белорусов свойственна открытость миру, установка на мобильность и получение новых впечатлений. Современные юноши и девушки легки на подъем, готовы посещать массовые мероприятия, культурные объекты и достопримечательности, труднодоступные, необычные места. Молодые люди в своем большинстве считают путешествия важной частью своей жизни, в т. ч. по территории родной страны.

Сегодня в Беларуси имеются все ресурсы для более динамичного развития внутреннего молодежного туризма. Социо-

логические исследования показывают, что наиболее перспективными с точки зрения молодого поколения видами внутреннего туризма являются активный/спортивный, культурно-образовательный и военно-исторический. Понимание запросов юношей и девушек, в частности учета выраженного интереса к активному, а порой и экстремальному отдыху, поможет найти подходы к разработке туристических маршрутов культурно-познавательного и спортивного характера, позволяющих повысить интерес молодого поколения к познанию родного края. Проведенные в Республике Беларусь в августе 2023 г. II Игры стран СНГ помимо зрелищной составляющей позволили расширить представления молодежи о нашей стране: концепция Игр предусматривала проведение спортивных мероприятий в 11 городах [10].

Средствами туризма могут решаться многочисленные задачи, стоящие перед государственной молодежной политикой и связанные с развитием человеческого капитала молодого поколения как стратегического ресурса страны. При этом целесообразно активизировать работу по повышению информированности молодежи поколения о туристическом потенциале регионов. Это является одним из ключевых факторов преодоления скепсиса, сохраняющегося у части молодых людей в отношении путешествий по республике. По этой причине множество уникальных памятников природы, архитектуры, военной истории просто не попадают в поле зрения молодежной аудитории. В этой связи актуальной является информационно-просветительская работа по популяризации регионов Беларуси, их особенностей и достопримечательностей (через учреждения образования, социальные сети, специальные мероприятия, тематические проекты и т. д.). Следует формировать у молодых граждан осознанную мотивацию к совершению путешествий по стране, разрабатывать новые туристические маршруты с учетом патриотической составляющей с включением в них знаковых для каждого белоруса мест.

Перспективы развития внутреннего туризма

По мнению подавляющего большинства респондентов (71,4 %), за последние два-три года ситуация в сфере внутреннего туризма в Республике Беларусь улучши-

лась. Противоположной позиции придерживаются лишь 3,1 % опрошенных; об отсутствии изменений говорят 11,2 %; затруднились с ответом 14,3 %. В сравнении с 2023 г. оценки стали более позитивными: число респондентов, отмечающих положительные тенденции, выросло с 65,3 до 71,4 %. Вместе с тем среди причин, по которым часть граждан не рассматривают Беларусь как место для своего отдыха, называют следующее: высокая стоимость (проживание, услуги, передвижение и др.), низкое количество интересных и привлекательных мест для отдыха, недостаток информации о туристических объектах и маршрутах, низкое качество гостевого сервиса, а также отсутствие моря.

Несмотря на отдельные проблемные моменты (недостаточная развитость инфраструктуры, недостаточная информационная поддержка, дефицит креативных решений, низкая квалификация специалистов и др.), внутренний туризм в Беларуси обладает значительными перспективами. Для их реализации необходима интеграция инновационных решений, повышение качества услуг и активное продвижение туристического потенциала. Привлекательность республики как туристического направления остается недостаточной как для внутреннего, так и зарубежного рынка. Часть зарубежных туристов рассматривают страну лишь как транзитный пункт на пути в другие регионы, проявляют интерес к посещению только одного-двух известных туристических объектов.

Отвечая на вопрос: «Какие меры, по Вашему мнению, могут повысить туристическую привлекательность Беларуси?», респонденты отметили следующие: «реставрация и восстановление культурно-исторических памятников» (30,5 %); «организация праздников, фестивалей и тематических дней в регионах» (25,5 %); «увеличение числа информационных материалов (путеводители, брошюры и т. п.)» (25,3 %); «развитие инфраструктуры (кафе, гостиницы и т. д.)» (25,3 %); «развитие транспортного сообщения» (23,4 %); «расширение сети туристических и экскурсионных маршрутов» (23,4 %); «повышение качества предоставляемых услуг» (21,4 %); «наличие сувенирной продукции» (13,5 %).

Следует отметить некоторое снижение в сравнении с 2021 г. поддержки респонден-

тами таких мер, как «реставрация и восстановление культурно-исторических памятников» (с 37,9 до 30,5 %), «организация праздников, фестивалей и тематических дней в регионах» (с 30,8 до 25,5 %), «развитие инфраструктуры» (с 29,9 до 24,1 %). Стабильную поддержку респонденты выражают в отношении развития транспортного сообщения, расширения сети туристических и экскурсионных маршрутов, повышения качества предоставляемых услуг и наличия сувенирной продукции.

Как показали результаты мониторинговых социологических исследований Института социологии НАН Беларуси, основным направлением совершенствования сферы внутреннего туризма является увеличение бюджетных (экономически доступных) вариантов отдыха; так считают 42,7 % участников опроса.

Значимыми факторами развития внутреннего туризма респонденты также назвали активное продвижение информации в СМИ, улучшение качества обслуживания на существующих туристических объектах. Реже опрошенные жители страны указывали на необходимость увеличения количества самих туристических объектов (19,9 %) и развития туризма, ориентированного на использование местной, региональной специфики (17 %). Практически по всем позициям в сравнении с предыдущими годами наблюдается снижение показателей, что говорит об улучшении ситуации в сфере внутреннего туризма.

Заключение

Таким образом, жители Беларуси выражают неподдельный интерес к внутреннему туризму и предпочитают разнообразные формы отдыха на территории страны. В настоящее время туризм не просто является досуговой или рекреационной деятельностью, а стал стилем жизни значительной части населения, стремящегося к саморазвитию, постижению национальной культуры и гражданско-патриотических ценностей.

Внутренний туризм в Беларуси демонстрирует высокий потенциал, поддерживает государственными инициативами, фиксируемым ростом интереса со стороны населения и развитием новых направлений, таких как агротуризм и промышленный туризм. Тем не менее для достижения максимального эффекта требуются дополнительные усилия по дальнейшему улучшению инфраструктуры, повышению качества услуг и усилению маркетинговых стратегий.

Для успешного преодоления всех имеющихся на данный момент в сфере внутреннего туризма барьеров необходимо целенаправленное взаимодействие государства, бизнеса и общества. Комплексный подход, объединяющий усилия указанных выше акторов, позволит решить существующие проблемы и обеспечить процесс совершенствования сферы внутреннего туризма и гостеприимства в Беларуси. Это, в свою очередь, будет способствовать устойчивому социально-экономическому развитию страны и регионов, укреплению национальной-культурной идентичности граждан и повышению качества жизни населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Основные тренды развития отечественного туризма в сезоне-2025 // СБ. Беларусь сегодня. – 2025. – 24 апр. – URL: <https://www.sb.by/articles/vse-dorogi-vedut-v-belarus-turizm-2025.html> (дата обращения: 15.03.2025).

2. Белорусский туризм по ряду показателей уже превзошел допандемийный уровень – Андрейчик // СБ. Беларусь сегодня. – 2024. – 27 сент. – URL: <https://www.sb.by/articles/-belorusskiy-turizm-po-ryadu-pokazateley-uzhe-prevzoshel-dopandemiynyy-uroven-andreychik.html> (дата обращения: 20.03.2025).

3. Ежель, О. В. Туристические ресурсы как детерминанта устойчивого развития туризма в Республике Беларусь / О. В. Ежель, А. И. Ляшкова // Вестник Белорусского государственного экономического университета. – 2022. – № 5. – С. 105–115.

4. Литвякова, К. В. Промышленный туризм в Беларуси: опыт и перспективы развития / К. В. Литвякова // Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности, перспективы : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3–4 нояб. 2022 г. / редкол.:

Н. Л. Мысливец (гл. ред.) [и др.] ; Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск : Донарит, 2022. – С. 148–149.

5. Туристические предпочтения белорусов // Институт социологии НАН Беларуси. – 2024. – 01.08.2024. – URL: <https://socio.bas-net.by/turisticheskie-predpochteniya-belorusov> (дата обращения: 18.03.2025).

6. Список стран по уровню урбанизации. – URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/urban-population> (дата обращения: 19.20.2024).

7. Агрэотуризм: новые вызовы – новые решения : материалы XV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 15 нояб. 2024 г. / Беларус. гос. ун-т ; редкол.: Л. М. Гайдукевич (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2025. – 1 CD-ROM.

8. Перспективы белорусского промышленного туризма: социологическое прогнозирование // Институт социологии НАН Беларуси. – 2024. – 26.08.2024. – URL: <https://socio.basnet.by/turisticheskie-predpochteniya-belorusov> (дата обращения: 15.03.2025).

9. Промышленный туризм в Беларуси как бренд и стратегия // Белорусский институт стратегических исследований. – 2024. – март. – URL: <https://socio.bisr.by/promyshlennyj-turizm-v-belarusi-kak-brend-i-strategija> (дата обращения: 15.03.2025).

10. Белорусский туризм: тенденции и перспективы // Белорусский институт стратегических исследований. – 2023. – июль. – URL: <https://socio.bisr.by/beloruskij-turizm-tendencii-i-perspektivy> (дата обращения: 19.02.2025).

REFERENCES

1. Osnovnyje trendy razvitija otiechiestviennogo turizma v siezonie-2025 // SB. Bielarus' siegodnia. – 2025. – 24 apr. – URL: <https://www.sb.by/articles/vse-dorogi-vedut-v-belarus-turizm-2025.html> (data obrashchienija: 15.03.2025).

2. Bieloruskij turizm po riadu pokazatieliej uzhe prievzoshel dopandemijnyj urovien' – Andriejchik // SB. Bielarus' siegodnia. – 2024. – 27 sient. – URL: <https://www.sb.by/articles/beloruskij-turizm-po-ryadu-pokazateley-uzhe-prevzoshel-dopandemijnyj-uroven-andreychik.html> (data obrashchienija: 20.03.2025).

3. Jezhel, O. V. Turistichieskije riesursy kak determinanta ustojchivogo razvitija turizma v Riespublikie Bielarus' / O. V. Jezhel', A. I. Liashkova // Viestnik Bieloruskogo gosudarstviennogo ekonomichieskogo univiersiteta. – 2022. – № 5. – S. 105–115.

4. Litviakova, K. V. Promyshliennyj turizm v Bielarusi: opyt i pierspiektivy razvitija / K. V. Litviakova // Social'noje znaniye v sovriemiennom obshchiestvie: problemi, zakonomiernosti, pierspiektivy : materialy III Miezhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk, 3–4 nojab. 2022 g. / riedkol.: N. L. Mysliviec (gl. ried.) [i dr.] ; In-t sociologii NAN Bielarusi. – Minsk : Donarit, 2022. – S. 148–149.

5. Turistichieskije priedpochtienija belorusov // Institut sociologii NAN Bielarusi. – 2024. – 01.08.2024. – URL: <https://socio.bas-net.by/turisticheskie-predpochteniya-belorusov> (data obrashchienija: 18.03.2025).

6. Spisok stran po urovniu urbanizacii. – URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/urban-population> (data obrashchienija: 05.02.2025).

7. Agroekoturizm: novyje vyzovy – novyje rieshenija : materialy XV Miezhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk, 15 nojab. 2024 g. / Bielorus. gos. un-t ; riedkol.: L. M. Gajdukievich (gl. ried.) [i dr.]. – Minsk : BGU, 2025. – 1 CD-ROM.

8. Pierspiektivy bieloruskogo promyshliennogo turizma: sociologichieskoje prognozirovanije // Institut sociologii NAN Bielarusi. – 2024. – 26.08.2024. – URL: <https://socio.basnet.by/turisticheskie-predpochteniya-belorusov> (data obrashchienija: 15.03.2025).

9. Promyshliennyj turizm v Bielarusi kak brend i stratigija // Bieloruskij institut stratigichieskikh issliedovaniy. – 2024. – mart. – URL: <https://socio.bisr.by/promyshlennyj-turizm-v-belarusi-kak-brend-i-strategija> (data obrashchienija: 15.03.2025).

10. Bieloruskij turizm: tendencii i pierspiektivy // Bieloruskij institut stratigichieskikh issliedovaniy. – 2023. – ijul'. – URL: <https://socio.bisr.by/beloruskij-turizm-tendencii-i-perspektivy> (data obrashchienija: 19.02.2025).

Диана Дмитриевна Кармызова

мл. науч. сотрудник Института социологии Национальной академии наук Беларуси

Diana Karmyzova

Junior Researcher of the Institute of Sociology of National Academy of Sciences of Belarus

e-mail: dianadmkr@gmail.com

СОЦИАЛЬНЫЙ ПАКЕТ КАК ФАКТОР МОТИВАЦИИ ТРУДА ЖИТЕЛЕЙ ТЕРРИТОРИЙ, ПОСТРАДАВШИХ ОТ АВАРИИ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС (НА ПРИМЕРЕ ГОМЕЛЬСКОЙ, БРЕСТСКОЙ И МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)*

Исследование фокусируется на работниках (служащих), которые заняты на рынке труда территорий, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС. Анализируются мнения респондентов о составе компонентов социального пакета, а также соответствия между фактически реализуемыми и востребованными мерами поощрения, компенсации труда по месту работы опрошенных. Определены значимые компоненты социального пакета и различия в их восприятии в зависимости от трудового стажа работников и уровня их удовлетворенности текущим материальным положением. Установлено, что наиболее часто реализуемые и в то же время востребованные меры поощрения труда связаны с финансовой поддержкой.

Ключевые слова: *труд, мотивация труда, социальный пакет, трудовой стаж, материальное и нематериальное поощрение труда.*

Social Benefits Package as a Labor Motivation Factor for Residents in Territories Affected by the Chernobyl Nuclear Disaster (Case Study of Gomel, Brest, and Mogilev Regions)

The study focuses on employees working in labor markets of territories affected by the Chernobyl nuclear disaster. It examines respondents' perceptions regarding the composition of social benefit packages, as well as the alignment between currently implemented and desired measures of labor incentives and compensation at their workplaces. The research identifies key components of social benefits and analyzes differences in their perception based on employees' work experience and satisfaction with their current financial situation. The findings indicate that the most frequently provided and simultaneously demanded labor incentives are associated with financial support.

Key words: *labor, labor motivation, social benefits package, work experience, material and non-material incentives.*

Введение

Рынок труда представляет собой социально конструируемое пространство, в котором взаимодействие работодателей и работников формируется под влиянием более широких общественных отношений и социальных процессов. Значимым элементом функционирования рынка труда выступает мотивация работников, которая формируется под воздействием как экономических, так и социально-психологических факторов.

Опираясь на теорию мотивации А. Маслоу, согласно которой активизация высших потребностей происходит постепенно, по мере удовлетворения более низких [1], можно утверждать, что стремление работника к самореализации становится возможным лишь после достижения определенного уровня материальной, физической и психологической стабильности. Когда базовые потребности человека, такие как физиологические нужды и безопасность, удовлетворены, считается, что индивид стремится реализовать потребности более высокого уровня (потребности в уважении и признании, самореализации, создании социальных связей). В таком контексте труд и уровень его оплаты играют принципиально важную роль не только как средство обеспечения базовых условий для качественно наполненной жизни и безопасно-

*Статья подготовлена в рамках проекта «Мониторинг общественного мнения о проблемах и перспективах социально-экономического развития пострадавших от аварии на ЧАЭС территориях» Государственной программы по преодолению последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС на 2021–2025 гг. (научный руководитель – Е. В. Мартищенко).

сти человека, но и как фактор, который выступает основанием для самореализации.

Таким образом, работодатель, стремящийся повысить трудовой потенциал своих сотрудников и общую производительность труда, должен учитывать базовые аспекты мотивации работников. Сегодня наиболее распространенные меры повышения мотивации и стимулирования труда – это гарантии, льготы и обязательства, которые возложены на работодателя государством и закреплены в Трудовом кодексе Республики Беларусь [2]. К ним относятся минимальная заработная плата (месячная и часовая), оплата больничных листов, предоставление основного трудового отпуска, гарантии и компенсации служебных командировок и др. Вместе с тем работодатель по собственной инициативе и за счет средств предприятия (организации) вправе поощрять работников. Виды поощрений в этом случае определяются коллективным договором, соглашением или правилами внутреннего трудового распорядка, а также уставами и положениями о дисциплине [2]. Наниматель может использовать различные формы поощрения и мотивации труда, которые в профессиональной литературе называются компенсационным и/или мотивационным социальным пакетом [3, с. 45].

Проблематика исследования мотивации труда связана, с одной стороны, со сложностью оценки уровня удовлетворенности трудом населения, занятого в экономике страны, и влияния стимулирующего эффекта социального пакета (или его компонентов), если он предоставляется по месту работы занятых. С другой стороны, исследования мотивации труда приобретают особое значение в отношении социально уязвимых категорий работников, а также населения, которое проживает на «загрязненных» от аварии на Чернобыльской АЭС (ЧАЭС) территориях Брестской, Гомельской и Могилевской областей.

Ряд белорусских исследователей отметили рост диспропорций на национальном рынке труда, включая дисбаланс между «занятостью и безработицей», а также уровнем оплаты труда [4–6]. В Брестской, Витебской, Гомельской и Могилевской областях уровень занятости ниже среднереспубликанского показателя, а показатель безработицы – выше [7], что усугубляется оттоком населения из этих регионов. Отмечен-

ные аспекты рынка труда территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС, обуславливают необходимость исследования материальных и нематериальных факторов мотивации труда работников. В этом контексте социальный пакет может выступать в качестве значимого компенсаторного и мотивационного инструмента «закрепления» работников по месту труда, а также вклада в экономику исследуемых областей.

Актуальность статьи заключается в системной оценке удовлетворенности населением социальным пакетом по месту работы в условиях повышенных социальных рисков в силу проживания на «загрязненных» территориях. Недостаточная персонализация и гибкость системы поддержки и компенсации неблагоприятных условий труда могут ограничивать стимулирующий эффект социального пакета, что в долгосрочной перспективе отразится на уровне удовлетворенности работников трудом и в целом – на общей эффективности работы организации.

Цель статьи – определить роль мер повышения мотивации и стимулирования труда для закрепления работников на территориях, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС (Брестской, Гомельской, Могилевской областей).

Задачи исследования:

1) проанализировать значимость компонентов социального пакета в целом, а также его зависимость от трудового стажа работников и степени удовлетворенности материальным достатком респондентов;

2) установить соответствие между фактическими и желаемыми мерами поощрения и мотивации труда по месту работы опрошенных.

Основная часть

В качестве эмпирической базы исследования заявленной проблематики выступили данные опроса, проведенного в 2024 г., населения территорий Брестской, Гомельской и Могилевской областей, пострадавших от аварии на ЧАЭС (на основе вероятностной многоступенчатой стратифицированной территориальной выборочной совокупности).

Общий объем выборочной совокупности составил 1012 человек (предельная ошибка выборки $\pm 3,3$ % при доверительной вероятности 95,0 %).

Предоставление работодателем различных бонусов в рамках социального пакета во многих случаях является значимым фактором удержания работников, а также стимулирования мотивации их труда, в связи с чем в рамках опроса респондентам, работающие официально и неофициально, на постоянной или непостоянной основе, предлагалось ответить, какие компоненты включены в социальный пакет по месту их работы и какие меры поощрения труда максимально соответствуют потребностям работающих.

Распределение респондентов в соответствии со статусом их трудоустройства имеет следующий вид: были трудоустроены 65,6 % опрошенных (из них официально и на постоянной основе трудились 59,6 %; официально, но не постоянно – 3,4 %; неофициально – 2,6 %); не были трудоустроены 34,8 % (их них временно не заняты 5 %, никогда не работали 7 %, не были заняты в связи с выходом на пенсию и по другим причинам – 22,8 %).

Итак, в рамках исследования проведено сравнение *фактически получаемых* и *желаемых* компонентов социального пакета населения, проживающего на территориях, загрязненных в результате аварии на ЧАЭС.

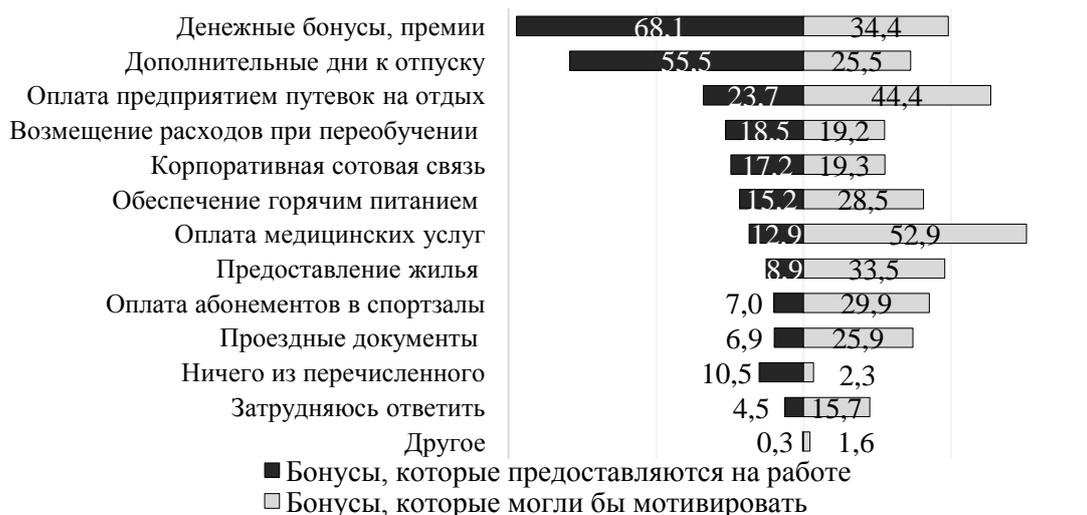
Согласно полученным данным, наиболее распространенными мерами поощрения труда, которые были реализованы по месту работы опрошенных, были «денежные поощрения, премии» (68,1 %) и/или предо-

ставление «дополнительных дней отпуска» (55,5 %). Эти меры поощрения труда широко распространены.

Кроме того, предоставление трудовых и социальных отпусков регламентируется нормами Трудового кодекса Республики Беларусь [2] и является частью тех обязательств, которые возложены на работодателя государством.

Среди прочих мер поощрения и/или мотивации труда в рамках социального пакета, которые предоставляются респондентам по месту работы, – «оплата предприятием или организацией путевок на отдых» (23,7 %), «возмещение расходов на переобучение, повышение квалификации» (18,5 %), «оплата работодателем услуг корпоративной сотовой связи» (17,2 %), «обеспечение работников горячим питанием» (15,2 %), «частичная или полная оплата медицинских услуг» (12,9 %).

В числе менее распространенных бонусов мотивационного социального пакета работники исследуемых территорий упоминали «предоставление жилья (или возмещение расходов за аренду)» (8,9 %), «оплата абонемента в спортзалы» (7 %), «оплата проездных документов (или организация транспорта)» (6,9 %). О том, что никакие меры поощрения труда по месту работы не применялись, сообщили 10,5 % опрошенных (рисунок 1).

Рисунок 1 – Распределение ответов работающих респондентов на вопрос о фактических и желаемых мерах и компонентах социального пакета по месту их работы, % от общего числа ответов

Также респондентам предлагалось указать, какие бонусы, включенные в социальный пакет их предприятия, могли бы дополнительно мотивировать работников, т. е. являются наиболее желаемыми. К таким компонентам социального пакета респонденты (работники) отнесли «оплату (полную или частичную) работодателем медицинских услуг» (52,9 %), «оплату путевок на отдых» (44,4 %), «предоставление денежных бонусов и премий» (34,4 %).

Вместе с тем работники исследуемых территорий Брестской, Гомельской и Могилевской областей отмечали значимость таких мер поддержки, как «предоставление жилья (возмещение стоимости аренды жилья)» (33,5 %), «оплата абонеента в спортзал» (29,9 %), «обеспечение горячим питанием или организация мест питания» (28,5 %), «предоставление проездных документов или организация транспорта» (25,9 %). Замыкают перечень компонентов социального пакета «возмещение работодателем расходов при переобучении, повышении квалификации» (19,2 %) и «обеспечение корпоративной связи» (19,3 %).

Зафиксированные различия между фактическими и желаемыми компонентами социального пакета объясняются несовпадением интересов и возможностей сторон: работодатели предлагают меры поддержки исходя из экономической целесообразности и институциональных ограничений, а работники ориентируются на индивидуальные потребности, обусловленные их социально-экономическим положением и личными интересами в отношении поддержания здоровья, жилья или комфорта. Кроме того, обнаруженный дисбаланс может свидетельствовать о более широких структурных противоречиях в системе трудовых отношений между работодателями и работниками исследуемых территорий.

В рамках анализа данных внимание также было уделено различиям в ответах респондентов с разным трудовым стажем («менее 2 лет», «от 3 до 6 лет», «7 и более лет»), что позволило сделать выводы о фактически реализуемых мерах поддержки мотивации труда работников и их ожиданиях.

Далее представлены сгруппированные ответы респондентов на вопрос «Сколько времени Вы работаете (работали)

на последнем месте?». Объединены ответы респондентов, которые указали, что «работали» (официально и/или неофициально), «временно не работали или уже не работают по причине выхода на пенсию (или иным причинам)». Исключены ответы респондентов, которые указали, что они «нет, никогда не работали».

1. Было установлено, что уровень информированности работников о компонентах социального пакета может быть связан с трудовым стажем опрошенных. Среди респондентов с наименьшим стажем (до 2 лет) зафиксировано наибольшее число работников (13,8 %), которые «затрудились ответить» на вопрос о том, какие бонусы или меры поощрения труда предоставляются им в рамках текущих трудовых договоров (или предоставлялись в рамках трудовых контрактов на предыдущем месте работы). Работники с более продолжительным трудовым стажем, наоборот, реже испытывали затруднения с ответами в отношении перечня предоставляемого им социального пакета. Среди опрошенных с трудовым стажем от 3 до 6 лет доля затруднившихся ответить составила 3,9 %, среди тех, чей стаж превышает 7 лет, – 5,7 %. Следовательно, можно сделать предположение, что работники с наименьшим стажем менее осведомлены о своих правах и льготах, а также о мерах поощрения труда, которые предоставляются работодателем в рамках социального пакета.

2. Респонденты с трудовым стажем до 2 лет реже отмечали, что им выплачиваются «денежные бонусы или премии» – 59,2 %. В свою очередь, о материальном поощрении труда в виде премирования сообщали 72,8 % респондентов со стажем от 3 до 6 лет и 65,9 % опрошенных, чей стаж превышает 7 лет.

Аналогичная тенденция наблюдается и в отношении такого компонента социального пакета, как предоставление «дополнительных дней отпуска»: о предоставлении дополнительных дней отпуска в рамках трудовых контрактов (и социальных пакетов) отметили 36,8 % работников со стажем до 2 лет, 44,4 % работников со стажем от 3 до 6 лет и 59,9 % респондентов со стажем 7 лет и более. Примечательно, что именно денежное премирование и дополнительные дни отпуска оказались компонентами соци-

ального пакета, где доля фактически предоставляемых бонусов превысила долю желаемых.

В рамках исследуемого перечня компонентов социального пакета среди всех респондентов наименее востребованными оказались такие бонусы, как «оплата работодателем корпоративной сотовой связи» и «возмещение расходов на повышение квалификации или обучение». Это может быть связано с тем, что эти компоненты социального пакета воспринимаются работниками как менее значимые по сравнению с другими формами поддержки (материальное поощрение или медицинское страхование). Низкий уровень их востребованности еще можно объяснять спецификой трудовой деятельности или недостаточной информированностью работников о потенциальной пользе таких мер компенсации и поощрения труда.

Представленный в таблице 1 перечень мер поощрения труда, согласно оценкам респондентов, обладает значительным мотивационным потенциалом. Респонденты, проживающие на «загрязненных» территориях, сообщали, что мотивацией к продуктивному труду и сохранению текущей по-

зиции по месту работы, могут выступить такие компоненты социального пакета, как «частичная оплата предприятием медицинских услуг», «частичная оплата предприятием путевок на отдых», «обеспечение горячим питанием (наличие столовой, кафе и др.)», «предоставление жилья (частичная компенсация при аренде жилья)», «оплата проездных документов (доставка до места работы)», «оплата абонемента в спортзал». Респонденты с меньшим трудовым стажем (до 2 лет и от 3 до 6 лет) чаще указывали на необходимость дополнительных мер поддержки, что свидетельствует о более высоких ожиданиях от нанимателя среди указанных категорий работников.

3. Наиболее желаемым бонусом социального пакета для опрошенных с трудовым стажем менее 2 лет является «частичная оплата предприятием путевок на отдых» (51 %), респонденты же с большим трудовым стажем отдают предпочтение «частичной оплате работодателем медицинских услуг»; о том, что это «желаемая» мера поощрения труда, отметили 48,6 % респондентов с трудовым стажем от 3 до 6 лет и 53 % опрошенных со стажем более 7 лет (таблица 1).

Таблица 1 – Перечень компонентов социального пакета респондентов в зависимости от трудового стажа (текущего или на последнем месте работы), % от общего числа ответов

Перечень компонентов социального пакета	Трудовой стаж, лет					
	До 2		От 3 до 6		7 и более	
	Фактические	Желаемые	Фактические	Желаемые	Фактические	Желаемые
Денежные бонусы, премии	59,2	41,3	72,8	33,5	65,9	32,8
Дополнительные дни к отпуску	36,8	29,6	44,4	30,4	59,9	22,2
Наличие корпоративной сотовой связи	14,8	17,4	22,5	21,9	9,7	15,4
Частичная оплата предприятием путевок на отдых	16,4	51,0	22,4	43,9	26,7	35,9
Возмещение работодателем расходов при повышении квалификации и т. д.	15,7	19,0	16,8	22,4	16,3	14,4
Частичная оплата предприятием медицинских услуг	11,2	45,2	14,0	48,6	10,3	53,0
Обеспечение горячим питанием (наличие столовой, кафе и др.)	8,5	31,4	13,6	33,7	15,1	23,1
Предоставление жилья (частичная компенсация при аренде жилья)	10,9	40,4	8,3	35,7	6,1	25,7
Проездные документы (доставка до места работы)	5,9	32,9	8,1	27,1	5,9	18,2
Оплата спортивных абонементов	8,7	28,2	6,3	31,9	4,9	21,1
Затрудняюсь ответить	13,8	19,7	3,9	14,0	5,7	21,1
Другое	0,0	0,7	0,0	0,0	0,4	2,4
Ничего из перечисленного	11,5	3,1	10,7	2,6	11,5	4,6

4. Наименьший разрыв между фактическим и желаемым перечнями компонентов социального пакета наблюдался среди респондентов с трудовым стажем 7 лет и более.

Это, вероятно, можно объяснить тем, что работники с большим стажем лучше информированы и уже имеют доступ к основным бонусам и мерам поддержки в рамках реализации социального пакета в силу наличия определенного трудового стажа.

Опираясь на теорию А. Маслоу, согласно которой удовлетворение базовых потребностей – это основа для реализации потребностей более высокого порядка, что включает мотивацию труда, желание самореализоваться в профессии и т. п., целесообразно проанализировать связь между удовлетворенностью материальным положением респондентов и их желаниями относительно содержания социального пакета, который предоставляется им по месту работы.

В ходе анализа фактически осуществляемых мер поощрения труда сравнивались ответы респондентов, которые *удовлетворены* и *не удовлетворены* своим материальным положением.

В связи с этим была проведена группировка данных, полученных в рамках анализа ответов респондентов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены своим материальным положением»: «удовлетворен» – 62 % (объединены варианты ответов «полностью удовлетворен» – 10,5 % и «скорее, удовлетворен» – 51,6 %) и «не удовлетворен» – 38 % (объединены варианты ответов «скорее, не удовлетворен» – 32,7 % и «полностью не удовлетворен» – 5,3 %).

В рамках своих социальных пакетов по месту работы опрошенные получали в первую очередь «денежные бонусы, премии» (74,6 % среди тех, кто удовлетворен; 53,1 % среди тех, кто «не удовлетворен») и/или «дополнительные дни к отпуску» (55,6 % среди тех, кто «удовлетворен»; 45,2 % среди тех, кто «не удовлетворен»), а также «частичную оплату предприятием путевок на отдых» (28,7 % среди тех, кто «удовлетворен»; 26,1 % среди тех, кто «не удовлетворен»).

Эти формы поощрения работников наиболее распространены в рамках социальных пакетов участников исследования вне зависимости от степени их удовлетворенности своим материальным положением.

Однако стоит отметить, что респонденты, которые испытывают большую удовлетворенность своим материальным положением, чаще подтверждали получение как материальных поощрений, так и дополнительных дней отпуска.

С другой стороны, респонденты, не удовлетворенные своей финансовой ситуацией, реже указывали на то, что им предоставляются отмеченные выше меры поощрения труда в рамках социального пакета по месту работы.

Итак, в рамках изучаемых позиций было зафиксировано наибольшее различие в их восприятии между группами респондентов по уровню удовлетворенности материальным положением.

В отношении других категорий из перечня социального пакета, представленных в таблице 2, различия оказались менее значительными.

Поэтому можно сделать вывод о значимости материального поощрения труда, как и мер поддержки, в виде предоставления дополнительных дней к отпуску или компенсации отпускных путевок и их влияния на уровень удовлетворенности и мотивации труда работников.

Наиболее желаемые компоненты социального пакета среди опрошенных – это «частичная оплата работодателем медицинских услуг», на что указали 50,4 и 49,4 % респондентов, «удовлетворенных» и «не удовлетворенных» своим материальным положением соответственно.

Востребованными мерами поощрения и мотивации труда, по оценкам опрошенных, также могут быть «предоставление жилья или частичная компенсация его аренды», «обеспечение работников горячим питанием по месту работы», «полная или частичная оплата абонемента в спортзал», «оплата проездных документов или организация транспорта до работы» (таблица 2).

Таблица 2 – Перечень компонентов социального пакета респондентов в зависимости от удовлетворенности своим материальным положением, % от общего числа ответов

Перечень компонентов социального пакета	Фактические		Желаемые	
	Полностью либо частично «удовлетворен»	Полностью либо частично «не удовлетворен»	Полностью либо частично «удовлетворен»	Полностью либо частично «не удовлетворен»
Денежные бонусы, премии	74,6	53,1	27,3	44,1
Дополнительные дни к отпуску	55,6	45,2	23,6	28,3
Частичная оплата предприятием путевок на отдых	28,7	26,1	38,1	34,7
Возмещение работодателем расходов при повышении квалификации, переобучении	20,9	15,0	18,6	22,1
Обеспечение горячим питанием (наличие столовой, кафе)	14,6	13,5	31,1	27,3
Частичная оплата предприятием медицинских услуг	12,9	13,2	50,4	49,4
Наличие корпоративной сотовой связи	12,8	13,0	21,1	18,5
Предоставление жилья (частичная компенсация при аренде жилья)	10,1	7,3	31,8	37,0
Оплата (полная или частичная) спортивных абонементов	7,2	6,4	25,6	31,2
Проездные документы (доставка до места работы)	7,8	7,1	24,3	28,8
Другое	0,0	0,6	1,7	1,7
Затрудняюсь ответить	4,4	11,3	19,3	15,2
Ничего из перечисленного	10,0	12,1	5,6	5,1

Заключение

Итак, социальный пакет рассматривался в качестве значимого элемента системы трудового стимулирования населения, проживающего на территориях Брестской, Гомельской и Могилевской областей, подвергшихся радиационному воздействию вследствие аварии на Чернобыльской АЭС. Для выявления диспропорций в оценке значимости компонентов социального пакета среди респондентов с различным трудовым стажем и уровнем удовлетворенности своим материальным положением был осуществлен анализ фактически получаемых и желаемых мер поощрения труда по месту работы опрошенных. Было установлено, что наиболее распространенные и фактически реализуемые меры поощрения труда – это «денежные поощрения и премии», «дополнительные дни отпуска» и «оплата путевок на отдых». Среди желаемых (востребованных) мер поощрения и мотивации труда – «оплата медицинских услуг», «оплата путевок на отдых», «материальное поощрение» и «предоставление жилья (компенсация его аренды)». При этом «медицинское страхование» остается ключевым

элементом, способным повлиять на мотивацию труда и удовлетворенность работников.

Выявлено, что трудовой стаж влияет на информированность работников о составе социального пакета по месту работы. Респонденты с наименьшим стажем (до 2 лет) менее информированы о компонентах социального пакета по месту работы, что может свидетельствовать о недостаточной коммуникации между нанимателями и работниками или о завышенных ожиданиях со стороны опрошенных. Респонденты с более продолжительным трудовым стажем (от 3 до 6 лет, от 7 лет и более) и удовлетворенные своим материальным положением чаще сообщали в рамках исследования о «денежном премировании» и получении «дополнительных дней отпуска» в рамках социального пакета по месту их работы.

Учет ожиданий различных категорий работников по отношению к мерам поощрения труда в рамках социального пакета может положительно влиять на мотивацию и удовлетворенность условиями труда. Учет и реализация мер поддержки может быть ключевым фактором сохранения кадрового состава работников исследуемых территорий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Маслоу, А. Х. Мотивация и личность / А. Х. Маслоу. – СПб. : Питер, 2019. – 342 с.
2. Трудовой кодекс Республики Беларусь : 26 июля 1999 г. № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 8 июля 2024 г. № 25-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 28.03.2025).
3. Социальный пакет работника // Электронный профессиональный журнал «Я – специалист по кадрам». – 2010. – № 4. – С. 45. – URL: https://www.spok.by/izdaniya/ya-spok/sotsialnyi-paket-rabotnika_0000000 (дата обращения: 25.03.2025).
4. Ванкевич, Е. В. Рынок труда Республики Беларусь: развитие в условиях современных вызовов / Е. В. Ванкевич, О. В. Зайцева // Белорусский экономический журнал. – 2024. – № 3. – С. 80–94.
5. Маковская, Н. Специфика занятости и безработица в Беларуси: факторы, ее формирующие / Н. Маковская // Общество и экономика. – 2019. – № 1. – С. 80–88.
6. Маркидонова, А. В. Совершенствование механизма государственного регулирования региональных рынков труда / А. В. Маркидонова // Белорусский экономический журнал. – 2023. – № 3. – С. 97–114.
7. Ванкевич, Е. В. Влияние мобильности рабочей силы на рынок труда Республики Беларусь / Е. В. Ванкевич, Е. В. Гуторова // Белорусский экономический журнал. – 2023. – № 3. – С. 53–71.

REFERENCES

1. Maslou, A. Kh. Motivacija i lichnost' / A. Kh. Maslou. – SPb. : Pitier, 2019. – 342 s.
2. Trudovok kodeks Rjespubliki Bielarus' : 26 ijulia 1999 g. № 296-Z : priniat Palatoj predstavitieliej 8 ijunia 1999 g. : odobr. Sovietom Rjesp. 30 ijunia 1999 g. : v ried. Zakona Rjesp. Bielarus' ot 8 ijulia 2024 g. № 25-Z // ETALON : inform.-poiskovaja sistiema (data obrashchienija: 28.03.2025).
3. Social'nyj pakiet rabotnika // Eliكتروнный profiessional'nyj zhurnal «Ja – spiecialist po kadram». – 2010. – № 4. – S. 45. – URL: https://www.spok.by/izdaniya/ya-spok/sotsialnyi-paket-rabotnika_0000000 (data obrashchienija: 25.03.2025).
4. Vankievich, Je. V. Rynok truda Rjespubliki Bielarus': razvitije v uslovijakh sovriemiennykh vyzovov / Je. V. Vankievich, O. V. Zajceva // Bielorususkij ekonomichieskij zhurnal. – 2024. – № 3. – S. 80–94.
5. Makovskaja, N. Spiecifika zaniatosti i biezrabotica v Bielarusi: faktory, jejo formirujushchije / N. Makovskaja // Obshchiestvo i ekonomika. – 2019. – № 1. – S. 80–88.
6. Markidonova, A. V. Soviershenstvovanije miekhanizma gosudarstviennogo riegulirovanija riegional'nykh rynkov truda / A. V. Markidonova // Bielorususkij ekonomichieskij zhurnal. – 2023. – № 3. – S. 97–114.
7. Vankievich, Je. V. Vlijanije mobil'nosti rabochiej sily na rynek truda Rjespubliki Bielarus' / Je. V. Vankievich, Je. V. Gutorova // Bielorususkij ekonomichieskij zhurnal. – 2023. – № 3. – S. 53–71.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 08.04.2025

Екатерина Геннадьевна Максимук

*аспирант 3-го года обучения отдела социологии социальной сферы
Института социологии Национальной академии наук Беларуси*

Ekaterina Maksimuk

*3-d Year Postgraduate Student of the Department of Sociology of the Social Sphere
of the Institute of Sociology of National Academy of Sciences of Belarus*

e-mail: ekatherina.maks@gmail.com

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ

Рассмотрены различные концепции в исследовании феномена коллективной памяти. Отражена междисциплинарность исследования феномена коллективной памяти, что демонстрирует ценность воспоминаний о значимом прошлом в настоящее время. Отмечена значимость фиксации и архивации исторических фактов и событий для сохранения коллективной памяти и ее функционирования. Многообразие подходов к анализу феномена коллективной памяти позволило подчеркнуть его ключевые характеристики. Проанализированы подходы, демонстрирующие коллективную память исходя из уровня, на котором осуществляется ее сохранение (микро-, мезо- и макроуровни), и обращено внимание на их взаимовлияние. Выделены особо значимые факторы, способствующие исследованию коллективной памяти, среди которых механизмы ее передачи, символы, места памяти и коммеморативные практики. Сделан вывод о существовании множества факторов, оказывающих влияние на сохранение коллективной памяти. Обоснована необходимость использования комплексного подхода к анализу феномена коллективной памяти.

Ключевые слова: коллективная память, воспоминания, концепция, междисциплинарность, общество, коммеморативные практики, взаимодействие.

Conceptual Approaches to the Study of Collective Memory

The article considers various concepts in the study of the phenomenon of collective memory. The interdisciplinary nature of the study of the phenomenon of collective memory is reflected, which demonstrates the value of memories of the significant past in the present. The importance of recording and archiving historical facts and events for the preservation of collective memory and its functioning is noted. The diversity of approaches to the analysis of the phenomenon of collective memory made it possible to emphasize its key characteristics. The approaches demonstrating collective memory based on the level at which it is preserved (micro-, meso- and macrolevels) are analyzed and attention is drawn to their mutual influence. Particularly significant factors contributing to the study of collective memory are highlighted, including the mechanisms of its transmission, symbols, places of memory and commemorative practices. In conclusion, a conclusion is made about the existence of many factors influencing the preservation of collective memory. The need to use an integrated approach to the analysis of the phenomenon of collective memory is substantiated.

Key words: collective memory, memories, concept, interdisciplinarity, society, commemorative practices, interaction.

Введение

Современный мир динамичен и постоянно трансформируется. В условиях изменений и преобразований человеку необходимо адаптироваться, формировать и сохранять коллективную и национальную идентичность, взаимодействовать с другими людьми, чему способствует поддержание коллективной памяти. Память в целом представляет собой ресурс, способствующий анализу отношений между общественной и

частной жизнью, прошлым, настоящим и будущим и др. [1]. Коллективная память включает акторов и их восприятие прошлого, воспоминания, характерные для определенной социальной группы, объекты памяти и др. Согласно английскому философу Э. Кейтли, *положение* индивида во времени и пространстве неразрывно связано с интерпретацией, применением, принятием и отвержением социального и культурного кодов. Не менее значимым, по его мнению, являются *пробелы между фактами*, отмеченными в архивах, и *воспоминаниями индивида*. В данном случае воспоминания являются отражением связи с социальными и культурными структурами власти. *Взаимо-*

Научный руководитель – Николай Леонтьевич Мысливец, кандидат социологических наук, доцент, директор Института социологии Национальной академии наук Беларуси

отношения индивидов в различных сферах жизни общества (социальной, культурной, политической и экономической) являются неотъемлемой частью организации взаимодействия в поддержании памяти и ее изучении [1]. Исследование феномена коллективной памяти способствует пониманию общества посредством представлений индивидов об исторических фактах и значимом прошлом, их коммуникации, практик в поддержании значимых воспоминаний и др. Все это актуализирует исследование феномена коллективной памяти.

Коллективная память изучается в рамках таких наук, как социология, философия, история, культурология, и имеет множество определений и подходов к ее анализу. Междисциплинарность и множество подходов к исследованию коллективной памяти позволяют проанализировать ее функционирование с различных позиций. Исследование коллективной памяти представлено в работах таких авторов, как М. Хальбвакс, Дж. Олик, А. Конфино, В. Канштайнер, Я. Зерубавель, А. В. Дахин, Л. Ю. Логунова. Каждый из них представляет определенные научные направления, с позиций которых осуществляется интерпретация феномена коллективной памяти.

Подходы ученых демонстрируют различное понимание структуры и форм коллективной памяти. Ее носителями являются социальные группы, среди которых семья, жители какой-либо местности (село, город, государство и др.). Люди, объединенные в одну группу для сохранения значимого прошлого, разделяют по отношению к нему одинаковые воспоминания, эмоции, чувства. Коллективная память представлена местами памяти, осуществлением коммеморативных практик, памятными вещами и др. Они отражают определенную значимость конкретных событий прошлого, способствуют поддержанию воспоминаний в актуальном для настоящего времени состоянии, консолидации членов общества и преемственности поколений.

Цель статьи – компаративистский анализ научно-теоретических подходов к исследованию феномена коллективной памяти.

Основная часть

Первым, кто в социологическом дискурсе применил понятие «коллективная па-

мять», является французский социолог М. Хальбвакс. Согласно его концепции, воспоминания людей обусловлены обществом, а память индивидов имеет определенное содержание. Восстановлению воспоминаний способствуют определенные факты, события, личности, которые получили название ориентиров [2, с. 321–328]. В связи с этим действия людей определяются в контексте значимых личностей, событий и/или дат. Так, коллективная память включает комплекс аспектов и представляет собой основанное на исторических фактах и поддерживаемое членами общества соблюдение традиций, сохранение ценностей и осуществление коммеморативных практик, а также направлена на консолидацию членов общества и способствует преемственности поколений. Рассмотрим ряд концепций, направленных на изучение коллективной памяти.

Развивая идеи немецкого историка А. Варбурга относительно коллективной памяти, израильский культуролог А. Конфино (*Ailon Confino*) отмечает, что память необходимо рассматривать «как результат отношений между отчетливой репрезентацией прошлого и полным спектром символических репрезентаций, доступных в данной культуре» [3]. Согласно А. Конфино, интерпретация коллективной памяти исходит из ее глобальных исторического контекста и символизма, когда во внимание принимаются идеи, ценности и практики, выражающие определенные воспоминания. А. Конфино приводит пример с произведениями искусства: стиль произведения является частью трактовки, т. к. может оказаться выражением идей и настроений прошлого времени [3]. Коллективная память представляет собой результат сохранения событий и символов прошлого в настоящем времени посредством коммеморативных практик. Этот вид памяти включает объяснение устройства общества (например, культурное, социальное, политическое), которое существовало при возникновении значимого события прошлого. Исключение какого-либо факта из интерпретации значимых воспоминаний может привести к искаженной трактовке прошлого. К примеру, поддержание коллективной памяти в отношении символа, который не имел отношения к значимому прошлому, или личности, которая не имеет отношения к событиям, оказавшим влияние на настоящее. Данное обстоятельство приводит к фальси-

фикации как коллективной памяти, так и истории. Необходимо отметить, что в дополнение к корректной интерпретации исторических фактов особенно значимы в поддержании коллективной памяти символы и коммеморативные практики, отсутствие которых является причиной появления забвения памяти.

Российский и израильский социолог В. Вахштайн рассматривает коллективную память как *результат* и как *церемонию*. *Память как результат* отражает сохранение фактов прошлого. Сохраняются факты и обстоятельства, которые были важны во время архивации информации о прошлом. Исходя из поддерживаемых обществом символов формируются определенные взгляды индивидов, их действия. *Память как церемония* связана с осуществлением практик, которые предназначены для поддержания воспоминаний в актуальном состоянии в настоящем, а также с вовлеченностью индивидов в процесс сохранения памяти. Она характеризуется символами, задействованными в реализации коммеморативных практик, отражением содержания событий прошлого в настоящем времени (одни факты предаются забвению, другие демонстрируются и подкрепляются действиями, направленными на сохранение памяти) [4, с. 8]. Архивация исторических фактов представляет собой простую фиксацию всех событий прошлого. Но для сохранения коллективной памяти недостаточно такой деятельности. Напротив, осуществление коммеморативных практик одновременно характеризует наличие коллективной памяти в обществе и содействует ее передаче следующим поколениям, их преемственности, а также консолидации членов социальных групп разных уровней.

Бельгийские исследователи А. Кордонье (Aline Cordonnier), В. Роз (Valérie Rosoux) и др. в изучении коллективной памяти используют метафору *песочных часов*. По мнению этих исследователей, данная концепция описывает «формирование, передачу и эволюцию коллективных воспоминаний» [5, с. 3–4], которые функционируют на *макро-, мезо- и микроуровнях*. *Макроуровень* (вершина часов) представлен историческим, политическим и социальным контекстами и предполагает коллективные представления о прошлом, которые принимаются всеми членами общества. *Мезоуровень* (центр часов) выражен семьей, форми-

рующей восприятие окружающей среды людей, живущих в настоящем времени. *Микроуровень* (основание песочных часов) подразумевает индивидуальную память человека. Индивид воспринимает прошлое исходя из личных убеждений, принципов и своей идентификации в социальной группе [5, с. 3–4]. Необходимо добавить, что песочные часы не статичны. Уровни могут занимать диаметрально противоположное положение, а также находиться наравне друг с другом. Тем не менее независимо от положения уровней они постоянно взаимодействуют. Аналогично тому как определенный контекст общества оказывает влияние на формирование индивида и его идентичность, и человек способен воздействовать на внешние факторы. Анализируя коллективную память, необходимо учитывать структуру общества, особенности коммуникации индивидов, а также факторы окружающей действительности, которые влияют на людей. Данная концепция представляет интерес в силу того, что позволяет осмыслить проявление коллективной памяти на различных уровнях. Особый интерес представляют макро- и мезоуровни. Безусловно, микроуровень значим в заинтересованности к значимому прошлому и демонстрации коллективной памяти, однако убеждения и принципы индивида развиваются в семье (мезоуровень). Семья – ключевой элемент в формировании личности индивида и его отношения к коллективной памяти общества, в котором транслируется определенное представление о значимом прошлом.

Свой подход к рассмотрению коллективной памяти представил *ирландский социолог Б. Конвей (Brian Conway)*. Он структурировал существующие исследования коллективной памяти исходя из методологических подходов и представил их на *микро- и макроуровнях*. *Микроуровень* выражен социальными исследованиями (выявление закономерностей в представлениях людей о запоминаемых событиях прошлого) и этнографией (анализ существующих фактов и данных, взятых из различных документов, отчетов, газет и др.). *Макроуровень* предполагает сравнительно-исторические исследования (изучение того, как запоминается одно событие в непохожих обществах и в различные промежутки времени либо каким образом определенные события запоминаются в схожих социаль-

ных группах) [6]. Архивная информация заслуживает внимания, однако она, скорее, выступает основой для формирования и поддержания коллективной памяти, а не ее проявлением, тогда как разделяемые индивидами представления о значимом прошлом в настоящем времени в различных обществах представляют интерес и способствуют анализу и оценке коллективной памяти в них. Например, когда основой коллективной памяти является травмирующее событие, в котором есть победители и проигравшие, то восприятие прошлого осуществляется с разных позиций: сторона победителя испытывает гордость, благодарность, уважение, а потерпевшая поражение сторона ощущает сожаление, злость, досаду. Это позволяет рассмотреть коллективную память с противоположных позиций.

Стоит отметить, что *концепция коллективной памяти российского социолога Л. Ю. Логуновой* также рассматривает ее, выделяя в ней *микро- и макроуровни*. Однако идея Л. Ю. Логуновой состоит в том, что эти уровни представлены определенной социальной группой: *микроуровень* определяется рамками семьи, *макроуровень* распространяется на общество [7, с. 71]. Анализ коллективной памяти на микроуровне может быть представлен сохранением семейных архивов, передачей семейных рассказов, степенью вовлеченности индивидов в действия, направленные на сохранение прошлого. Коллективная память на макроуровне представлена отношением к местам памяти, пониманием содержания и значимости прошлого, степенью вовлеченности в коммеморативные практики на уровне общества. Микроуровень и макроуровень, в понимании Л. Ю. Логуновой, взаимодополняющие. Семья формирует у индивида восприятие коллективной памяти общества, а коллективная память общества обуславливает семейную память. Исключение какого-либо из этих уровней не представляется возможным.

Американский социолог Дж. Олик предложил *процессо-реляционную* концепцию коллективной памяти. Важной частью процесса является роль объекта, его место в происходящих изменениях. Процессо-реляционизм включает такие концепты, как поле, средство передачи, жанр и профиль. Концепт *поля* Дж. Олик определяет посредством концепции П. Бурдьё как «сеть или

конфигурация объективных связей между позициями» [8]. При исследовании памяти характер поля (историческая или письменная память, публичная или приватная, официальная или народная), требуется согласно Дж. Олику, принимать во внимание, ибо каждое из этих полей имеет свои правила, способы трансляции и восприятия информации. *Средства передачи* являются неотъемлемой частью трансляции воспоминаний. Музеи, телевидение, Интернет, рассказы в кругу семьи и др. имеют свою специфику, которая предполагает определенное воспроизведение событий. Одни будут насыщены эмоциями, содержание других будет отражено только в необходимых фактах и т. п. *Жанр* выступает в качестве прошлого социальной группы, определяющего действия, поведение и восприятие происходящего в современности. *Профиль* выражен содержательной частью, т. е. образами прошлого, характеристиками политических стратегий, типами героев, стилями, чувством внутреннего и внешнего, моральными и практическими целями и процедурами и др. [8]. Эта концепция позволяет проанализировать коллективную память комплексно, с учетом формы представления воспоминаний, способов их трансляции, произошедших событий и их образа.

Российский социолог М. В. Мельников в исследовании коллективной памяти определил *национализацию коллективной памяти и приватизацию коллективной памяти*. Под *национализацией коллективной памяти* он понимает создание и использование воспоминаний в интересах государства – поддержание чувства единства нации, отражение событий определенным образом для невозможности распространения ложной его трактовки. *Приватизация коллективной памяти* подразумевает наличие эмоционально окрашенной памяти, принадлежащей отдельным социальным группам и индивидам. Культурная травма – событие, которое ведет как к национализации, так и к приватизации коллективной памяти [9, с. 125–126]. Акцент на одном из описанных направлений осуществляется согласно интересам общества в целом. Но социальные группы общества и интересы государства взаимобусловлены, что не позволяет анализировать коллективную память в отрыве от определенной страны. Поэтому в исследовании воспоминаний о значимом прошлом

необходимо принимать во внимание как национализацию, так приватизацию коллективной памяти.

Российский культуролог М. Л. Шуб выделяет три подхода к исследованию коллективной памяти. Первый – «*память как архив*» – представляет собой хранение информации в качестве социального опыта (символы, следы и массовые знания о произошедших событиях), необходимой для социальной группы в конкретное время. Второй – «*память как деятельность*» – отражает взаимодействие участников, трансляцию, реконструкцию и др. Третий – «*синтетический подход (память как архив и как деятельность)*» – объединяет хранение данных и деятельность в процессе взаимодействия [10, с. 6–7]. На основе собранной информации с течением времени человек создает и закрепляет определенные действия, ориентированные на сохранение коллективной памяти. Для ее интерпретации и исследования наиболее информативным и приемлемым является синтетический подход, который позволит проанализировать весь массив данных, их хранение, передачу следующим поколениям и осуществление коммеморативных практик. Концентрация внимания на каком-либо одном подходе (памяти как архиве или памяти как деятельности) дает представление об одной из сторон коллективной памяти общества и не позволяет исследовать ее комплексно (например, символы значимого прошлого, механизмы его передачи, места памяти, коммеморативные практики и др.).

Немецкий литературовед и культуролог А. Эрл (Astrid Erll) и ирландско-голландский литературовед Э. Ригни (Ann Rigney) отмечают, что *литература как средство формирования коллективных воспоминаний является значимой частью культурной памяти*. Такой концептуальный подход также применим для исследования коллективной памяти. В процессе социализации индивидов литература выступает в качестве средства формирования представлений человека об окружающем мире, включая коллективную память общества. Исследователи выделили следующие функции литературы. *Литература как средство памяти* представляет способ создания коллективных воспоминаний и передачи их следующим поколениям. *Литература как объект памяти*: некоторые созданные ра-

нее труды и произведения являются объектами, которые транслируют память о прошлом в настоящем времени и соединяют различные поколения индивидов. *Литература как средство наблюдения за производством культурной памяти* иллюстрирует память, образует коллективную память и «культурные знания» [11, с. 112–113]. Литература способствует пониманию самоидентификации индивида, его коллективной идентичности, восприятию коллективной памяти общества, преемственности поколений. Литература в различных проявлениях является значимым механизмом сохранения коллективной памяти в обществе. Многоаспектность литературы позволяет проследить конструирование, функционирование и поддержание коллективной памяти при использовании источников информации в обучении и в качестве мест памяти (например, сохранение и передача священных книг, художественных произведений, научной литературы и др.).

Российские философы И. В. Цветкова и О. С. Евченко развили концепцию американского философа Дж. Р. Серла *о наличии идеальных объектов, применяющихся в совместной деятельности, в социальном устройстве общества* [12, с. 22] для изучения коллективной памяти: информация о прошлом сохраняется «в общественном сознании при помощи социальных и исторических фактов и оказывает влияние на взаимодействие индивидов в социуме» [12, с. 22]. Другими словами, коммуникация акторов обусловлена восприятием событий прошлого, которое транслируют социальные институты и отражает результат трансляции коллективной памяти в обществе. И. В. Цветкова и О. С. Евченко отметили следующие элементы в конструировании социальных фактов, влияющих на взаимодействие людей. К первому относится «*формирование идеальных объектов в исторической памяти*» (язык представляет собой связующий механизм для передачи информации из поколения в поколение посредством коллективной памяти). Вторым элементом выступает «*интенциональность коллективной памяти*» (общие представления о событии и/или мироустройстве участников социальной группы, выраженные коллективными намерениями); например, в жизни он проявляется в названиях улиц и площадей, изображениях личностей

и памятных мест и др. Третий элемент – «конститутивные правила коллективной памяти» (существуют конкретные условия для определенных социальных действий, где немаловажную роль играет прошлое общности) [12, с. 22–24]. Данная концепция обстоятельна и информативна в отношении сущности коллективной памяти, однако она характеризует преимущественно взаимодействие индивидов в условиях сохранения коллективной памяти в обществе.

Согласно американскому историку В. Канитайнеру, «воспоминания наиболее коллективны, когда они выходят за пределы времени и пространства первоначального возникновения событий» [13]. Коммеморативные практики представляют собой воспроизведение событий прошлого, которое существует на протяжении многих лет. Средства памяти способствуют сохранению и передаче коллективной памяти другим поколениям. Средства, транслирующие определенные события, трансформируются с течением времени, и восприятие индивидов меняется. Например, с развитием цифровых технологий более актуальными для репрезентации любых событий являются цифровые платформы [13]. Исследованию и анализу коллективной памяти способствуют члены общества, коммеморативные практики, способы репрезентации памяти и др. Эти компоненты демонстрируют не только коллективность воспоминаний, но и интерес индивидов к определенному значимому событию прошлого в настоящем времени, ценность коллективной памяти для общества. Наиболее оптимальным индикатором сохранения коллективной памяти являются механизмы ее передачи и осуществление коммеморативных практик.

Израильский историк и философ Я. Зерубавель при рассмотрении коллективной памяти обращается к категории коммеморативной плотности. Она способствует определению значимости практик для сохранения коллективной памяти. Высокую коммеморативную плотность имеют ключевые события и деятельность, содействующая избеганию забвения воспоминаний. Низкая коммеморативная плотность характеризуется событиями, которые не упоминают и которых избегают [14]. Наличие и частота коммеморативных практик демонстрируют значимость и ценность опре-

деленных событий прошлого для общества современности.

Как дополнение к идее Я. Зерубавеля стоит отметить концепцию российских историков Д. С. Жукова и С. К. Лямина. Сохранение коллективной памяти или ее забвение выражено интенсивностью практик, посвященных прошлому [15, с. 40]. Сохранение коллективной памяти возможно в условиях осуществления коммеморативных практик, например, празднование значимых событий, соблюдение обрядов и традиций. События прошлого, которые упоминаются реже или вовсе не освещаются, предаются забвению. С одной стороны, стирание из памяти событий травмирующего прошлого способствует нормальному функционированию общества (при условии что воспоминания касаются трагических событий). С другой стороны, утрата памяти ведет к заблуждениям в обстоятельствах настоящего. Отмеченные концепции подчеркивают значимость коммеморативных практик для сохранения коллективной памяти. Празднование памятных событий, конструирование мест памяти и др. демонстрируют качественное состояние воспоминаний о значимых событиях прошлого, дают представление о ценностях общества, его идеологии, позиции по отношению к определенным событиям в настоящем. В связи с этим анализ насыщенности коммеморативных практик в обществе является определяющим для понимания наличия или отсутствия его коллективной памяти.

Важность коммеморативных практик для сохранения коллективной памяти и ее демонстрации в целом отражена в концепции российского философа А. В. Дахина. Он отмечает, что коллективная память существует только в том случае, когда осуществляются коммеморативные действия. Отсутствие практик влечет за собой ослабление сплоченности индивидов, а также распад и разделение группы. «Места памяти» выступают основой, на которой строятся коммеморативные действия. Согласно А. В. Дахину, «исследования мест памяти позволяют выявить географию коммеморативной активности, точки ее концентрации, плотность покрытия территории сообщества сетью практик коллективного памятования» [16, с. 206]. Коммеморативные действия выступают мерой понимания важности памяти о прошлом для общества, актуа-

лизируют одни воспоминания и предают забвению другие. Коммеморативные практики, их интенсивность и содержание отражают значимость события прошлого, исторических фактов, общественных ценностей, а также способствуют формированию идентичности человека и общества, выстраиванию и развитию социальных связей и передаче ценностей следующим поколениям.

Заключение

Рассмотренные научно-теоретические подходы к исследованию феномена коллективной памяти позволяют сделать следующий вывод. Ключевыми чертами в понимании коллективной памяти в концепциях отмеченных исследователей выступают осуществление коммеморативных действий, вовлеченность в них индивидов, общие взгляды людей в рамках конкретного общества и (или) социальной группы.

В представленных подходах отмечена важность коммуникации индивидов, контекст и уровень функционирования воспоминаний о значимом прошлом, их содержание и др. В исследовании коллективной па-

мяти особого внимания заслуживают механизмы ее передачи, интенсивность осуществления коммеморативных практик, «места памяти», в отношении которых ведется работа по поддержанию воспоминаний о значимом прошлом в актуальном состоянии.

Таким образом, в процессе изучения коллективной памяти требуется принимать во внимание множество факторов, таких как символы, механизмы передачи воспоминаний о значимом прошлом, наличие и интенсивность коммеморативных практик, состояние общества, его культура в целом и взаимодействие индивидов. Все они заслуживают особого внимания по причине того, что они оказывают влияние на интерпретацию и поддержание воспоминаний о значимом прошлом. Поскольку сохранение коллективной памяти требует учитывать множество факторов, то к анализу данного феномена необходимо подходить комплексно, с использованием различных подходов, которые будут соответствовать конкретным контексту и обстоятельствам исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Keightley, E. Remembering research: memory and methodology in the social sciences / E. Keightley // *International Journal of Social Research Methodology*. – 2010. – Vol. 13, nr 1. – S. 55–70.
2. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. – М. : Новое изд-во, 2007. – 348 с.
3. Confino, A. Collective memory and cultural history: problems of method / A. Confino // *The American Historical Review (AHR)*. – 1997. – Vol. 102, nr 5. – P. 1386–1403.
4. Коллективная память как ресурс концептуализации публичных и частных пространств в мегаполисе // SSRN. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3150269 (дата обращения: 21.09.2024).
5. Cordonnier, A. Collective memory: An hourglass between the collective and the individual / A. Cordonnier, V. Rosoux, A.-S. Gijs, O. Luminet // *Memory, Mind & Media*. – 2022. – Vol. 1, nr 8. – P. 1–16.
6. Conway, B. New Directions in the Sociology of Collective Memory and Commemoration / B. Conway // *Sociology Compass*. – 2010. – Nr 4 (7). – P. 442–453.
7. Логунова, Л. Ю. Семейно-родовая память: временные ипостаси и социальные ресурсы / Л. Ю. Логунова // *Вестник Томского государственного университета*. – 2014. – № 379. – С. 69–75.
8. Олик, Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии / Дж. Олик // *Социологическое обозрение*. – 2012. – Т. 11, № 1. – С. 40–74.
9. Мельников, М. В. Национализация и приватизация коллективной памяти о культурных травмах: социофилософские аспекты изучения / М. В. Мельников // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. – 2023. – № 72. – С. 122–130.
10. Шуб, М. Л. Социальная, коллективная и культурная память: новый подход к определению смысловых границ понятий / М. Л. Шуб // *Обсерватория культуры*. – 2017. – Т. 14, № 1. – С. 4–11.
11. Erll, A. Literature and the Production of Cultural Memory: Introduction / A. Erll // *European Journal of English Studies*. – 2006. – Nr 10 (2). – P. 111–115.

12. Цветкова, И. В. Динамическая структура коллективной памяти с позиций методологии социального конструктивизма / И. В. Цветкова, О. С. Евченко // Вестник Вятского государственного университета. – 2023. – № 1 (147). – С. 20–28.
13. Kansteiner, W. Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies / W. Kansteiner // History and Theory. – Vol. 40, nr 2. – P. 179–197.
14. Зерубавель, Я. Динамика коллективной памяти / Я. Зерубавель // ВикиЧтение. Империя и нация в зеркале исторической памяти : сб. ст. Илья Герасимов. – URL: <https://culture.wikireading.ru/80297> (дата обращения: 22.06.2023).
15. Жуков, Д. С. Трансформация политики коллективной памяти в постиндустриальном обществе / Д. С. Жуков, С. К. Лямин // Ineternum. – 2014. – № 1. – С. 34–42.
16. Дахин, А. В. Коллективная память сообщества. Невидимые структуры неизвестного знания / А. В. Дахин // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин : сб. науч. тр. – 2016. – № 6. – С. 198–214.

REFERENCES

1. Keightley, E. Remembering research: memory and methodology in the social sciences / E. Keightley // International Journal of Social Research Methodology. – 2010. – Vol. 13, nr 1. – S. 55–70.
2. Khal'bvaks, M. Social'nyje ramki pamjati / M. Khal'bvaks ; pier. s fr. i vstup. st. S. N. Zienkina. – M. : Novoje izd-vo, 2007. – 348 s.
3. Confino, A. Collective memory and cultural history: problems of method / A. Confino // The American Historical Review (AHR). – 1997. – Vol. 102, nr 5. – P. 1386–1403.
4. Kollektivnaja pamiat' kak riesurs konceptualizacii publicnykh i privatnykh prostranstv v miegapolisie // SSRN. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3150269 (data obrashchijenija: 21.09.2024).
5. Cordonnier, A. Collective memory: An hourglass between the collective and the individual / A. Cordonnier, V. Rosoux, A.-S. Gijs, O. Luminet // Memory, Mind & Media. – 2022. – Vol. 1, nr 8. – P. 1–16.
6. Conway, B. New Directions in the Sociology of Collective Memory and Commemoration / B. Conway // Sociology Compass. – 2010. – Nr 4 (7). – P. 442–453.
7. Logunova, L. Ju. Siemiejno-rodovaja pamiat': vriemiennyje ipostasi i social'nyje riesursy / L. Ju. Logunova // Viestnik Tomskogo gosudarstviennogo univiersiteta. – 2014. – № 379. – S. 69–75.
8. Olik, Dzh. Figuracii pamjati: processo-rieliacionnaja mietodologija, illiustrirujemaja na pri-mierie Giermanii / Dzh. Olik // Sociologichieskoje obozrienije. – 2012. – T. 11, № 1. – S. 40–74.
9. Miel'nikov, M. V. Nacionalizacija i privatizacija kollektivnoj pamjati o kul'turnykh travmakh: sociofilosofskie aspiekty izuchijenija / M. V. Miel'nikov // Viestnik Tomskogo gosudarstviennogo univiersiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija. – 2023. – № 72. – S. 122–130.
10. Shub, M. L. Social'naja, kollektivnaja i kul'turnaja pamiat': novyj podkhod k opriedelie-niju smyslovykh granic poniatij / M. L. Shub // Obsiervatorija kul'tury. – 2017. – T. 14, № 1. – S. 4–11.
11. Erll, A. Literature and the Production of Cultural Memory: Introduction / A. Erll // European Journal of English Studies. – 2006. – Nr 10 (2). – P. 111–115.
12. Cvietkova, I. V. Dinamichieskaja struktura kollektivnoj pamjati s pozicii mietodologii social'nogo konstruktivizma / I. V. Cvietkova, O. S. Jevchienko // Viestnik Viatskogo gosudarstviennogo univiersiteta. – 2023. – № 1 (147). – S. 20–28.
13. Kansteiner, W. Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies / W. Kansteiner // History and Theory. – Vol. 40, nr 2. – P. 179–197.
14. Zierubaviel', Ja. Dinamika kollektivnoj pamjati / Ja. Zierubaviel' // VikiChtienije. Impierija i nacija v zierkhalie istorichieskoj pamjati : sb. st. Il'ja Gierasimov. – URL: <https://culture.wikireading.ru/80297> (data obrashchijenija: 22.06.2023).
15. Zhukov, D. S. Transformacija politiki kollektivnoj pamjati v postindustrial'nom obshchie-stvie / D. S. Zhukov, S. K. Liamin // Ineternum. – 2014. – № 1. – S. 34–42.
16. Dakhin, A. V. Kollektivnaja pamiat' soobshchiestva. Nievidimyje struktury niezviestnogo znaniija / A. V. Dakhin // METOD: Moskovskij ezhegodnik trudov iz obshchiestvoviedchieskikh disciplin : sb. nauch. tr. – 2016. – № 6. – S. 198–214.

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай, рускай ці англійскай мове ў адным экзэмпляры аб'ёмам да 0,5 друкаванага аркуша (да 20 000 знакаў (без уліку метададзеных)), у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc, *.docx ці *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармату А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Усе малюнкi і фотаздымкі павінны быць толькі ў чорна-белым выкананні. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Узораў афармлення бібліяграфічнага апісання ў спісе крыніц, якія прыводзяцца ў дысертацыі і аўтарэфераце, зацверджаных загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 25.06.2014 № 159 (у рэдакцыі загада ад 01.10.2024 № 230). Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылкаў падаюцца ў квадратных дужках ([1–4], [1; 3], [1, с. 32], [2, с. 52–54], [3, л. 5], [4, л. 6 об.]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносак.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК;
- імя, імя па бацьку, прозвішча аўтара/аўтараў (аўтараў не больш за 5) на мове артыкула;
- звесткі пра аўтара/аўтараў (навуковая ступень, званне, пасада, месца працы/вучобы) на мове артыкула;
- імя, імя па бацьку, прозвішча аўтара/аўтараў на англійскай мове;
- звесткі пра аўтара/аўтараў на англійскай мове;
- e-mail аўтара/аўтараў;
- назва артыкула на мове артыкула;
- анатацыя ў аб'ёме 100–150 слоў і ключавыя словы на мове артыкула (курсіў, кегль – 10 pt.);
- назва артыкула на англійскай мове;
- анатацыя і ключавыя словы на англійскай мове.

Звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы ўнізе.

Асноўны тэкст структуравецца ў адпаведнасці з патрабаваннямі Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў:

- Уводзіны (пастаноўка мэты і задач даследавання).
- Асноўная частка (матэрыялы і метады даследавання; вынікі і іх абмеркаванне).
- Заключэнне (фармулююцца асноўныя вынікі даследавання, указваецца іх навізна, магчымасці выкарыстання).
- Спіс выкарыстанай літаратуры; спіс літаратуры павінен уключаць не больш за 20–22 крыніцы і абавязкова ўтрымліваць публікацыі, у тым ліку замежныя, па тэме даследавання за апошнія 10 гадоў.
- References – спіс выкарыстанай літаратуры, які прадубліраваны лацінскім алфавітам (колькасць крыніц, прыведзеных у спісе і ў References, павінна супадаць).

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- выпіска з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе (вучыцца) аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў);
- вынікі праверкі тэксту на прадмет арыгінальнасці пры дапамозе інструмента «Антыплагіят».

Усе артыкулы абавязкова праходзяць «сляпое» рэцэнзаванне. Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегія не разглядае і не вяртае. Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Рукапіс артыкула і дакументы дасылаць на адрас: 224016, г. Брэст, бульвар Касманаўтаў, 21, рэдакцыя часопіса «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта», электронны варыянт артыкула накіроўваць на e-mail: vesnik@brsu.by.

Карэктары *А. А. Іванюк, Л. М. Калілец*

Камп'ютарнае макетаванне *А. В. Кізул*

Падпісана ў друк 11.07.2025. Фармат 60×84/8. Папера афсетная. Гарнітура Таймс. Рызаграфія.

Ум. друк. арк. 16,04. Ул.-выд. арк. 12,31. Тыраж 50 экз. Заказ № 268.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013.

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.